

ВЫСШАЯ ШКОЛА

А.А. ДЕГТЯРЕВ

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия.

Редакционный совет: В.И. Бахмин, Я.М. Бергер, Е.Ю. Гениева, Г.Г. Дилигенский, В.Д. Шадриков

Рецензенты: доктор политических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ *М.Л. Ильин*, доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова *Ю.М. Павлов*

Дегтярев Андрей Алексеевич

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Руководитель объединения «Слово» Г.Н. Усков. Редактор О.В. Кирьязов.

Художественный редактор Ю.Э. Иванова. Художник В.Н. Хомяков. Технический редактор Л.А. Овчинникова. Корректор Г.Н. Петрова. Компьютерная верстка Т.В. Рысева.

ЛР № 010146 от 25.12.96. Изд. № РИФ-164. Сдано в набор 07.07.98. Подп. В печать 19.08.98. Формат 60x88 1/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Объем: 14,70 усл. печ. л. + 0,25 усл. печ. л. форз.. 15,70 усл. кр.-отт., 15,0 уч.-изд. л. + 0,42 уч.-изд. л. форз. Тираж 10000 экз. Зак. 1415

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Набрано на персональных компьютерах издательства

Отпечатано в ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати», 432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оглавление

Введение

Глава I. Политика как объект и предмет научного исследования

Глава II. Методы изучения политики

Глава III. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения

Глава IV. Политическая сфера социальной жизнедеятельности (концептуальные подходы)

Глава V. Политическая жизнь в объективированном измерении

Глава VI. Субъективированное измерение политической жизни

Глава VII. Агенты политических отношений

Глава VIII. Макрополитика. Политическая структура и институциональная организация общества

Глава IX. Политический процесс: концептуальные подходы и механизмы функционирования

Глава X. Политические изменения и социальное развитие

Заключение.

Литература

Введение

Литература Уже около десяти лет в российских вузах читаются курсы политологии, или политической науки. Вниманию читателей предлагается учебное пособие «Основы политической теории», которое подготовлено на базе обобщения семилетнего опыта чтения автором первого раздела общего курса лекций по политологии и социологии политики для студентов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Политология в России совсем еще молодая обществоведческая дисциплина, хотя еще в 1960-е годы в СССР существовала Советская ассоциация политических наук. Правда, если же взять дореволюционный период, то работы некоторых российских политологов попали в золотой фонд мировой политической мысли, как это стало с трудами М.Я. Острогорского, одного из основателей современной социологии политики¹. По-другому дело обстоит за рубежом, на Западе, где политическая наука уже давно прочно вошла в число признанных университетских дисциплин, как, например, в США, где она преподается в высшей школе уже свыше сотни лет.

В советский период все же предпринимались отдельные попытки «полуофициального» чтения курсов политологии (в 1979/80 гг. — курс «Социология политики» В.П. Макаренко в Ростовском университете и в 1983/84 гг. — «Основы теории политической системы» Ю.А. Тихомирова и В.Е. Чиркина в МГУ им. М.В. Ломоносова и др.), но это было скорее еще время политологического «андеграунда». С 1989 года, сначала в Таллинне, а затем и в Москве, политология преподается уже вполне официально, правда, под довольно конформным названием «Марксистско-ленинская политическая наука», играя роль своего рода «троянского коня» внутри марксизма-ленинизма и первоначально претендуя лишь на скромное место под солнцем рядом с научным коммунизмом (автору этих строк осенью 1989 года самому пришлось использовать эту «формулу» для прочтения одного из первых в Москве курсов политологии в ВКШ при ЦК ВЛКСМ).

Сегодня в России уже отшумели ожесточенные споры, связанные с вопросом «быть или не быть» в нашей стране политической науке, а если и быть, то какой: советской, социалистической или российской, патриотической, хотя в некоторых государствах, входивших в бывший СССР, дело чуть было не закончилось в какой-то момент менее успешно, как, к примеру, на Украине, где в определенный период только что пришедшие на смену научному коммунизму курсы политологии должны были быть заменены в вузах новой учебной дисциплиной — «научным национализмом» (?!)². Ныне в России политология уже достаточно уверенно вошла в систему базовых академических и университетских общественных дисциплин, опубликованы первые учебники, учебные пособия и курсы лекций. В то же время при разработке и преподавании политология в нашей стране испытывает немалые трудности, среди них и дефицит учебников для студентов, специализирующихся в области политологии и социологии политики. Попытку в какой-то мере заполнить эту «нишу» и выполняет данное издание, ориентированное на формирование круга профессиональных знаний и аналитических навыков у будущих профессионалов, аспирантов и студентов-политологов.

Одновременно нельзя удержаться и не задать один вопрос: не разделит ли политология в России судьбу просуществовавшего в нашей стране около трех десятилетий научного коммунизма? Не уступит ли политическая наука в вузах свое место чему-либо еще? Или же это всерьез и надолго? Думается, что спрос на политологию теперь уже и всерьез и надолго. И дело не только в общих тенденциях глобального развития и эволюции политической мысли, но и в судьбах демократии в России и колебаниях ее политической конъюнктуры, Перспективы российской политологии и становление ее национальной школы связаны и с тем, насколько успешно и эффективно отечественные политологи сумеют уберечься от соблазна превратить ее в очередную форму государственной идеологии, а вузовскую дисциплину — в новую версию кодекса норм политграмоты, заменившей на этом месте «старую и добрую» теорию научного коммунизма. В нашем понимании политология есть, прежде всего, научная, академическая дисциплина, а не просто набор догматов и максим старой «советско-коммунистической» или новой, благоприобретенной «американско-демократической» государственной религии или идеологической конструкции. Именно этой идеей руководствовался автор, стремясь представить многообразие самых разных концептуальных подходов в политологии, чтобы дать самим студентам и аспирантам возможность разобраться и познакомиться с современными достижениями мировой

политологической мысли, попробовать себя и самостоятельно политическом анализе и творческой оценке противоречивых политических событий в России и за рубежом.

Главной задачей учебного пособия является знакомство читателя с основными проблемами политической теории, связанными с определением ее объекта и предмета, внутренней логики и методов анализа, самых общих понятий «власть» и «политика», которые системообразуют анализируемые автором основные категориальные ряды, понятийный строй и аппарат для политологии в целом. Это тем более важно, что в политологии, как и в социологии в 80—90-е годы, начался так называемый «ренессанс большой теории», то есть усилилось внимание политологов к анализу общих методологических проблем и поиску ответов на «вечные» вопросы политической теории (например, теории демократии), свидетельством чего является монографическая литература и материалы трех последних XV, XVI и XVII конгрессов Международной ассоциации политических наук (Буэнос-Айрес, 1991; Берлин, 1994; Сеул, 1997)³. Поэтому автор ограничивает цель и предмет предлагаемого пособия неким **теоретическим введением и политическую науку**, выделяя лишь исходные проблемы и базовые понятия, дающие возможность войти в сложный и разнообразный мир анализа реальных политических явлений и процессов.

Автор благодарен и глубоко признателен коллегам, взявшим на себя труд прочитать рукопись книги и сделавшим ценные и глубокие замечания на различных этапах ее подготовки: В.Н. Амелину, В.Н. Нахину, М.В. Ильину, Б.Г. Капустину, Б.С. Орлову, Ю.М. Павлову, Н.Е. Покровскому, С.Н. Пшизовой, Т.Н. Самсоновой, А.И. Соловьеву, Е.Б. Шестопол. Посвящается же эта работа моему отцу — Алексею Алексеевичу Дегтяреву, проработавшему более четырех десятков лет в высшей школе.

Глава I. Политика как объект и предмет научного исследования

Политическое знание и мысль существуют в течение не одного уже тысячелетия, политология же, как научная и академическая дисциплина, развивается немногим более чем столетие. За многие годы разработки политических идей и концепций накоплен весьма значительный теоретический багаж, который просто невозможно было бы изложить в полном объеме в рамках одного учебника или даже многотомной монографии. В силу этого приходится выбирать наиболее важные методологические идеи и теории, которые оставили существенный след в теории и истории политологии. Кроме того, в этом случае необходимо выбрать специфическую логику и дидактику изложения наиболее важных результатов и положений политической науки, которые, конечно же, по многом зависят от определенных авторских позиций, поскольку всегда возможны самые различные пути и способы интерпретации накопленных человечеством политических знаний.

Вероятно, наиболее подходящим для учебных целей и задач способом освоения обширнейшей области обществензнания, связанной с политической наукой, был бы дедуктивный путь движения от самых общих теоретико-методологических проблем политики и политологии к анализу вопросов специальных разделов и составляющих ее частных дисциплин, разбирающих и рассматривающих отдельные аспекты политической жизни. Подобная логика учебного изложения политических знаний, в известном смысле, обратна логике собственно научного исследования объекта, проникновения с поверхности во внутренние механизмы политической жизни. Несмотря на это, мы начинаем содержательный анализ именно со «святая святых» и «тайны тайн», то есть с анализа самой природы существования и условий возникновения мира политики, которые связаны с феноменом власти и властного общения людей.

А открываем мы наш дискурс с
самых общих методологических

Политика в процессе познания
проблем политологии — постановки вопросов о ее объекте и предмете, логике и методах анализа.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАК ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ

Процесс становления политологии как научной и учебной дисциплины в отечественном обществознании запоздал, как, впрочем, это произошло и в деле становления ряда других научных направлений гуманитарного и естественного профиля. История 30-50-х годов, когда под запретом оказались генетика, кибернетика и социология, во многом повторилась в 70-80-е годы, когда под запретом оказалась фундаментальная политология, что аргументировалось полным освоением ее проблематики научным коммунизмом.

Политология сегодня занимает важнейшее место в зарубежном обществознании. Еще в античной общественной мысли политика, наряду с философией, была одной из центральных наук. В «Никомаховой этике» Аристотель именно ей отводит центральное место в своей всеобъемлющей по тому времени классификации наук. Для Аристотеля политика является важнейшей практической наукой постольку, поскольку она решает основную общественную задачу согласования всеобщего блага с благом отдельных людей посредством управления человеческим общежитием. Другие же науки связаны со средствами достижения этой цели¹. Итак, политическое знание, даже ранее прочих предметов, стало объектом интереса мыслителей прошлого. Но, как это ни странно, политическая наука отстала в своем конституировании по сравнению с иными общественными дисциплинами. Вплоть до второй половины XIX века политология находилась в недрах других наук — в первую очередь, в рамках философии, социологии, правоведения и истории. Это наложило отпечаток и на сегодняшнее понимание места политологии среди других общественных наук.

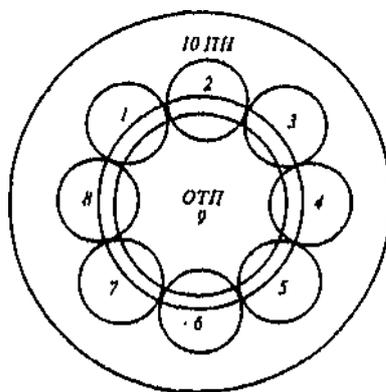
Политика является объектом исследования многих гуманитарных и общественных дисциплин. Правомерно возникает вопрос: в чем же специфика политологии по сравнению с другими многочисленными научными дисциплинами, изучающими политику? Для ответа на этот вопрос следует заметить, что политика как объект научного анализа изучается не только собственно политологией, но и, по крайней мере, еще восемью типами дисциплин обществоведческого знания: философией, социологией, психологией, антропологией, юриспруденцией, историей, культурологией и, наконец, политической экономией. Посмотрим, как расположились эти

дисциплины на необъятном ландшафте политической жизни. Философия изучает политику как феномен мирового развития и артефакт человеческой цивилизации. Социологию интересует воздействие социальной среды на политическую сферу, к примеру, вопросы взаимодействия подсистем собственности и духовной культуры со сферой властных отношений. Юриспруденция исследует «стыковую» область правовых и государственных норм и институтов. Историю занимают вопросы исследовательски-хронологического сбора и описания эмпирических фактов развития политических институтов и идей. Политэкономика исследует производственные отношения и экономические механизмы как материальную основу политической деятельности людей. Психология обращается к невесомой материи психологических механизмов и стереотипов политического поведения людей, тогда как антропология (или этнография) и культурология интересуются соответственно генезисом властных отношений и политическими традициями, ценностями, нормами.

Таким образом, в рамках обществознания на сегодняшний день существует около десятка базовых социальных и гуманитарных наук, изучающих под разными углами зрения политические объекты и феномены (схема 1).

Схема 1.

Соотношение предметных полей теории политики и общественных дисциплин

1 - философия	5 -антропология	9 - общая теория политики (ОТО)
2 - социология	6 -культурология	10 - политическая наука (ПН)
3 - психология	7 -экономическая наука	

Это современная, весьма дифференцированная система изучения политики. Однако, она не была такой в прошлом и, видимо, изменится в будущем, хотя довольно трудно прогнозировать характер и темпы развития, интеграции и дифференциации знания о политике.

Политика стала объектом исследовательского интереса и человеческого познания еще в те времена, когда не только общественная наука, но и вся научная мысль в целом существовала в нерасчлененном, синкретическом состоянии. Если взглянуть на первые исторически известные опыты написания работ на сюжеты, связанные с политикой (например, индийскую «Архашастра» и китайскую «Лунь Юй»), то без особого труда можно обнаружить переплетение политических проблем с темами, которые сегодня традиционно рассматриваются этикой, историей, социальной философией, юриспруденцией, а также религией, теологией и мифологией. Во многом это было обусловлено и самим тогдашним уровнем развития политических реалий, властных институтов и отношений: древняя политика была еще тесно связана с другими формами общения (семейными, экономическими и т. д.), когда свободные жители и община античных Афин, будучи одновременно и «полисом», и «демосом», еще очень слабо функционально расчленены и автономизированы по ролям и статусам.

Это состояние развития политической сферы проявилось в синкретичности и размытости самого предмета и контуров политического знания, еще не отделившегося от «праматери наук» — философии, а также не отдифференцировавшегося от этического и исторического познания. В Средние века система феодального государства и крепостного господства и, в первую очередь, иерархия отношений между вассалами и сюзеренами, рассматривается и зачастую апологетически легитимизируется в рамках теологии и правоведения и, конечно, опять в тех же границах истории и философии.

Эпохи Возрождения и особенно Просвещения внесли существенные коррективы в процесс дифференциации общественного знания, связанного с изучением политики. Появляется политическая экономия, а в самих традиционно изучавших ранее политику сферах общественнознания акценты начинают постепенно смещаться с философско-этических рассуждений (от Платона до Августина) на историко-политические (Макиавелли) или политико-правовые (Монтескье) исследования. В XIX веке семья дисциплин, изучающих политические явления и процессы, постепенно дополняется социологией, географией, этнографией (или антропологией) и психологией, а в XX веке всеми остальными современными науками, находящимися сегодня в общей обойме «политикознания»: от математики, статистики и кибернетики до демографии, биологии и экологии.

Многовековой процесс дифференциации (а затем и интеграции) обществоведческого знания, изучающего политические отношения, свидетельствует как о постепенной специализации политической мысли, так и о многократном усложнении содержания и структуры политических институтов, требующем зачастую уже специального изучения лишь одной стороны политических объектов при условии относительного абстрагирования от других аспектов, как это произошло, к примеру, с социологией, формирование и применение аппарата которой к изучению политического сознания и общественного мнения во многом было обусловлено появлением таких новых институтов и структур, как демократические выборы и плебисциты, избирательные системы и представительные) парламенты.

Политика как объект научного исследования имеет множество измерений и характеристик, поскольку она выступает в качестве одного из главных регуляторов социальных отношений, пронизывая многие другие сферы жизни общества и человека. Всесторонний анализ различных измерений политики обуславливает необходимость ее междисциплинарного изучения, привлечения потенциала и инструментария всех общественных, гуманитарных, а в ряде случаев даже естественных и технических наук (биология, математика, кибернетика и т. д.). Многие разделы политического знания последовательно аккумулируют результаты междисциплинарных разработок смежных с политологией разделов общественнознания: изучение политических институтов и норм тесно связано с правоведением; политических идеологий и учений — с философией; политических чувств и эмоций — с психологией; политических традиций и ценностей — с культурологией, а вопросы генезиса публичной власти и политики исследуются антропологией и этнографией. Данный список можно было бы продолжать и продолжать, однако, возникают сразу два вопроса: во-первых, а не слишком ли много наук, изучающих политические объекты, и во-вторых, в чем же состоит специфика политологии как научной дисциплины? На эти вопросы необходимо дать более или менее определенный ответ.

§ 2. АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ И ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Общая теория политики и политическая наука

Вопрос об автономном характере предмета той или иной науки, ее *differentia specifica*, задается обычно в период отпочкования и институционализации той или иной области знания, как особой академической дисциплины, причем, как правило, проблема эта возникает практически у каждой науки и в каждой стране в определенный момент в рамках своей национальной академической школы. Дискуссию о том, что должна изучать политическая наука, первыми

пережили США, где еще в конце XIX века политология отпочковывается от конституционного права. Затем в первой половине XX века за Америкой последовали Франция и некоторые другие европейские страны, а уже почти в конце нынешнего столетия дело дошло до СССР и России, когда в конце 80-х — начале 90-х годов в пузах страны стали читаться академические курсы по политологии, а в научных журналах появились публикации о ее предмете, структуре и методах². Итак, можно заключить, что первые диспуты о предмете политологии в большинстве случаев были связаны с ее самоутверждением и институционализацией в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины, то есть с поиском ее академической идентичности.

Важную роль в изучении вопроса о предмете политологии и в интернационализации ее академического признания сыграл известный Международный коллоквиум по вопросам содержания и структуры политической науки (Париж, 1948), созданный по инициативе ЮНЕСКО. Политологи из различных стран договорились о некоем едином международном стандарте в понимании объекта, предметного поля и границ политической науки, согласно которому последняя должна включать в себя следующие основные компоненты: 1) политическую теорию (теорию политики и историю политических идей); 2) теорию публичных (государственных) институтов (государственных, центральных и региональных, местных; законодательных, исполнительных и судебных), их структуры и функционирования; 3) теорию политического участия и давления граждан (партии, групповые объединения, общественное мнение) и 4) теории международных отношений (международных организаций и мировой политики)³. Таким образом, политологи пошли тогда во многом по пути «суммативного описания» предмета и границ политической науки посредством простого перечисления объектов и сфер, которые, по-видимому, она должна исследовать.

Этот путь привел со временем к достаточно распространенной точке зрения на «суммативное» определение предмета политической науки, как **совокупности политических объектов и соответствующем комплексе знаний**, отражающих ситуацию, когда нет одной политической науки, но есть многие политические науки, а посему «политология — это то, что делают политологи»⁴. С одной стороны, эта точка зрения имеет некоторые видимые достоинства. Во-первых, всегда можно добавить еще один сюжет или раздел к предметному полю политологии в связи с появлением новых политических феноменов и структур, что обеспечивает как бы внешнюю открытость самого познавательного процесса. Другим распространенным аргументом в поддержку этой позиции является утверждение о приобретаемом таким способом **целостном и инте**

гральном характере освоения мира политики. Последний системно и многоаспектно изучается в этом случае политической наукой, представляющей собой поэтому междисциплинарный комплекс философских, исторических, социологических, психологических и всех прочих видов знаний о политической жизни.

Но есть и другая, обратная сторона медали в этом «расширительном» и «интегративном» подходе. Не говоря уже о том, что определения предмета политологии такого типа, как «науки о политике» или же «того, чем занимаются политологи», тавтологичны и релятивны, они скорее затуманивают проблему, а не проясняют ее. Можно сразу же заметить, что они, по сути, возвращают политическую науку в первозданное лоно обществензнания, ставя тем самым под вопрос саму возможность специфической идентичности и необходимость автономного существования политологии. Ведь зачем вообще нужна еще одна общественная наука, как некий эклектичный набор из разных областей знаний? Кроме того, вместо теоретического поиска внутренних связей и объяснения глубинных механизмов и зависимостей политики на передний план выходит задача (сама по себе в отдельности, конечно же, верная) максимально подробного и разнообразного описания различных сторон и явлений политической жизни (психологических и идеологических, институциональных и социокультурных и т. д.), что, при отсутствии интегральной концепции, непременно приводит к фрагментарности, дескриптивности или же к спекулятивности метафизического философствования. К тому же нельзя забывать и то, что традиционно в научном анализе существует известное различие между «объектом» и «предметом» науки. Последний связан лишь с одним из многих аспектов и сторон познаваемого объекта. Это предполагает тем самым не абстрактное постижение «всех на свете» законов, а познание лишь какой-либо определенной, специфической группы связей, механизмов и закономерностей. Таким образом, в «интегративном» подходе к определению предмета политологии происходит подмена тезиса, когда «предмет» науки попросту заменяется ее «объектом»⁵.

Возможна и другая, более «узкая» и вместе с тем более детальная трактовка предмета политологии, согласно которой, помимо других общественных наук, в число интересов которых попадают политические объекты, должна существовать и особая наука, специальная теория политики (или «политология» в узком смысле этого слова). Эта специальная теория политики изучает политическую сферу жизни общества и человека, во-первых, не в общем ряду многих прочих объектов (как философия, социология, история и др.), а как единственный и основной объект; во-вторых, изучает не отдельные аспекты политической жизни (психология, правоведение, демография и др.), а рассматривает ее как

многомерную, целостную систему и, в-третьих, в качестве главного своего предмета изучает имманентные, присущие только политике закономерности властеотношений, то есть устойчивые тенденции и повторяющиеся связи в особом роде человеческих отношениях, взаимодействиях между властвующими и подвластными субъектами, властью управляющих и влиянием управляемых, В этом смысле политология со своими концептами, объясняющими взаимозависимости властвующих и подвластных, «внутренние» механизмы властеотношений и т.п., охватывает все объекты измерения политики (от государственных институтов до психологии и культуры властвования), и как общая теория политики она аккумулирует и интегрирует научные результаты, полученные с помощью научного арсенала других видов общественнознания.

Вполне вероятно, что так называемые «широкое» и «узкое» понимания предмета политики, в известном плане, вовсе и не противоречат друг другу, соотносясь скорее как два «концентрических круга» накопления политического знания, чем как оппозиционные стороны. **В широком смысле политология (как политическая наука) включает в себя все политическое знание, представляя собой, комплекс дисциплин, изучающих политику, тогда как в более строгом значении политология (или общая теория политики) связана лишь со специфической группой закономерностей отношений социальных субъектов по поводу власти и влияния, исследуя особый тип механизмов властеотношений и взаимодействий между властвующими и подвластными, управляемыми и управляющими.**

Нельзя не заметить, что представления о содержании и границах предмета политологии исторически эволюционировали и ив раз изменялись. Например, если взять только две наиболее влиятельные в мире национальные политологические школы и традиции, американскую и французскую, то и здесь за последнее столетие взгляды на предмет политической науки несколько раз изменялись. Если в конце XIX — начале XX века в фокусе внима-' ния западной политологии находится **государство**, его институтки и нормы, то в 30-50-е годы центр тяжести переносится на эмпирически наблюдаемое **политическое поведение** людей, а затем и на **властные отношения** между ними⁶. Не исключено, что взгляды на предмет политологии претерпят и очередную перемену в будущем вместе с изменением самих политических объектов и способов их изучения.

В целом же, если внимательно присмотреться к тем факторам и параметрам, которые влияли и продолжают влиять на изменение предмета политологии, то можно обнаружить существование трех «переменных величии», от которых зависит эволюция границ и содержания политической науки. Во-первых, это **познающий субъект**

ект, то есть политолог (или политический мыслитель) или сообщество политологов (школа), опирающихся на определенные оценочные, аксиологические критерии, вытекающие из их ценностных ориентации, которые, конечно же, обусловлены местом, временем и традициями; во-вторых, это собственно **объект познания**, изменяющаяся политическая жизнь в виде различных ее локализованных фрагментов и в разных состояниях; и в-третьих, к числу этих «переменных» относятся **средства познания**, сами методы и инструменты политической науки. Соответственно полученные в процессе применения исследовательских методов и процедур научные результаты и выводы о тех или иных механизмах политической жизни представляют собой лишь известную стадию проникновения в природу и закономерности развития изучаемого объекта, вызывая при этом вопрос об адекватности политологических знаний общенаучным критериям достоверности, а также проблему соотношения в теории политики «фактов» и «норм».

Проблема законов политологии По вопросу о существовании собственно закономерностей политики, а также рефлексивно соответствующих им и отраженных в теоретической форме **законов политологии**, мнения ученых существенно разделились. Имеются две прямо полярные точки зрения на эту проблематику в среде специалистов по методологии политической науки. Одна позиция, весьма широко представленная в марксистской, и в том числе отечественной литературе, исходит из принципов объективности и детерминизма в анализе политической сферы, предполагающих функционирование необходимых, устойчивых и повторяющихся связей в политических отношениях, другими словами, объективных законов политического процесса и развития, формулируемых в рамках теории политики, как, скажем, действие закона классовой борьбы для всех «классово-антагонистических обществ».

Другая позиция отстаивает прямо противоположный тезис, отрицая при этом и наличие «объективных», «железных» законом политики, и саму возможность построения «универсальной» общей теории политики, иногда все же признавая при этом существование неких «генерализаций» в виде функциональных (или корреляционных) зависимостей или же «нежестких» причинных связей. Вопрос о природе политологического знания действительно является одним из сложнейших в методологии политической науки, и, вероятно, было бы слишком большим упрощением либо «признать», либо «отрицать» существование и возможность познания закономерностей развития политики. Здесь можно лишь отметить, что абсолютное отрицание познаваемости механизмов политики, наличия связей и зависимостей в политическом мире вообще снимает как таковой вопрос о «политической науке» и ее «предме

те», а политология и таком случае становится лишь «грудой» собранных политических данных и фактов, хотя, может быть, даже и весьма умело систематизированных.

Другое дело, что здесь встает проблема самого **характера и формы** познаваемых и политике **причинно-следственных связей**. Эти «генерализации» или «универсалии» в политике нередко выступают и проявляются в виде «правил» эффективного политического поведения (например, «золотые правила» успешной политики и поведения мудрого руководителя в «Государе» Н. Макиавелли), или в форме «принципов» оптимального (или аномального) устройства, организации и функционирования политических институтов («правильные» и «неправильные» формы государственного правления у Аристотеля, зависимость формы правления от размера территории государства у Ш. Л. Монтескье, «закон» аномальной (антидемократической) олигархизации массовых партий Р. Михельса, «законы» бюрократизации С. Паркинсона, «теоремы» взаимообусловленности партийной и избирательной систем М. Дюверже, взаимосвязь институциональной организации политической системы с доминирующим типом политической культуры страны у Г. Алмонда или циркуляция элит у В. Парето), а также в виде «законов» политического развития и борьбы (к примеру, сформулированный в концепции К. Маркса «закон классовой борьбы» или же зависимость форм и темпов политических изменений и модернизации от уровня индустриально-технологического и экономического развития, выведенная Д. Литером, С. Хангтингтоном, С. Липсетом и др.).

Разработки, проведенные политологами в рамках во многом еще нормативной и традиционной политической мысли (вплоть до XIX века), а также эмпирические исследования в XX веке все же продемонстрировали некоторые возможности постижения глубинных тенденций и причинных зависимостей. Конечно, нельзя при этом не учитывать, что многие обнаруженные связи часто описывались повес не в форме «чистых законов», а в виде прагматических «правил» и «принципов», работающих при определенных условиях, как, например, политические правила заключения компромиссов и союзов, необходимости маневрирования и смены тактических форм и методов борьбы в соответствующих ситуациях и т. д.⁷. Знание закономерностей политики как неких «универсалий» нередко формулируется в виде высказывания, содержащего некую импликацию типа «если будут определенные условия и совместные интересы, то с потенциальным союзником необходимо сформировать коалицию», что явно будет отличаться от распространенного представления о законах, как об абстрактно «всеобщих» и «абсолютных», «желез

ных» и рафинированно «объективных» связях. Именно в этом духе К. Поппер ставит вопрос о верификации и фальсификации научных теорий и знаний о законах, которые представляют собой соединение универсального (абстрактного) и отдельного (конкретного) начал, описываемых символическими формулами или знаковыми системами. «Дать **причинное объяснение** некоторого события,— отмечает по этому поводу К. Поппер,— значит дедуцировать описывающее его высказывание, используя в качестве посылок один или несколько **универсальных** законов вместе с определенными сингулярными высказываниями — начальными условиями»⁸.

Следует также иметь в виду и то, что вплоть до начала XX века выводы и результаты разработок в области политической мысли формулировались преимущественно в нормативном виде и, как уже отмечалось выше, зачастую как политические максимы или принципы наилучшего устройства. Тем самым они включали в себя сильные компоненты морального долженствования и нравственного оценивания, да и к тому же порой априорного и, в основном, неverified характера.

С этой позиции, то есть с точки зрения природы составляющих политологическое знание элементов, последнее включает в себя как нормативные компоненты (принципы и правила, нормы и максимы), так и научные результаты изучения каузальных связей и зависимостей. Строго говоря, о политической мысли вплоть до конца XIX века можно говорить, как о некоем нормативном «политическом знании», тогда как политологическое знание XX века, связанное уже в основном с изучением каузальных связей, все больше приближается к общеметодологическим критериям «политической науки», хотя при этом полностью не может отказаться и от нормативно-ценностных подходов.

Такой характер политологического знания определяет социальную роль и статус политологии, ее функции в обществе, которые можно свести к трем основным: во-первых, к **познавательно-оценочной**, связанной с процессом исследования и проникновения в механизмы и закономерности политической жизни, а также описания, объяснения и оценки тех или иных ее событий и явлений; во-вторых, к **инструментально-праксеологической** функции использования научных выводов в политической практике, государственном управлении, партийной стратегии и тактике, в процессах принятия решений и технологиях их реализации; и, в-третьих, к **воспитательно-социализационной**, связанной с влиянием политического знания на механизм политической социализации и ресоциализации личности, с воспитанием индивида как гражданина своей страны, да и как вообще «политического человека», вклю

ченного во взаимозависимую мировую цивилизацию и в определенной степени ответственного за ее судьбы.

§ 3. ЛОГИКА ПОЗНАНИЯ ПОЛИТИКИ И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Как было показано ранее, политикой, как объектом исследования, интересуется множество общественных, гуманитарных и даже естественных наук, из чего следует, что в самом широком смысле слова под «политологией» или «политической наукой» можно понимать весь комплекс научных дисциплин, исследующих политику. В этом плане на сегодняшний день можно уверенно констатировать тот факт, **что политическая наука в силу процессов дифференциации и интеграции имеет чрезвычайно разнородный (гетерогенный) характер, а в ее структуру входят десятки частных дисциплин, или субдисциплин** (по разным оценкам и критериям, от 20 до 40), начиная от относительно традиционных — политическая история и география и заканчивая уж такими новейшими областями, к каковым относятся политическая статистика и информатика или политическая экология и биополитика.

Многие из этих субдисциплин уже институционализировались в самостоятельные академические и университетские дисциплины, а сообщества политологов, посвятивших себя изучению данных областей знания, даже объединились в национальные и международные ассоциации, как это произошло с Международной ассоциацией биополитики или с международными комитетами по политической психологии и социологии политики, существующими наряду с Международной ассоциацией политической науки (МАПН), образованной в 1949 г. В связи с этим структура политической науки может быть рассмотрена в трех основных проекциях.

Политологические субдисциплины

Уже отмечалось, что вряд ли имеются какие-либо противоречия в самой возможности существования, наряду со множеством частных политологических дисциплин, составляющих поле политикознания, специальной, обобщающей теории, изучающей политику всесторонне, как целостный предмет, то есть как многомерное реальное явление во всей совокупности его аналитических измерений. Такая дисциплина существует, и ее называют **общей теорией политики, или политической теорией (то есть «политологией» в узком смысле)**. Каково же ее соотношение с политической наукой вообще, и в чем состоит разделение труда между ней и другими политологическими субдисциплинами?

В ходе процессов дифференциации и интеграции знания на «стыках» и «границах» политологии и ряда наук гуманитарного и прочего профиля, в процессе установления их традиционных исследовательских областей и интересов, идущего еще с тех времен, когда теории политики как самостоятельной академической дисциплины просто не существовало, образовались **междисциплинарные научные отрасли, или политологические субдисциплины**. Все эти политологические науки, насчитывающие уже несколько десятков дисциплин, выполняют самые различные функции в системе познания мира политики.

Одни науки (философия и теоретическая социология политики, политическая культурология) разрабатывают **общеметодологические** подходы, инструменты и стиль политического анализа, углубляя и расширяя зону его проникновения в предмет изучения, поскольку политика, в силу обобщающего характера этого подхода, рассматривается в контексте гораздо более широких объектов — «мир», «общество», «цивилизация» и «культура» в целом. **Другие дисциплины** ориентированы прежде всего на **сбор данных и систематизацию фактов** о политических процессах и событиях, используя при этом самый различный инструментарий (политическая история, КСИ или эмпирическая социология, политическая статистика и информатика). Наконец, **третья группа политологических субдисциплин** связана с анализом либо **отдельных сторон и элементов** политической сферы (психология политики, политическая этнография и антропология), либо механизмов воздействия «внешних» по отношению к ней факторов и среды развития политической жизни (политическая экономия и демография, биополитика и политическая география).

Особое место занимает **проблема соотношения предметов «политологии» и «социологии политики (или политической социологии)»**. Некоторые политологи считают такое различие условным и конвенциональным, а ряд французских ученых (М. Дюверже, Р. Шварценберг и др.) используют эти понятия как синонимы, замечая при этом, что политическая социология — это современная политическая наука, использующая социологические процедуры и количественные методы. Более убедительны, на наш взгляд, некоторые американские ученые (С. Липсет, Р. Бендикс и др.), которые разводят политологию с социологией политики, относя к предмету политологии, прежде всего, изучение политических институтов и способы их «прямого» воздействия на социальные группы и граждан, тогда как социология политики изучает группу «обратных» связей и механизмов влияния гражданского общества на государственные институты⁹. В качестве рабочего определения можно было бы предложить сле

дующее понимание предмета социологии политики. *Социология политики (политическая социология) изучает социальные механизмы власти и влияния в обществе, закономерности воздействия социальных общностей на политические институты и взаимодействия граждан и их групп с государством по поводу властных основ социального порядка*¹⁰.

При этом в политической социологии уже выделилась такая особая дисциплина, изучающая мировую политику, как социология международных отношений.

Что же касается **общей теории политики**, то, несмотря на то что она аккумулирует и опирается на теоретические и эмпирические результаты политологических субдисциплин, исследовательские поля и объекты которых при этом пересекаются, их теоретический и категориальный аппараты вовсе не идентичны. «Необходимо проводить различие между **Политической теорией** (ПТ) как особой отраслью политической науки и **политической теорией** (пт) как более общим междисциплинарным образованием, включающим специфические литературы, деятельность и интеллектуальное сообщество»,¹¹ — отмечает по этому поводу известный американский специалист по теории политики, профессор Д. Ганнел. Например, научные исследования и их результаты по политической этнографии, связанные с историческим генезисом власти и политики, сосредоточенной в определенный период в границах ранних догосударственных (так называемых потестарных) структур, аккумулируются в общей теории власти, давая тем самым возможность точнее и яснее понять взаимосвязь ее онтогенеза и филогенеза.

При этом, конечно же, надо иметь в виду, что у общей теории политики есть свои внутренние структурные звенья: теории политической системы, процессов и развития, концепции власти (демократии и т. д.), теоретические системы макро-, микро- и меполитического развития, как, к примеру, теория внешних отношений и внешней политики, регионология, модели политического участия и лидерства, и наконец, концепции формальных и неформальных институтов политики (партиология, государствоведение, теории бюрократии и элит). Эмпирический материал для всех этих теорий поставляет, в первую очередь, сравнительный анализ внутренней и международной политики в синхронном и диахронном измерениях, так же как и другие разделы политической науки. Особо необходимо выделить в политической теории такой специальный раздел, как теория международных отношений и внешней политики.

Эмпирический и теоретический уровни политического знания

Политическая наука с необходимостью включает в себя эмпирический и теоретический уровни и аспекты знаний и исследований. Они тесно взаимодействуют в границах большинства политологических исследований, вбирающих в себя одновременно построение теоретических моделей, концептуализацию и операционализацию понятий и гипотез, так же как и первичный сбор и анализ политических данных. Нередко трудно не только установить последовательность и этапность процедур, связанных с задачами теоретического и эмпирического характера, но и просто практически их расчленивать, поскольку чаще всего они идут рядом как бы «параллельно». В то же время при теоретизировании на самом абстрактном уровне можно выявить политологические дисциплины, в большей степени ориентированные на эмпирические задачи сбора и систематизации фактов (политическая статистика, КСИ, история политических институтов и движений), и такие преимущественно теоретические разделы политологии, которые заняты конструированием абстрактных моделей и концептов, как, например, теории политической системы и развития, концепции политического сознания и идеологии и т. д. В этом плане такой феномен политической жизни, как политические выборы обычно изучается и теоретическим, и эмпирическим способами. Теория политических институтов изучает общее и особенное в устройстве и функционировании национальных избирательных систем, тогда как социология и статистика выборов своей исходной задачей ставят, как правило, сбор и анализ эмпирических данных о результатах той или иной отдельной выборной кампании или нескольких кампаний, тем самым обеспечивая «состыковку» теоретического и эмпирического уровней познания политики¹².

Фундаментальные и прикладные исследования в политологии

Не менее важным для выявления внутренней структуры политологии является вопрос о соотношении фундаментальных и прикладных исследований и знаний, достаточно запутанный в отечественной литературе, где, к примеру, очень часто смешиваются эмпирическое и прикладное знание в конкретно-социологических исследованиях политики¹³.

В учебнике по прикладному политическому анализу канадский политолог Л.Пал отмечает, что фундаментальное (академическое) исследование политики отличается от прикладного ее анализа прежде всего целями: если первое ставит основной задачей познание и лучшее понимание политической жизни, то второе связано с весьма прагматическими задачами оказания влияния и просто изменения текущей политики¹⁴. Для более четкого разведения фундаментальной и прикладной сторон (или компонент) политической науки можно было бы использовать пять критериев их относительного различия и разграничения, приведенных в табл. 1.

Таблица 1.

Критерии разграничения фундаментальных и прикладных исследований в политологии

Критерии	Фундаментальное исследование	Прикладное исследование
Цель (функция)	Познавательная (познание)	Преобразовательная (использование)
Роль субъекта	Объективированная (отстраненно)	Субъективированная (активно)
Связь теории	Опосредованная	Непосредственная
Фаза познавательного цикла	От сбора и описания эмпирически-	От абстрактно-теоретических моделей
Пространственно-временной континуум	В основном не жестко лимитированное	Локализованность пространства и лимитированность

К прикладным отраслям политологии можно отнести концепции государственного управления и партийной стратегии и тактики, теории принятия решений и ситуационного политического анализа, тогда как фундаментальные разделы политической науки можно было бы связать с теориями власти и политической системы, компаративным (сравнительно-историческим) исследованием политических институтов и культуры и т. д. Следует здесь же заметить, что прикладное исследование политики, как правило, является **междисциплинарным**, поскольку в фундамент подобного анализа, наряду с моделями политической системы, попадает изучение действия факторов ее «внешней» среды: экономических, психологических, социокультурных и прочих, требующее систематического привлечения выводов других фундаментальных наук. Прикладное политологическое знание поэтому в подобном ракурсе выступает вовсе не как эклектичное соединение конкретно-эмпирических выводов различных дисциплин, а скорее как технологический синтез разных абстрактных моделей в единую картину, дающую возможность теоретической интерпретации пестрой мозаики той или иной конкретной политической ситуации и возможность «встроить» в нее сам социальный субъект, сочетая таким способом «в себе определенные черты теоретического, эмпирического и практически ориентированного отношения к действительности»¹⁵.

С точки зрения взаимосвязи теоретической политологии с практической политикой, прикладные исследования могут порой доводить свой анализ лишь до оценки расстановки политических сил и прогнозирования вероятных путей развития политических событий, а иногда даже и до разработки практических технологий воздействия на текущую ситуацию, включающих пакет рекомендаций к принятию решений, выбору оптимальных позиций и выработке средств достижения целей¹⁶.

Логика политики и политологии. Здесь необходимо коротко остановиться на вопросе **о логике политологии как научной и учебной дисциплины**. Существуют две крайности по вопросу об определении границ и логики политологии. Первая из них связана с попыткой загнать все многообразие политической жизни в «прокрустово ложе» системы «законов» и «категорий» политологии, логически стройной системы политологических «спекуляций». Другая же позиция отдаёт нас безбрежному релятивизму отношений политолога со своим объектом и логикой анализа, когда политическая теория становится свободным размышлением над «тем, что и как делают политологи». Вероятно, надо стремиться к аристотелевой «золотой середине», избегая и первой, и второй крайности.

И в то же время вполне естественно стремление к логической упорядоченности и организованности накопленного политологического знания, так же как естественным является предположение о существовании неких общих звеньев и логических шагов в изложении выводов, полученных политической наукой. Сразу оговоримся, что в рамках «политической материи», вероятно, целесообразно выделить три существующих логических уровня. Во-первых, это имманентная логика политики как фрагмента объективной действительности. С другой стороны, это логика проникновения в политическую действительность, логика познавательного процесса и политологических исследований. Наконец, третьей стороной, или уровнем, является наличие логики изложения материала в дидактических рамках учебного курса политологии. На последнем моменте, оптимальной логике построения учебного курса политологии, мы остановимся специально.

Логика построения учебного курса тесно связана и с логикой развертывания политологии как научной дисциплины, и с логикой развития самой политики как объективного предмета. В то же время в ряде случаев логика учебного изложения может быть обратна логике научного познания политики, поскольку последняя движется нередко от поверхности к сущности, а в учебной дисциплине уместно было бы начать с сущностных характеристик, например, с политической субстанции — феномена власти. В этом движении присутствуют «закономерные моменты истинного отра

жения и закономерные «перевертывания» в сознании тех или иных сторон, отношений познаваемого»¹⁷.

В чем же смысл такой логики развертывания? В известном смысле, подобная логика исходит **из движения от абстрактного к конкретному**¹⁸, от исходной политической субстанции властного общения к конкретным политическим действиям и взаимодействиям. Первый, так называемый **субстанциональный аспект**, логически дает возможность начать изложение курса с «объективированных» и «репродуктивных» характеристик политической субстанции, а генетически— с возникновения феномена власти в человеческом обществе и с обособления политики в автономную сферу активности и особый тип общения и отношений. Следующий, **активистский аспект**, отражает политическую рефлексию социальной деятельности субъектов, аккумулятивной в политическом сознании общества, группы или индивида. Реализация этого аспекта, в свою очередь, как бы «распадается» на два уровня: политические действия и взаимодействия, отражающие саму активную роль социального агента, и «субъективированные» характеристики политики. Тему «Субъективации» политической жизни более обстоятельно рассматривают разделы, связанные с **микropolitическими отношениями**, со специальным анализом участия и поведения политических индивидов и групп, социальных механизмов группового давления на политические институты. Третий, **организационно-институциональный аспект**, связан с формами организации и структурами политики, образующими своего рода институциональный «каркас», устойчивую и несущую конструкцию и морфологию политической системы и порядка в обществе. От рассмотрения феномена власти здесь переходят к его системному оформлению в определенный устойчивый политический порядок, имеющий внутреннюю организацию и морфологическую структуру. За ним следуют **функционально-динамические разделы** курса, которые дают возможность раскрыть собственно «кухню политической жизни», то есть проблемы динамики политического процесса, политического развития и изменений. Последние разделяются на множество субпроцессов развития различных политических институтов. В этот блок включаются вопросы государственного управления и политической модернизации, процессов реформ и революций, избирательных и законодательных процессов и т. д.

Завершать же курс должен, согласно избранной логике, раздел, посвященный обобщающему осмыслению политики как явления **человеческой культуры**. Политическая культура есть своего рода результат сложных культурологических процессов, «снятие» всемирного опыта существования властных отношений, организации политических институтов, развития политических идей и представлений, различных политических изменений и процессов, действий

и взаимодействий. Политическая культура, с одной стороны, подытоживает политический опыт предшествующих поколений в форме традиций, а с другой стороны, для каждого нового поколения, вступающего в мир политики и властного общения, задает в качестве условий и предпосылок уже готовые правила политической игры в виде ценностей и норм. Итак, согласно этой логике, цикл аналитического движения начинается с «объективированного» анализа политики (таких объектов как власть и влияние, политическая субстанция и т. д.) и переходит к изучению ее «субъективированных» форм и ипостасей, проявляющихся как в субъективной рефлексии, так и в практических акциях и интеракциях отдельных политических субъектов (политическая деятельность и поведение, активность и участие), а затем это логическое движение «снимается» институциональными традициями и стереотипами, аккумулирующимися в ценностях политической культуры.

Сферы интересов и границы предмета политической науки постоянно меняются. Если проанализировать материалы и доклады трех последних, созываемых раз в три года, всемирных форумов Международной ассоциации политической науки, а именно XV (Буэнос-Айрес, Аргентина, 1991), XVI (Берлин, Германия, 1994) и XVII (Сеул, Южная Корея, 1997) конгрессов, то можно заметить, что в названиях докладов почти не используются понятия «политической системы» и «ее функции», в то время как на конгрессах 60-х — 70-х годов эти термины и сюжеты были едва ли не самыми употребимыми. По этому поводу уже в середине 90-х годов на заседаниях специализированного Исследовательского Комитета МАПН (РС.33) «Изучение политологии как научной дисциплины» отмечалось, что изменение состояния и предмета политической науки тесно связано как с ее парадигматической и концептуальной трансформацией, так и с мировым развитием в сфере ценностей и идеологии¹⁹, что, в свою очередь, приводит к появлению практически совершенно новой проблематики, как, например, тендерная политическая теория и феминистская практика или же политическая экология и глобалистика.

Политологи нередко даже пытаются предвидеть грядущее развитие политологии и ее основные направления в XXI веке, рассматривая действие тенденций и контртенденций гуманизации и дегуманизации политической науки, усиления ее сциентистского и ценностного начал, интернационализации знания и роста национальных школ и т. д.²⁰. Может быть уверенность лишь в том, что предмет современной политологии вряд ли уже полностью выявлен и что проблематика политической науки будет и далее развиваться и меняться вместе с изменением самой политической реальности в III тысячелетии, а также со сменой общественно-политических парадигм и развитием методологического инструментария.

Глава II. Методы изучения политики

В одной из своих ранних работ молодой К. Маркс пришел к выводу, что в науке важен не только результат исследования, но и путь, к нему ведущий, то есть средства, методы и инструменты научного познания, а также сам процесс их применения, составляющие его процедуры и операции. Сам К. Маркс блестяще владел практически всем современным ему арсеналом методов социальных наук, что позволяло ему применять в исследованиях общественной жизни самые разные комбинации качественных и количественных, логико-философских и конкретно-научных средств в различных областях социального познания, и в том числе в изучении политических процессов. Конечно же, тогда К. Маркс даже и представить себе не мог те современные методологические возможности и инструментарий, которые были открыты с началом применения электронно-вычислительной техники, как, например, компьютерное моделирование и многомерно-статистический анализ, создание кибернетических экспертных систем и информационных баз политических данных, заменивших во многом «ручные» методы количественного, а порой и качественного анализа политических реалий,

В то же время качественный политический анализ, включающий применение абстрактно-теоретических концепций, логических моделей, и по сей день имеет непреходящее значение для осмысления результатов количественного анализа, что подтвердил опыт изучения политического процесса в России последних лет. В качестве примера того, что математические инструменты в анализе политики действуют как своего рода «мельница», конечный продукт работы которой зависит далеко не только от «технологии», но и от «сырья», можно привести так называемую «Карту политической температуры России»¹, которая оценивалась как «диагноз политического климата» во всех регионах Российской Федерации на основе изучения 10 поименных голосований I Съезда народных депутатов

РСФСР. В чем же состояла и на что опиралась методика исчисления переменных значений «политической температуры»? На очень простое допущение о том, что, во-первых, политические позиции депутатов отражают «климат» представляемых ими регионов, и, во-вторых, поименные голосования депутатов выражают совокупное мнение их региональных делегаций, которые в тот момент разделились на две основные фракции демократов и коммунистов, то есть «Демократическую Россию» и «Коммунистов России».

Далее расчет «температуры» делался следующим образом: если в составе региональной делегации 20 человек и в ходе 10 поименных голосований ими подано 130 голосов с позиции «Демократической России» и 70 голосов с позиций «Коммунистов России» (соответственно 65% и 35% от общей суммы в 200 голосов), то «политическая температура» данного региона будет равняться их арифметической сумме с учетом знака вектора политической ориентации депутатов (соответственно «+» — это «демократическое тепло», «-» выражает «коммунистический мороз»), а именно $(+65^\circ) + (-35^\circ) = +30^\circ$. К каким парадоксам приводят такие «математические методы» можно убедиться, сравнив «политическую температуру» тогдашней Москвы и Московской области или Ленинградской области и Ленинграда, где соответствующие цифры равнялись «+93 °» (Москва) и «+10°» (Московская область), или «+87°» (Ленинград) и «-43°» (Ленинградская область), из чего следовало, что возможная разница между «городской жарой Питера» и «трескучими морозами Пушкина» составила 130°, а между жителями Мытищ и Медведково — политическая пропасть в 83°, тогда как средняя температура по России в целом равнялась у «политических математиков» всего лишь +7°. Для того чтобы избежать подобных неувязок, необходимо специально остановиться на вопросах методологии и методов политической науки.

Первый шаг, который надо сделать при рассмотрении методов политологических исследований, связан с рабочим определением того, что же мы вкладываем в категорию «научный метод»². Существует множество дефиниций этого понятия, изучение которых требует подробного анализа, но на этом в данной работе нет возможности останавливаться специально. В самом широком и общем смысле слова метод — это способ познания, а «научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство»³.

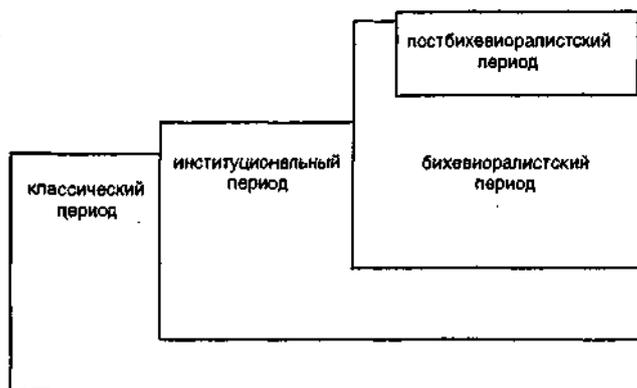
В более узком и специальном смысле **метод науки** есть *совокупность подходов и принципов, правил и норм, инструментов и процедур, обеспечивающих взаимодействие познающего субъекта (то есть ученом) с познаваемым объектом для решения поставленной исследовательской задачи.* Следовательно, методология политической пауки представляет собой особую научную область, учение о применении различных методов и их комбинаций в политическом познании, связанное с правильной постановкой проблем и выбором адекватных подходов, трансформацией методологических принципов и требований в совокупность конкретных операций и процедур, а также с использованием самых разных инструментов и разнообразной техники. За многие годы своего существования политическая мысль прошла довольно длительную эволюцию в области методологии и методов политологических исследований, на чем ниже следует остановиться.

§ 1. РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Этапы эволюции методов изучения политики

Основные типы методов и уровни методологии политологических исследований сложились постепенно и ходе исторического развития политической мысли, на каждом этапе которого доминировали те или иные методологические подходы (или их комбинации) и методические приемы. В связи с этим в известном американском учебнике «Методы политологического исследования; основы и техника» была предложена следующая периодизация развития методологии политической пауки, как применения той или иной комбинации и набора приоритетных средств политического познания: 1) **классический период** (до XIX века), связанный в основном с дедуктивным, логико-философским и морально-аксиологическим подходами; 2) **институциональный период** (середина XIX — начало XX в.), когда на передний план выходит историко-сравнительный и нормативно-институциональный методы; 3) **бихевиоралистский период** (50-70-е гг.), когда стали активно применяться количественные методы и 4) в последней четверти XX в. наступил новый, **постбихевиоралистский период**, характеризующийся сочетанием «традиционных» и «новых» методов¹¹.

Эволюция методов изучения политики

Важную роль в классический период играют аксиологические критерии и оценки тех или иных шагов политиков и форм государственной жизни, опирающиеся на господствующие ценности нормы нравственности, как это можно видеть по классификации, данной Аристотелем, трех «правильных» (монархия, аристократия и политархия) и трех «неправильных» (тирания, олигархия, демократия) форм государства. И в то же время уже здесь им используются индуктивные принципы **сравнительного подхода**. Выявляя общие и отличные черты известных ему политических устройств, опираясь на синхронный и диахронный методы, Аристотель анализирует фактический материал созданной при его непосредственном участии обширной серии из 158 исторических описаний, содержащих очерки развития и современного ему состояния строя разных государств⁶. При построении теоретических проектов идеального полиса Аристотель, наряду с Платоном и другими античными⁷ философами, использует даже некоторые простейшие элементы **логического моделирования**.

Позднее **компаративный** (сравнительно-исторический) анализ используют для сравнения политических режимов Англии и Франции в XV веке англичанин Дж. Фортезкью, а в XVII веке француз

Ш. -Л. Монтескье, отмечая при этом некоторые архаические черты французской королевской власти. Но, пожалуй, наиболее эмпирически ориентированным мыслителем для своего времени можно назвать П. Макиавелли, блестяще соединившего традиционное морализирование и философскую дедукцию при построении модели государства, составленной на основе наблюдения и историко-сравнительного анализа материалов по политическому развитию Италии.

Качественный сравнительный анализ выходит на передний план в XIX веке, когда появляются работы А. де Токвиля и Дж. Милля, К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых проводятся параллели и сравнения между основными европейскими государствами, а также формами правления в Старом и Новом Свете. И по сей день одно из наиболее популярных в мире современных учебных пособий это пособие для студентов под редакцией известного американского политолога Р. Макридиса по сравнительной политике, вышедшее многими тиражами и изданиями. Эта книга начинается с главы «Как нам сравнивать» из «Системы логики» Дж. Милля, где им обосновываются сами принципы компаративного подхода: соединение индукции и дедукции, сходства и различия, сопоставление изменений и их причин и т. д.⁷ И действительно, основным методом возникавшей в США во второй половине XIX века академической политической науки становится сравнительно-исторический и правовой анализ политических институтов (Г. Адаме, Д. Бэрдже), так же как подобное состояние методологии можно наблюдать в Европе (С. Гирке) и России (М. Ковалевский). Классики современной политологии М. Вебер и М. Острогорский, Г. Моска и В. Парето опираются на сбор политических данных при помощи в основном историко-сравнительных методов. По способу обоснования методологических положений работы классиков носят уже скорее эмпирический характер, поскольку их теоретические выводы строятся на интерпретации фактического материала, хотя при этом и не проводилось специальных исследований по сбору новых, ранее неизвестных фактов.

Следующий, бихевиоралистский этап в XX веке вызвал целую революцию в методологии политической науки, связанную прежде всего с применением новых эмпирических и количественных методов, заимствованных из арсеналов как психологии, социологии, экономической науки, так и из математики, кибернетики, географии и даже медицины. В 1928 году в США выходит одна из первых работ по применению математических, в частности статистических, инструментов (корреляционный и факторный анализ) в изучении политики (книга С. Раиса «Количественные методы в

политике»). Место традиционных приемов логической дедукции политических философов и описательно-исторической индукции институционалистов начинают занимать методы бихевиоралистов: сбора и анализа «достоверных» данных об «эмпирически наблюдаемом» политическом поведении, которые активно применяются и по сей день.

Из психологии и медицины в политическую науку проникают тесты и лабораторные эксперименты, из социологии — анкетные опросы, интервью, наблюдение, а из математики и статистики — регрессионный, корреляционный, факторный и другие виды анализа, а также математическое моделирование и методы теории игр. Особое место в методологии стали занимать методы изучения избирательного процесса и электорального поведения. Интересно, что уже в самом начале XX века российские ученые (В. Гори, А. Саликовский и др.) при помощи статистических приемов анализировали выборы в состав Государственной Думы России⁸. В то же самое время во Франции географ А. Зигфрид разрабатывает так называемую «политическую карту (или картину)» Франции, создавая тем самым новую методологию «избирательной географии». В 30—50-е годы в США в обиход методов политологии и социологии политики входят (прежде всего благодаря эмпирическим исследованиям Д. Гэллага и П. Лазарфельда) методы предвыборного зондажа общественного мнения и техника панельных (повторяющихся) опросов избирателей. В 60—70-е годы американцами начинают активно создаваться информационные базы политических данных и экспертные системы «искусственного интеллекта» на основе электронно-вычислительной техники, при этом в центр этих методик попадают принципы квантификации и процедуры измерения.

Но уже в конце 60 — начале 70-х гг. в западной политологии наступил кризис бихевиоралистской методологии, отстаивавшей сциентистские принципы и точные методы, измерение и квантификацию. Ряд американских политологов (Д. Истон и др.) выступили за возврат к традиционным подходам, качественным методам и моральным нормам, к тем принципам политической науки, которые сформулированы были в качестве основы постбихевиоралистской методологии. И даже сегодня в конце XX века не утихли споры о приоритетных подходах, а в мире политологов продолжают сохраняться два основных течения в рамках методологии политической науки: «традиционалистское» (исповедующее качественные методы классической и институциональной политологии) и

«эмпирическое» (выступающее за приоритет «точных» и количественных методов).

§ 2. ТИПЫ И УРОВНИ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

Есть ли у политологии собственный инструментарий?

Как было показано ранее, методы, применяемые в политической науке, прошли эволюцию не менее длительную чем сам предмет политологии, пережившей волны дифференциации и интеграции с другими общественными науками не только в проблематике, но и в методологии. Существует на этот счет даже особая точка зрения, согласно которой политическая наука вовсе «не имеет своих методов и техники и использует методы и технику других общественных наук, выбирая то, что в данном случае больше подходит к объекту исследования...»⁹. Можно было бы в ответ заметить, что в настоящее время вообще немного наук, обладающих и применяющих только «свои» собственные методы, поскольку даже математики сегодня активно используют инструменты формальной логики и принципы философии, элементы общей теории систем и средства кибернетики. И в то же время приведенное выше замечание в определенной степени справедливо с позиции генезиса применяющихся в политологических исследованиях различных методов, выполняющих различные функции.

Каждое «новое» применение «старого» метода по-своему уникально, поскольку каждый раз познающий субъект (ученый-обществовед) постигает познаваемый объект (социальной или политической реальности) через призму своего понимания исследовательской задачи и средств ее решения. В этом плане он волен выбрать любой метод или любую комбинацию каких угодно инструментов для своего исследования политической действительности.

Типологии методов Можно было бы в самой общей форме попытаться выделить основные разновидности методов, применяющихся в политологических исследованиях, а также определить некоторые критерии для их классификации. Первым основанием для подобного деления может послужить степень общности анализа объекта или диапазона реальности, изучаемого наукой. В соответствии с этим критерием необходимо выделить три группы методов, используемых в политическом познании: 1) *общенаучные*; 2) *социально-гуманитарные* и 3) *специально-научные*.

Первая, общенаучная, группа методов, в свою очередь, состоит из двух основных компонентов или подгрупп познавательных средств: *логико-эвристических* приемов и *философско-аксиологических* принципов

изучения политической жизни. В *первом* случае речь идет о таких хорошо известных всякой науке логических методах, как индукция и дедукция, анализ и синтез, диагноз и прогноз, определение и классификация, сравнение и аналогия, дескриптивно-конкретное описание и абстрактно-объяснительная интерпретация, наблюдение и эксперимент, статистический анализ и логико-математическое моделирование, верификация и фальсификация и т. д.

Второй компонент общенаучных способов познания связан с философско-мировоззренческими принципами и оценочно-аксиологическими критериями, из которых явно или неявно исходит каждый ученый в любой области научного знания. Например, политолог может быть методологически ориентирован на принципы диалектики или системного подхода, структурного функционализма или информационно-энтропийного анализа, которые служат для него определенной системой координат в виде оценочных критериев и общеметодологических принципов. Скажем, то, что для сторонника системного подхода является верным ориентиром в политическом анализе, может вызвать огонь критики со стороны приверженца диалектического метода, который обвинит последнего в метафизическом конструктивизме.

Особенность второй группы методов состоит в том, что инструменты этого рода используются в основном в социально-гуманитарных дисциплинах, в отличие от естественных и технических наук. К ним относятся методы историко-сравнительного и синхронно-компаративного исследования, анализа документов и источников, а в последнее время в большинство общественных наук проникли принадлежавшие ранее лишь психологии тесты и шкалирование, а из социологии — интервью, анкетные опросы и зондажи общественного мнения; из культурологии — методы изучения стереотипов и традиций; из лингвистики и семантики — приемы анализа знаков и символов и т. д.

Что же касается последней в рамках данного деления, третьей группы специально-научных методов, то к ним можно отнести те приемы, которые уже наработаны в самой политологии, — модификацию или комбинирование нескольких методологических компонентов в особый инструментарий, пригодный лишь при специфическом исследовании конкретного политического объекта. В качестве примеров можно привести имитационное моделирование политических ситуаций с использованием элементов теории игр или рейтинговые экспертные оценки популярности политических лидеров со шкалированием, или же, наконец, многомерно-статистический, сравнительный анализ государств и партий, который осуществим лишь с использованием компьютерной техники. Подобная классификация наводит на мысль, что данные группы методов составляют не только

разновидности, но и *определенные уровни методологии политической науки*. Конечно, можно было бы и возразить: а в чем же тогда собственно сам смысл выделения трех этих уровней, если все их можно редуцировать и свести к элементарным логическим процедурам? Если же идти последовательно по этому пути, то тогда вообще нет других научных приемов, кроме правил силлогистики, поскольку еще Гегель писал о том, что всякая наука есть «прикладная логика». Тем не менее известно, что экспериментальные, естественные и технические, науки используют в основном лабораторные и прочие опыты, тогда как в социальных науках место эксперимента нередко приходится замещать теоретическими моделями и «силой научной абстракции» (К. Маркс).

Качественные и количественные методы

Возможны и другие основания для типологизации политологических методов, к примеру их деление на *качественные и количественные*, которое стало особо актуальным во второй половине XX века. Качественные методы возникли, как уже было сказано выше, гораздо раньше количественных. Если первые опираются на изучение и определение качественных признаков и свойств политических объектов, то вторые на прямое или косвенное измерение, предполагающее использование символично-математической формализации и квантификации этих параметров. Следует заметить, что в современных методиках политологических исследований весьма сложно обозначить грань между качественными и количественными подходами. Характерным случаем подобного затруднения являются современные, охватывающие десятки, а то и сотни сравниваемых объектов, компаративные политические исследования¹⁰, которые проводятся с использованием как качественных подходов, так и новейших математических и кибернетических средств сбора и обработки информации. Подавляющее число подобных исследований связано с микрообъектами политики (исследования партий, феноменов участия, лидерства и т. д.), но сегодня уже существует немало проектов, в которых объектами для сравнения выступают макросистемы — государства или страны, которые практически невозможно анализировать вручную, без привлечения математического аппарата и обобщения десятков национальных статистик при помощи ЭВМ.

Как яркий пример переплетения качественных и количественных методов в политологических исследованиях, где они используются и последовательно, и параллельно, можно было бы привести пару едва ли не самых известных сравнительных проектов последних лет. Это исследование К. Джанды «Политические партии:

Кроснациональное исследование» (1980), охватившее 158 партий из 53 стран за 25-летний период 50 — 70-х годов, и Т. Ванханена «Процесс демократизации: Сравнительное исследование 147 государств» (1990), описывающее период с 1980 по 1988 год. И К. Джанда, и Т. Ванханен начинают с концептуализации качественной модели: один — политической партии, другой — демократического государства, соответственно заканчивающейся краткими рабочими дефинициями¹¹, которые, в свою очередь, открывают возможность для дальнейшей операционализации, а также квантификации. Далее на основе исходных дефиниций, обозначающих границы политических объектов, разрабатываются базовые концепты для определения основных признаков, описывающих партии или государства. В проекте К. Джанды выделяются 111 переменных, которые сгруппированы в 12 кластеров, соответствующих основным характеристикам организации и деятельности политических партий (институционализация и государственный статус, социальный состав и база, характер и степень организованности, цели и ориентация и т. д.). В свою очередь, Т. Ванханен берет в соответствии с его определением два качественных индикатора демократического характера государств — «состязательность» и «участие», на базе которых им разрабатываются различные количественные индексы (например, индекс властных ресурсов (ИВР)) и кластеры измеряемых переменных, создающие возможность для анализа мировой социальной и политической статистики.

Функциональные задачи методологического инструментария

И наконец, последним из наиболее важных критериев классификации методов политологии является их *функциональное предназначение*, на основе которого можно выделить, с одной стороны, инструменты (с преобладанием индукции) для описания и сбора политических данных, а с другой — преимущественно дедуктивные способы анализа и интерпретации собранных фактов¹². Эти функции нередко связывают соответственно с двумя уровнями и аспектами исследовательской деятельности: конкретно-эмпирическим и абстрактно-теоретическим. К первым относят такие методы сбора первичной социально-политической информации, как контент- и ивент-анализы, опрос, интервью, прямое наблюдение, шкалирование и прочие приемы, тогда как вторые связывают с формулировкой теоретических гипотез и построением абстрактно-логических и математических моделей, со средствами концептуализации и интерпретации, объяснения и конструирования.

В действительности же эти две группы познавательных средств теснейшим образом переплетаются в фундаментальных и прикладных исследованиях политической жизни.

§ 3. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Выше уже отмечалось, что XX век стал столетием бурного роста методологий и методик, связанных с использованием инструментария эмпирических, количественных подходов. До сих пор не стихают споры между «традиционалистами» и «бихевиоралистами», сторонниками качественных, логико-философских и историко-сравнительных подходов и приверженцами «новой методологии», основывающейся на методах измерения, применении математических, статистических и компьютерных средств анализа специально собранных для этого и достоверных эмпирических данных. Разбор докладов и материалов трех последних конгрессов МАПН (Буэнос-Айрес, 1991; Берлин, 1994; Сеул, 1997) показывает, что политологами активно используются и «традиционные», и «новые» методы, которые нередко просто взаимодополняют друг друга. Что же касается современных методик политологических исследований, то они в большинстве случаев представляют собой форму, звено или способ адаптации общих и частных методов к изучению специфических и по-своему уникальных политических явлений и процессов, предполагающему определенное комбинационное сочетание и пропорцию «традиционных», качественных и «новых» эмпирических, количественных способов политического познания, не сводимых ни к одному из этих способов в отдельности¹³.

В то же время весьма важным является вопрос о магистральных направлениях развития методологии современной политической науки на рубеже III тысячелетия. Его решение, в свою очередь, предполагает определение наиболее перспективных направлений *фундаментальных и прикладных, теоретических и эмпирических исследований* в свете последних достижений политологии.

Начнем с перспективных методологических подходов в сфере фундаментальной политологии.

Сравнительный (компаративный) метод

И сегодня политологи активно применяют методологический инструментарий сравнительного анализа феноменов политики, опирающийся на принципы сходства и различия, дедуктивные теоретические модели политических институтов и индуктивные методы их верификации с помощью диахронно-исторического и синхронно-функционального способов сбора данных, далеко не всегда обладающих необходимой

детальной полнотой (например, когда под руководством С. Верба было проведено исследование политической элиты развитых демократий, то оно было сделано на материале, собранном всего лишь в трех странах — США, Швеции и Японии).

Одновременно уже с начала 60-х годов с появлением больших ЭВМ, а затем ПЭВМ и компьютерных сетей предпринято уже немало попыток практически тотального описания всей, без исключения, совокупности сравниваемых объектов на основе математической обработки статистической и прочей достоверной информации. В мировой политологии 1962 год в известном смысле стал рубежным, этапным, когда в США был создан (ставший сегодня транснациональным, своего рода «Меккой политологов») Мировой архив баз данных Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований (г. Энн-Арбор, Мичиганский университет), и в это же время началась работа по трем крупнейшим проектам компаративного анализа государств и социально-политических систем в мире: 1) «Сравнительный анализ государств» (руководители А. Бэнкс и Р. Текстор, Массачусетский технологический институт и др.); 2) «Измеримость наций» (Г. Гецков и Р. Раммель, Северо-Западный университет и др.) и «Йельская программа сбора политических данных» (Б. Рассет, Х. Апкер и др., Йельский университет)¹⁴.

В основу разработки системы индикаторов для измерения количественных величин легли именно качественные подходы. Например, в Йельском проекте все 75 измеряемых параметров внутреннего и внешнего политического поведения 133 государств (их институтов и общностей) периода конца 50 — начала 60-х годов были отобраны на основе качественных моделей, структур и концептов, разработанных крупнейшими американскими политологами-теоретиками Р. Далем, Г. Лассуэллом, К. Дойчем, Д. Лапаламбарой и др. Разработчики баз политических данных постоянно отмечали при этом, что главной исследовательской задачей является создание вовсе не «мертвого архива фактов», а, прежде всего, «действующей лаборатории». В России также появились первые базы данных (БД) по политике, как, к примеру, в Институте США и Канады РАН, где проводилась работа по созданию БД «Аэлита» (по политической элите США) и «Политические партии» (по политическим партиям России), хотя, по сравнению с состоянием разработки информационных политологических систем на Западе, отечественные исследования находятся лишь на начальном этапе.

Моделирование политики

Моделирование политических процессов началось уже в первой четверти XX века, когда были предприняты Л. Ричардсоном в «Математической психологии войны» (1919) первые попытки разработать модель гонки вооружения

ний между двумя национальными государствами. Особенно активно математические модели в политологии стали применяться в эпоху «бихевиоралистского подъема» 50-60-х гг. Сегодня в связи с совершенствованием ЭВМ и программных средств моделирование макро- и микрополитических процессов стало одним из перспективных направлений и развития методологии политической науки, которое, в свою очередь, имеет массу собственных разветвлений. Возьмем лишь *системное моделирование политики*, которое охватывает и динамические, и стохастические модели политической жизни, активно применяемые для анализа и диагноза циклически повторяющихся избирательных процессов и кампаний, а также прогнозирования результатов выборов в парламент¹⁵.

Но многие новые методы и методики применяются не только для проведения фундаментальных, теоретических исследований, но и в чисто *прикладных целях для анализа текущих политических ситуаций и выбора оптимальных решений* по заказу как государственных, так и корпоративных структур. С конца 60-х — начала 70-х годов в США появляются компьютерные информационные системы с аналитическими «надстройками» над обычными базами данных.

«Экспертные системы» и «искусственный интеллект» в прикладном политическом анализе

В прикладном анализе политического развития постперестроечной России, пожалуй, самым распространенным методом является качественная экспертная оценка. Совокупность их осмысливается в аналитическом сопоставлении, осуществляемом научным сообществом. Вместе с тем, еще в 1969 году по заказу Госдепартамента и Агентства по контролю за вооружением и разоружением в США были созданы «экспертные системы» (ЭС) политического анализа WEIS (рук. Ч. Маклелланд) и CASCON (рук. Л. Блумфилд), использовавшие системный принцип взаимодействия «человек-машина». В отличие от баз данных, эти две прикладные системы включили в себя и блок сбора, и блок анализа политической информации. При помощи «инвент-анализа» (описания событий) каждое внешнеполитическое событие характеризовалось через четыре параметра, выявляющих: 1) субъекта (инициатора) воздействия, 2) объекта воздействия, 3) типа взаимодействия, 4) времени и места события. Политический эксперт, помимо исчерпывающей информации о политических взаимодействиях и событиях, получал целый программный пакет процедур машинной обработки и компьютерного структурирования первичных данных, включавший регрессионный и корреляционный анализ поступающей на «вход» социально-политической статистики, использо

вание семантического дифференциала Ч. Осгуда, средств энтропийного анализа и теории графов и т. д.

И уж практически совсем новыми являются разработки многоролевых компьютерных политических игр (программы, опирающиеся на принципы математической теории игр), а также так называемого «искусственного политического интеллекта», опирающегося на методы когнитивной психологии и ориентированного, к примеру, на имитацию процессов принятия решений в условиях дефицита информации, множественности задач и повышенного риска от ожидаемых политических последствий (современная экспортно-аналитическая система ЦРУ «Factions», функционирующая начиная с середины 80-х гг. в условиях режима «эксперт-компьютер-эксперт»)¹⁶. В целом же, все или почти все новейшие методы и методики политологии конца XX века стоят перед все той же самой проблемой оптимального сочетания адекватных качественных и усиленных современными ЭВМ количественных приемов анализа все более усложняющихся отношений между людьми по поводу политической власти и влияния.

Глава III. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения

Концепции власти занимают в политической науке место, по своему значению и глубине подобное, например, месту в физической науке теории относительности или квантовой механики. Разгадка и постижение сути властного общения составляют заветную мечту каждого политолога, так же как обретение всякого нового знания о природе власти и механизмах властвования составляет едва ли не самую главную задачу фундаментальной политологии, общей теории политики. Первые попытки разобраться в парадоксах и механизмах политической власти были предприняты еще в древний период политической истории Индии, Китая и Греции. И, вероятно, не случайно, что древнегреческое слово «архе» — «власть» или «главенство» — имело и другое значение — первоначала или первопричины.

С действием созидательных и разрушительных, а подчас, казалось бы, демонических сил столкнулась и Россия в своей политической истории. Власть в условиях тоталитарной диктатуры, неограниченная и бесконтрольная, породила террор и репрессии, которые унесли жизни миллионов россиян, и нельзя при этом забывать, что делалось все это от имени народа и по воле «народной» власти. До сих пор в острых научных и политических дискуссиях постоянно всплывает вопрос о том, кому принадлежала, да и реально принадлежит власть в нашей стране: народу или господствующему классу, номенклатуре или мафии, экономической элите или кучке честолюбцев-олигархов. Власть и властолюбие продолжают продуцировать и ретранслировать такое количество вождельний и страстей, которые трудно сравнить по своей силе даже с мощнейшими страстями корыстолюбия, разгорающимися вокруг «золотого тельца». Итак, вновь и вновь ревивализируется вопрос, что же такое власть как феномен социальной жизни, а вместе с ним и другой: были ли прежде и каковыми были наиболее интересные попытки ответа на него в истории и теории политики.

§ 1. КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ВЛИЯНИЯ

Таинственные загадки и парадоксы политической власти, выступающей одновременно и целесообразной силой, и злой волей, занимали умы и философов, и писателей. Крупнейшие мыслители Гомер и Шекспир, Гете и Гегель, Ницше и Достоевский, Сартр и Кафка в социально-философских или литературно-художественных произведениях, каждый по-своему, пытались приоткрыть завесу над этой, далеко не познанной и не разгаданной стороной жизни общества и человека. Почему власть играет двойственную, амбивалентную роль, бывая то необходимым и целесообразным механизмом общения людей, управления обществом, то выступая в качестве злой и дегуманизированной силы, как это было два десятилетия назад в Кампучии, где «революционный режим» от имени народной власти уничтожил едва ли не треть или четверть населения страны.

Именно эта мысль противоречивой двойственности власти проходит практически через все крупные концепции и теоретические размышления о ее природе в истории политической мысли. Уже в Древнем Китае Конфуций и Мо-Цзы обращают внимание на божественную и естественную стороны происхождения власти и на необходимость существования власти как механизма общения между людьми, регулятора отношений господства и подчинения между управляющими и управляемыми. Конфуций (551—479 гг. до н. э.) традиционалистски придерживается понимания власти как божественного — «повеления неба» — установления, дает ей при этом патриархально-патерналистскую трактовку и уподобляет иерархическую власть императора над подданными отеческой власти старшего, главы семьи или рода, над младшими его членами.

Большинство идей и концепций, трактующих политическую власть, а также самих определений категории «власть» в ранней истории политической мысли в первую очередь связаны с необходимым порядком и согласием между людьми, управлением и целесообразным регулированием человеческих отношений.

Мо-Цзы (479—400 гг. до н. э.) исходит из более рационалистической интерпретации природы власти, едва ли не первым в самом общем виде высказывая идеи об ее «естественном происхождении» и «общественном договоре», отмечая при этом, что в качестве властителя люди выбрали самого мудрого и добродетельного человека Поднебесной и сделали его «Сыном Неба» для того, чтобы создать систему управления и преодолеть социальный хаос, который наблюдался среди людей, живших подобно диким зверям. Аналогично рассуждает и Аристотель в «Политике», когда пишет, что властный механизм необходим для организации и

Классификация интерпретаций власти регулирования общения между людьми, поскольку «верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления»¹. Аристотель (в противоположность Конфуцию) отличает господскую и семейную власть от власти общественной или политической.

Затем уже в Новое время идея целесообразности механизма государственной власти находит более развернутое обоснование в теории «общественного договора». Один из ее создателей, английский мыслитель писал о необходимости организации общей власти путем соглашения «каждого человека с каждым другим для преодоления естественного состояния «войны всех против всех». Гармония «может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло свести все воли граждан в единую волю»². Из этой же самой идеи «общественного договора» исходил и Ж. -Ж. Руссо, наделяя, однако, властью не единоличного государя-суверена, а народную ассоциацию, выражающую волю всего народа как равнодействующую частных волей людей.

Но уже в ранние периоды истории политической мысли была замечена и вторая сторона феномена власти, а именно ее **отчуждающая и отчужденная природа**. Тот же Аристотель (а позднее Монтескье) отмечает опасность злоупотребления властью, отчуждения ее от рядовых граждан, когда обладающие властью используют ее для своей частной пользы вместо общего блага. Рецепты преодоления властного отчуждения предлагались самые разные: от идеи «смешанной» власти (Полибий, Макиавелли) и разделения властей (Локк, Монтескье, Гегель) до полной ликвидации государственной власти вместе с государством (Годвин и Штирнер, Бакунин и Кропоткин)³. Гегель, определяя государственную власть как «всеобщую субстанциональную волю», вместе с тем, для пользы гражданского общества и оптимизации управления, считает необходимым функциональное деление власти на **законодательную**, отражающую общие интересы, **правительственную**, связывающую общее с отдельными, особыми случаями, и, наконец, **княжескую**, объединяющую всеобщее, особенное и специфическое начала в единую систему государственного механизма, преодолевающего в силу этого узость эгоистических интересов.

С периода становления и развития марксизма уже можно говорить о начале современной эпохи в трактовке природы политической власти. Многочисленные концепции власти в современной специальной литературе классифицируются по ряду оснований. Прежде всего, концептуальные

подходы к интерпретации политической власти, с пониманием их условности и относительности, можно было бы разделить в логико-гносеологическом аспекте на два больших класса: 1) **атрибутивных концепций**, трактующих власть как атрибут, субстанциальное свойство субъекта, а то и просто как самодостаточный «предмет» или «вещь»; 2) **реляционных доктрин**, дающих объяснение власти как социального отношения или общения как на элементарном, так и на сложном коммуникативном уровне. Атрибутивно-субстанциальные концепции власти, в свою очередь, условно подразделяются на: 1) потенциально-волевые; 2) инструментально-силовые и, с известной оговоркой, 3) структурно-функциональные подходы.

Волевые концепции рассматривают власть как потенциальную способность или возможность навязывать волю какого-либо политического субъекта другим. Такой подход особенно характерен для традиции немецкой политической мысли. Гегель и Маркс, Фихте и Шопенгауэр, Ницше и Вебер прибегают к волевой способности в самых разных, порой полярных определениях власти (например, как «воли экономически господствующего класса» К. Маркса или «энергии и воли сверхчеловека» Ф. Ницше и т. д.). Классическое определение категории «власть» дает М. Вебер, который понимает ее, как «любую возможность проводить внутри данных общественных отношений собственную волю, даже вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем такая возможность основывается»⁴. Строго говоря, такое определение власти при желании можно интерпретировать и как «волевое отношение», но акценты у М. Вебера, так же как и у Г. Гегеля или у К. Маркса, все же смещаются на трактовку ее как некоего потенциала политического субъекта, обладающего особыми субстанциальными качествами носителя власти.

Во многих волевых определениях и подходах к власти ставится вопрос о средствах ее реализации и способах ее «распредмечивания», инициируя тем самым ее **инструментально-силовое** понимание, связанное уже с англо-американской традицией. В «Левиафане» Т. Гоббса власть, которой обладает суверен, представляет собой не столько некий абстрактный потенциал, сколько реальное средство принуждения, форму силового воздействия. «Определение власти Т. Гоббса, в котором чувствуется влияние механики, является инструментальным. Для Гоббса власть — это скорее «власть сделать», чем «власть над людьми», она направлена к объектам желания, к результатам деятельности...»⁵. Такой же трактовки власти как реальной силы и средства реализации воли придерживаются и

сторонники бихевиоралистской «силовой модели» власти американской школы «политического реализма», которые и во внутренней (Д. Кэтлин), и в международной (Г. Моргентау) политике исповедуют взгляд на публичную власть как на силовое воздействие политического субъекта, контролирующего определенные ресурсы и (при необходимости) использующего даже прямое насилие и принуждение.

И, наконец, в современной политической теории разработаны **системный и структурно-функциональный** способы интерпретаций власти, которые мы можем увидеть в работах Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, М. Крозье и др. По Т. Парсонсу, власть представляет собой особенное интегративное свойство социальной системы, связанное с поддержанием ее целостности, координацией общих коллективных целей с интересами отдельных элементов, а также обеспечивающее функциональную взаимозависимость подсистем общества на основе консенсуса граждан и легитимизации лидерства.

Рядом с атрибутивно-субстанциальными дефинициями власти тесно соседствуют **реляционные подходы** к трактовке ее как социальных отношений, которые порой достаточно тесно переплетаются с предыдущими определениями (как, например, в бихевиорализме). Во-первых, это **бихевиоралистский** подход, редуцирующий все многообразие властного общения к совокупности властных отношений между двумя индивидами-актерами и их волями. Бихевиоралисты Г. Лассуэлл и А. Каплан включают в конструкцию власти такие компоненты и признаки, как: 1) контроль над ресурсами, 2) участие в принятии решений и 3) обладание волей и влиянием. Они определяют власть как отношение двух акторов следующим образом: «А имеет власть над В в отношении ценностей К, если А участвует в принятии решений, влияющих на политику В, связанную с ценностями К»⁶. Таким образом, власть становится отношением двух волей и влияний, при котором одна сторона навязывает другой свое решение.

К этим взглядам примыкают и так называемые **интеракционистские** концепции, согласно которым властное отношение выполняет роль своего рода стабилизатора в совокупной системе общественных отношений, пронизывая ее всю «насквозь», регулируя конфликты, упорядочивая постоянно возникающие противоречия по поводу распределения и перераспределения материальных и прочих ресурсов (К. Шмитт, Р. Дарендорф, Л. Козер и др.) и обеспечивая тем самым социальное равновесие.

Наконец, пожалуй, к наиболее сложным и комбинированным подходам можно отнести коммуникативные (Х. Арендт, Ю. Хабермас), а также постструктуралистские (М. Фуко, П. Бурдьё) концепции власти, рассматривающие последнюю как многократно опосредованный и иерархизированный механизм общения между людьми, разворачивающийся в социальном поле и пространстве коммуникаций. Х. Арендт отмечает в связи с этим, что власть — это многостороннее, тотальное общение, а не собственность или свойство отдельного политического субъекта, связанное с необходимостью организации согласованных общественных действий людей, основанных на преобладании публичного интереса над частным. В отличие от подобного осуществления идеального принципа властного консенсуса Ю. Хабермас считает, что власть как раз является тем самым механизмом опосредования возникающих противоречий между публичной и частной сферами жизни, обеспечивая, как и деньги, воспроизводство естественных каналов коммуникаций и взаимодействий между политическими субъектами.

Что касается новейших постструктуралистских концепций «генеалогии власти» М. Фуко и «поля власти» П. Бурдьё, то их как раз объединяет не субстанционально-атрибутивное, а именно реляционное видение власти как отношения и общения. М. Фуко отмечает, что власть представляет собой не просто отношение субъектов, а своего рода модальность общения, то есть «отношение отношений», неперсонифицированное и неовеществленное, поскольку его субъекты находятся каждый момент в постоянно изменяющихся энергетических линиях напряжений и соотношениях взаимных сил. Так же, в чем-то дополняя эту мысль, П. Бурдьё обосновывает собственное понятие «символической власти», которое сводится им к совокупности «капиталов» (экономических, культурных и т. д.), распределяющихся между агентами в соответствии с их позициями в «политическом поле», то есть в социальном пространстве, образуемом иерархией властных отношений.

Власть, таким образом, выступает как сложнейший механизм тотального социального общения, регулирующий отношения между управляющими и управляемыми, первые из которых получают потенциально «символическую власть» над вторыми, хотя последние также обладают «символическим капиталом», оказывая влияние и давление «снизу» на властвующих. В политической теории понятия «влияние» и «власть» и их соотношение еще в 40-е гг. XX века разрабатываются Г. Лассуэллом. Он рассматривает их как соотносительные категории, выводя и определяя эту пару понятий

друг через друга, поскольку в действительной жизни партии и группы давления активно влияют «снизу» на органы государственной власти с тем, чтобы установить над ними контроль, в то же время и руководители государства используют властные полномочия для того, чтобы регулировать в свою пользу ход партийной борьбы и контролировать процесс давления различных социальных групп. Такие достаточно сложные взаимоотношения между властвованием управляющих и давлением управляемых сложились в ходе длительного социального общения между ними, породившего регулятивные механизмы публичной власти.

§ 2. ГЕНЕЗИС И ПРИРОДА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Политогенез как становление властной асимметрии

Для понимания как природы властного общения вообще, так и специфики современных отношений между людьми по поводу государственной власти, необходимо коснуться вопроса о ее происхождении и публичном характере. Нередко упускается из виду, что политическая власть в ее современной форме, как власть государственно-публичная, имеет не такую уж длительную историю (всего около 5 тысячелетий) по сравнению с догосударственными (так называемыми «потестарными», от позднелатинского «potestas» — власть) структурами управления и самоорганизации, существовавшими, начиная с появления в эпоху позднего (или верхнего) палеолита около 40 тысяч лет назад кроманьонского человека (*Homo Sapiens*)⁷. Кроме всего прочего, в пользу того, что видовое понятие государственной власти по объему значительно уже, чем родовая категория «власть», свидетельствуют и новейшие процессы появления на рубеже третьего тысячелетия органов «надгосударственной» власти в лице законодательных (Европарламент) и исполнительных (Комиссия Европейского Сообщества) институтов, властные полномочия которых распространяются на территорию почти полутора десятка европейских стран. Итак, можно сделать предварительный вывод о том, что в широком смысле категория «власть» включает в себя и догосударственную (потестарную), и государственную (публичную), а возможно даже и «надгосударственную» (постгосударственную) формы властной организации людей.

Генезис власти как механизма, регулирующего социальное общение, интересен для анализа природы и феноменологии властных отношений. Ведь политической этнографии известны примеры, когда общественные структуры, хотя и довольно примитивные, управлялись на началах *относительно симметричного равенства*,

избегая при этом резкой асимметрии и отчуждения, присущих современным отношениям власти. Встречаются и такие случаи, когда общины и вовсе обходились без власти старейшины, существуя как бы на основе полного самоуправления (и в этом, смысле самовластия), а также саморегулирования коллективной жизни при помощи традиций и обычаев, правил и норм.

Движение общества к современной публичной власти начинается с постепенного нарушения этой природной симметрии и равенства, причем эта тенденция просматривается уже в самых примитивных обществах, в рамках сегментированных и автономных семейных и родовых общин. Еще в условиях политогенеза, то есть процесса перехода общества к новому типу управления, к государственной организации и институтам публичной власти, мы сталкиваемся с так называемой потестарной властью и такими догосударственными формами ее организации, как «линейный» и «конический» кланы «линидж» (lineage) и «рэмедж» (ramage), «протогосударство-вождество», «чифдом» (chiefdom). В результате их изучения наглядно прослеживается постепенное расслоение общества на властвующих и подвластных, усиление неравенства и асимметрии в отношении между ними, приведшее, в итоге, к господству и подчинению, и, наконец, перераспределение управленческих функций и формирование обычаев и регламентов, фиксирующих и закрепляющих властные отношения⁸.

Первоначально отношения власти и влияния локализуются в рамках кровнородственных связей, основываясь на половозрастном разделении труда. Значительная часть управленческих функций осуществляется еще самим семейно-родовым коллективом, представляющим еще во многом и субъект, и объект управления. Затем начинается постепенное обособление властно-управленческих функций внутри изначально эгалитарного сообщества в пользу определенной группы лидеров. Особенно ярко это проявляется в отношениях внутри так называемого «конического» клана «рэмедж» (от англ. ramage — ветвь), в котором властный статус и сила влияния отдельного индивида при еще однолинейном варианте родства определяются как функция родственной близости и генеалогического старшинства по отношению к предку-основателю и линии его прямых потомков, являющейся старшей по властному рангу. В то же время лидеры-руководители клана в целом еще не стоят «над» рядовыми общинниками, являясь скорее исполнителями общественных обязанностей, то есть «слугами общества», а не его «господами».

Три основных пути политогенеза Симметричность отношений между руководителями, вождями и рядовыми общинниками особенно наглядна в такой форме формирующихся властных отношений как потестарная структура «военной демократии». В этой племенной форме, изученной еще Л. Морганом и описанной в работе «Древнее общество» на примере лиги ирокезов, власть и влияние находятся в достаточно сбалансированном состоянии, когда еще отсутствуют присущие государственным формам общения асимметричное неравенство и отчужденное противостояние управляющих и управляемых. Процесс принятия решений в совете лиги по процедуре и традиции должен учитывать волю как «властвующих» (совета старейшин и военного вождя), так и «подвластных» (народного собрания общинников), влияние которых в ряде важных вопросов было примерно равным по своему значению.

Но уже в первых ранних государствах асимметрия в отношениях между властью управляющих и влиянием управляемых начинает резко усиливаться. Это ярко видно на примере государственной истории Древнего Египта, когда вчерашний вождь племени постепенно становится князем-номархом, а затем и фараоном, «живым богом», отношения которого с рядовым крестьянином образно можно выразить как отношения «между небом и землей». В результате процесса политогенеза формируется *государственная власть, как асимметричное и амбивалентное отношение между управляющими и управляемыми*, сразу поставившее государство и его подданных в разные «весовые категории» с точки зрения их силы. Политическое общение близких по крови, еще относительно равных по потестарному статусу и влиянию людей, сменяется отчужденными отношениями господства и подчинения, опирающимися на административный аппарат принуждения и насилия.

В современных разработках по потестарной этнографии и политической антропологии обосновывается положение о существовании всего лишь трех основных форм становления этой властной асимметрии и отчуждения, другими словами, определяются три главных пути политогенеза в развитии человеческой цивилизации. Во-первых, это *военный* путь, когда институционализация публичной власти происходит за счет возвышения и обособления института «военного вождя», а также его вооруженной дружины и административного аппарата, состоящих из его родни и приближенных (Древний Шумер). Во-вторых, существует *аристократический* путь, когда носителями публичной власти постепенно становятся представители родо-племенной аристократии

Многомерная структура власти («великие» воины, старейшины, охотники, жрецы и т. д.), которые концентрируют в своих руках военное, религиозное и административно-хозяйственное руководство. И наконец, третий, *плутократический*, путь был связан с накоплением отдельными общинниками материальных богатств (ресурсов), формированием вокруг патронов многочисленных клиентов (группировок сторонников), постепенной трансформацией авторитета и престижа богатого и сильного лидера (феномен «бигмена») в силу административной власти. Все эти три дороги приводят к одному и тому же пункту — формированию обособленного и отчужденного от общины административного аппарата управления, а также асимметричной и амбивалентной структуры отношений публичной власти.

§3. СТРУКТУРА И ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ. МНОГОМЕРНАЯ МОДЕЛЬ ВЛАСТНОГО ОБЩЕНИЯ

Анализ феноменологии и генезиса политической власти позволяет сделать вывод, что наиболее обоснованным выявляется подход, согласно которому власть в социуме представляет собой скорее регулятор общественных отношений («отношение отношений», по М. Фуко), механизм тотального социального общения, своего рода «синергетический способ» человеческой самоорганизации и принцип коллективного саморегулирования, чем «вещь» или «свойство», кому-либо принадлежащие, как это трактуется в некоторых волевых и силовых концепциях.

На заре политической теории Аристотель не раз замечал, что политика — это упорядоченное общение людей, становящихся «политическими» в силу гармонизации отношений между социальным «целым» и его «частями», где обязательно присутствует регулирующее начало или властный механизм. Он писал об этом тотальном механизме общения в «Политике» следующее: «И во всем, что, будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа»⁹. Но в отличие от относительной простоты отношений «господской власти» (господина и раба, мужа и жены, отца и детей), Аристотель власть *публичную (общественную)* считает наиболее совершенной и имеющей самую сложную структуру,

Вероятно, в политической теории нет более сложного и запутанного вопроса, чем вопрос о структуре властных отношений. В

каждой политической концепции существует свой понятийный и терминологический аппарат, порой трудно совместимый с лексикой другого политического языка, поскольку под одинаковым названием «власть» кроются десятки различных смысловых оттенков, отражающих самые разные аспекты и компоненты этого сложнейшего социального механизма. Известный французский социолог и политолог Р. Арон специально разбирает семантический аспект интерпретации структуры власти в разных языках (английском, немецком и французском) в статье «Macht, Power, Puissance: проза или поэзия демократии» (1964) и приходит к выводу, что власть — это асимметричное, меж- и надличностное отношение, понимание структуры которого зависит от выбора измерения в пространстве анализа его социальной иерархии.

Можно выделить, тем не менее, самые общие компоненты структуры общения в рамках государственно-публичной власти: 1) агенты; 2) ценности; 3) способы (инструментально-институционные) и 4) ресурсы. Взаимодействие между ними и дает всю палитру отношений, выражаемых в русском языке понятиями «господство» и «подчинение», «воля» и «сила», «контроль» и «распределение», «руководство» и «лидерство», «управление» и «давление», «властвование» и «влияние», «авторитет» и «насилие» и т. д. Эта совокупность основных отношений и связей между компонентами властного общения отражена на схеме 3. Одним из исходных вопросов, которые здесь возникают, выступает следующий: кто и в какой роли становится участником властного общения и основным агентом властных отношений? Кто и при каких условиях является властвующим, а кто собственно подвластным? Для ответа на этот вопрос необходимо построить многомерную теоретико-логическую модель властного общения, в которой было бы отражено центральное, сложное и иерархизированное отношение «власть-влияние» между совокупными его агентами, управляющими и управляемыми, и соответственно три его основных измерения или проекции рассмотрения структуры власти и влияния, связанные с категориальными оппозициями *«господство — подчинение»*, *«управление — давление»* и *«контроль — влияние»*.

Как уже было отмечено выше, современные отношения агентов государственно-публичной власти, то есть взаимодействия между имеющими властные полномочия управляющими и обладающими лишь влиянием управляемыми, сложились еще в недрах потестарных структур, постепенно «раздваивающихся» на семейно-родовые

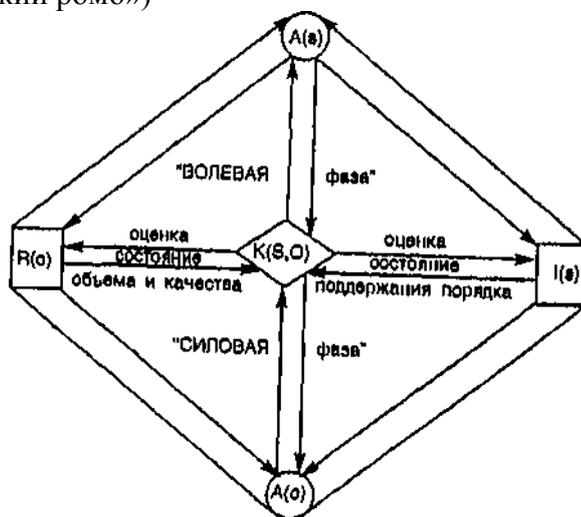
коллективы, когда появляются люди, профессионально властвующие во имя общих интересов и от имени всей общности. Именно с этого момента становления политики как профессии и области деятельности профессионального управленческого аппарата (М. Вебер) и начинается свой отсчет существования публичной власти.

Г. Лассуэлл одним из первых определяет власть, с одной стороны, как участие в решениях, а с другой — как контроль над ресурсами, имеющими для участников властного отношения ценность¹⁰. Таким образом, по Г. Лассуэллу, власть является видом или частным случаем осуществления влияния, при котором могут быть использованы публичные санкции (например, административно-государственного аппарата). Отношения агентов власти и влияния задают как бы два основных «энергетических полюса» в «гравитационном поле» властного общения, да и сам «феномен политического отношения возникает в результате взаимодействия отношений влияния и властных отношений»¹¹.

Центральным «звеном» в структуре властной регуляции межличностных отношений выступает специально и обстоятельно проанализированное М. Вебером отношение *господства и подчинения*, воспроизводящее и поддерживающее легитимный порядок в обществе (см. схему 3).

Схема 3.

Абстрактно-логическая модель публичной власти как механизма социального общения («политологический ромб»)

«A(s)»	Агент в роли коллективного властвующего (управляющего) «субъекта» (государство).
«A(o)»	Агент в роли совокупного подвластного (управляемого) «объекта» (гражданское общество).
«K(S,0)»	Ценности и традиции доминирующей культуры.
«R(0)»	Ресурсы общества.
«I(S)»	Институциональные формы поддержания порядка и инструментальные способы взаимодействия агентов.
A(s) → I(s)	Принятие управленческого решения (выражение и аккумуляция «всеобщей публичной воли»)
I(s) → A(o)	Осуществление управленческого воздействия (применения «силовых» методов и инструментов государственного руководства).
A(o) → I(s)	Гражданское давление (использование средств и форм политического участия).
I(s) → A(s)	Гражданское волеизъявление и представительство интересов в выработке и корректировке публичных решений.
A(s) → R(o)	Организованный контроль «сверху» (способность регулирования).
R(o) → A(o) A(o) → R(o)	Централизованное распределение, социальное влияние (способность мобилизации) и борьба за перераспределение.
R(o) → A(s)	Социальная поддержка и контроль над властью «снизу».
A(s) → A(o)	Легитимное господство (порядок установлений и отдача приказов).
A(o) → A(s)	Легитимное подчинение (признание и выполнение приказов).
A(o) → K(s,o) → A(s)	Нормы и правила игры.
I(s) → K(s,o) → R(o)	Критерии оценки.

М. Вебер использует категорию «господство» (Herrschaft) как более узкое по содержанию понятие по сравнению с категорией «власть» (Macht), обращая внимание на анализ роли социокультурных ценностей, стереотипов и традиций в формировании различных типов отношений господства и подчинения. По мнению Вебера, господство предполагает социальное отношение, при котором приказ, отданный одними людьми, встретит повиновение, то есть признание и исполнение у других людей в соответствии с определенным

легитимным порядком, основанном на традиции, вере или целерациональных мотивах, то есть на доминирующих в данной культуре ценностях. В соответствии с этими ценностями культуры им выделяются три «идеальных типа» господства: 1) традиционный (на основе традиции и обычая); 2) легальный (основывающийся на целерациональных мотивах и, в частности, принципах права), и 3) харизматический (основан на вере)¹². В реальной политической жизни отдельных стран эти «идеальные типы» переплетаются при определенном преобладании какого-либо типа господства. К примеру, на территории бывшего СССР можно найти случаи использования преимущественно легального (Эстония), харизматического (Азербайджан) или традиционного (Узбекистан) способов политического господства.

Таким образом, отношения «господства и подчинения» агентов власти составляют центральное звено властного механизма общения между людьми, при котором его участники признают сложившийся порядок легитимным, то есть социально значимым и необходимым способом и стереотипом взаимодействия. «Легитимность — это представление (символ веры), и поэтому оно присутствует в сознании граждан. Оно проистекает из убеждения, что власть предрержащие в стране наделены правом принимать решения, которые ее граждане должны выполнять»³. Иногда наступает кризис легитимности, как, к примеру, это произошло в СССР после утраты власти КПСС в 1991 году, что нашло свое отражение в так называемом «параде суверенитетов», Беловежском соглашении, неисполнении указов Президента СССР и пр. «Легитимность» отличается от «легальности» тем, что «легальность» характеризуется только формальным соответствием социального порядка юридическим законам страны, тогда как в первом случае речь идет также о соответствии обычаям.

Вторая «плоскость» властного механизма общения связана с оппозицией *«контроль — влияние»*, имеющей дело со способами распределения ресурсов общества. Что представляют собой эти «ресурсы»?

К основным ресурсам общества, регулирование и распределение которых и выступает реальным объектом властного общения, можно отнести те материальные предметы и духовные блага, которые способны, во-первых, удовлетворять потребности и интересы людей, представляя собой определенную ценность в социальных отношениях, и, во-вторых, повышать потенциал влияния и силу воздействия агентов власти. По мнению ряда американских бихевиоралистов, власть и есть, прежде всего, контроль над распределением ресурсов общества, а политика соответственно — сфера

обмена ресурсами или регулирования ресурсообмена, Ресурсы общества подразделяются на следующие основные виды: 1) материально-экономические и 2) духовно-информационные, каждый из которых дает возможность, с одной стороны, повысить у политических агентов потенциальный статус и ранг, а с другой — увеличить их мобилизующую силу и давление.

Ресурсы общества ограничены и распределены неравномерно, что приводит к постоянной борьбе индивидов и групп за перераспределение данных ресурсов, а также ко взаимному давлению в этой сфере государства и общества, «соперничеству» власти управляющих и влияния управляемых. Управляющие обладают организованным контролем над общегосударственными ресурсами и административным аппаратом, а управляемые располагают лишь своими частными ресурсами и потенциалом мобилизации граждан со стороны партий и движений, которые наряду с регулируемым распределением «сверху» постоянно ведут борьбу за то или иное перераспределение общественных ресурсов и усиление социального контроля за ними «снизу». Итак, этот аспект публичной власти связан с отношениями людей по поводу регулирования (контроля и распределения) коллективных ресурсов общества.

Третий аспект (или «плоскость») анализа властного общения затрагивает отношения «управление--давление», связанные с самим механизмом «властвования», государственного управления, а также с механизмом «обратной связи», то есть поддержкой и давлением «снизу» гражданского общества, представляющими собой пару взаимонаправленных векторов. В этой плоскости весьма наглядно видна трансформация потенциала власти и влияния в актуальном поле как управленческих решений и воздействий, так и в виде силового и морального давления управляемых.

Взаимодействие интересов и воли управляемых и управляющих в процессе властвования, то есть практического осуществления властных полномочий, захватывает уже не столько отношения людей с ресурсами (как это было в предыдущей проекции), сколько собственно отношения между людьми, складывающиеся посредством институциональных форм и инструментальных способов силового давления. Процесс властвования (управления) может быть рассмотрен в последовательности двух его фаз: во-первых, «волевой» стадии, на которой властвующий агент сообразно своим интересам и воле формулирует «сверху» политическое решение, корректируемое в зависимости от уровня социального представительства, политического участия, а также степени волеизъявления подвластных. Вторая же, «силовая», фаза связана как с самими инструментальными средствами реализации управленческих

Агенты власти решений «сверху», так и с институциональными способами давления «снизу» различных групп гражданского общества, поддерживающих или сопротивляющихся принятию и осуществлению того или иного государственного решения.

При анализе процесса властвования возникает проблема соотношения абстрактно-собирающего представления о совокупном «агенте» власти («субъекте» — государстве или «объекте» — народе) со вполне реальными ее «носителями», опосредующими достаточно иерархизированные управленческие отношения. Вопрос о том, кто правит и управляет в обществе, решается по-разному: Т. Гоббс пишет о единоличном государстве, тогда как Ж.-Ж. Руссо субъектом власти считает сам народ, поскольку народный суверенитет неотчуждаем.

Дискуссия на тему «Кто же правит в США?», развернувшаяся в 50 — 70-е гг. XX века, инициировала осмысление этой проблемы современной политической теорией. Открыл дискуссию американский политолог Р. Милле своей книгой «Властвующая элита» (1956), где он вслед за Г. Моска и В. Парето доказывал на основе анализа 513 биографий ведущих американских политиков за период 1789—1953 гг., что Америкой правит узкая страта меньшинства, своего рода симбиоз и уния экономического и политического истеблишмента, который он называет «правлящей элитой». Ему возразил Р. Даль в книге «Кто правит?» (1961), который в результате эмпирического исследования распределения властных функций и полномочий в среднем американском городе Нью-Хэйвен пришел к выводу об отсутствии монолитного носителя и единого центра, поскольку, вследствие дисперсии властных полномочий и плюрализма управления, ни один лидер и ни одна элитная группировка не имела полного контроля над всеми властными рычагами. Затем в дискуссию включились П. Бакрач и М. Баратц с «двухмерной» (работа «Два лица власти» (1962)) и С. Лукс (книга «Власть: радикальный подход» (1974)) с «трехмерной» концепциями власти, в которых критикуется «одномерно-плюралистический» подход Р. Даля, поскольку в нем не учитываются такие существенные измерения, как властное самосознание (субъективное восприятие власти), а также интересы агентов власти (объективная ее сторона).

Дискуссия среди американских политологов привела к постановке проблемы *соотношения формального субъекта власти и реального носителя властных полномочий и их функций*, которые, как еще раз выяснилось, вовсе не совпадают. В ходе дискуссии и Р. Милле, и Р. Даль исходили из предположения, принадлежавшего еще Г. Лассуэллу, что субъект власти или властвующий — это особый агент, контролирующий некоторые важные

ресурсы общества. Было показано, однако, что механизм властвования гораздо сложнее и включает в себя давление общественного мнения и рефлексии подвластного объекта (П. Бакрач и М. Баратц), где отражается степень и форма осознания обществом соответствия управленческого контроля его потребностям, от имени которых выступает носитель власти или управляющий. Обнаружилось также и явное расхождение интересов (С. Лукс) тех, «кто управляет» (то сеть «носителей» власти), от интересов тех, «кем управляют» («объекта» властвования), и, соответственно, «от имени кого они управляют» («субъекта» власти)¹⁴.

Действительно, механизм власти имеет сложную, иерархизированную структуру, где формальным первичным субъектом и источником власти выступает народ, передающий властные полномочия своему официально опосредованному агенту — государству, которое, в свою очередь, их распределяет среди «носителей» по «горизонтали» (законодательная, исполнительная и судебная отрасли власти) и по «вертикали» (центральные, региональные и местные органы власти) с тем, чтобы управлять общественными делами («объект» власти) от имени общества и через государство («субъект» власти). Именно в таком формально-юридическом плане трактуется система власти в статье 3 новой Конституции Российской Федерации: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»¹⁵. Эти декларации делают честь составителям Конституции. Однако в действительности реальным носителем власти нередко выступает бюрократия, ее разные уровни и страты, чиновники и функционеры аппарата управления могущественной системы исполнительной власти, а также различные группировки правящей элиты, между которыми распределяются «сферы» властных полномочий и «зоны» контроля над ресурсами.

В то же время механизм властного общения, как видно, включает в себя и давление «снизу» различных групп и слоев гражданского общества, имеющих свои «зоны влияния и интересов», которые через каналы «обратной связи», систему представительства и другие формы демократического волеизъявления оказывают воздействие на состояние властных отношений в той или иной стране. Следовательно, одностороннее сведение потенциала власти либо к ее формальным и официальным субъектам («суверену государства», по Т. Гоббсу, или «ассоциации народа», по Ж. -Ж. Руссо), либо к ее якобы истинным и реальным носителям («господствующим классам», по К. Марксу, или «правлящей элите», по В. Парето) не даст полной картины. Властвование управляющих и давление управляемых дает бесконечное число точек пересечения

векторов направленности их интересов и волю, а также потенциальных размеров их ресурсов и актуализированных сил, образующих своего рода гравитационное поле властного общения, «поле напряжений, на котором разворачивается политическая практика» (В. Н. Амелин). Кроме того, необходимо включить в это «поле» действия властного механизма общения три рассмотренные выше проекции («плоскости») власти и влияния, получившие в современной политологии названия: 1) *символической власти* (отношения «господства и подчинения» в соответствии с ценностями общества, поддерживающие легитимный порядок), 2) *структурной власти* (отношения «контроля и влияния», связанные с регулированием ресурсов и распределением властных полномочий, функций и зон влияния между элементами политической системы), а также 3) *власти инструментальной* (отношения «управления и давления», определяющие средства и способы взаимного действия встречных процессов руководства людьми и давления гражданского общества). И в этом состоит вся сложность понимания власти как регулятора коллективной жизни общества в процессе его кооперации и достижения совместных целей, то есть рассмотрения государственно-публичной власти в качестве современного механизма регулирования и способа социального общения людей, функционирование которого образует особую сферу общественной жизнедеятельности, именуемую политикой.

Глава IV. Политическая сфера социальной жизнедеятельности (концептуальные подходы)

Многозначность понятия «политика»

Слово «политика» вызывает у людей самые разные, а порой и противоположные ассоциации и реакции. Одни называют политику «интриганством», «грязным и нечистоплотным делом», другие же считают ее необходимым и полезным обществом делом, одним из самых интересных и увлекательных видов творческой деятельности. Это неоднозначное отношение ярко проявилось в общественном мнении по поводу происшедших в России политических событий начала 90-х гг. XX в. и особенно в оценках острых кризисных ситуаций, так называемых «путчей» августа 1991 г. и октября 1993 г. Эти кризисы в известной степени вызвали у рядовых россиян разочарование в политиках и политике, затормозили бурно развивавшуюся в конце 80 — начале 90-х гг. активную политизацию значительной части российского общества.

В то же время, несмотря на наметившиеся позднее «абсентеизм» и «эскапизм», уход от политики части как-то интересовавшегося ею ранее населения, переключение его основного внимания с общеполитических вопросов на текущие материальные проблемы, связанные с экономическими изменениями, в активную политическую жизнь были вовлечены десятки и сотни тысяч людей, ранее в ней никогда не участвовавших. Вероятно, что реализация в России конца XX века права на участие в политической жизни создала предпосылки для начала постепенного преобразования отчужденных от власти и политики жизненных стереотипов «хомо советикус» в новый пока еще для России человеческий архетип «хомо политикус». Итак, опять, уже на рубеже III тысячелетия, возникает вопрос о том, что же такое политика: творчество или интрига, сладкая тайна для элиты избранных или игра для одурачивания непосвященных масс. Для того чтобы попытаться подойти к ответу на этот вопрос, относящийся к разряду

вечных, необходимо остановиться на анализе специфики политики как сферы общественной жизни, области человеческой активности и вида социальных отношений.

Что же такое политика в самом широком смысле этого слова, то есть как относительно обособленная, автономная сфера или измерение жизни общества и человека? Каковы ее природа, специфика и отличия, к примеру, от экономики и духовной сферы? Постановка этих вопросов настолько же стара, насколько стар и сам мир политики. За многовековую историю политической мысли сложились десятки и сотни инвариантов ответа на данные вопросы. Редко крупному политическому мыслителю или политологу удавалось незаметно пройти мимо этой глобальной проблемы, ответ на которую зависел, с одной стороны, от философско-социологических воззрений автора, методологических оснований политического дискурса, а с другой — от его ценностных ориентации, мировоззренческой позиции, аксиологических критериев для оценки природы политической субстанции и от доктринальной платформы, служившей своего рода «системой координат».

Этот вопрос ставился и знаменитым немецким социологом и политологом М. Вебером в его лекции «Политика как призвание и профессия», прочитанной в 1918 году, в последние годы его жизни, перед аудиторией Свободного студенческого союза. «Что мы понимаем под политикой? — вопрошает М. Вебер и тут же отмечает плюрализм смыслов и значений этого термина. Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины и политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем»¹. Однако М. Вебер тут же замечает, что столь широкое понимание политической сферы необходимо дополнить и более строгим значением категории «политика» как руководства государством или оказания влияния на государственное управление.

Многозначность в трактовке термина «политика» сохраняется и по сей день². В русском языке эта ситуация усложняется и тем, что слово «политика» является эквивалентом многих аспектов и граней мира политического, тогда как, например, в английском языке существуют как минимум три термина, нарушающих эту монополию: во-первых, это собственно политическая сфера (politics), во-вторых, политический строй (polity), что очень близко к понятию политической системы, ее институционального устройства,

и, наконец, в-третьих, это «policy», обозначающее политический курс, своего рода сознательно выработанную политическую линию или стратегию. Лексический аппарат русского языка нередко выходит из положения, вводя в оборот такие весьма различные предикаты, как «экономическая или социальная политика», «женская или молодежная политика», «государственная или партийная политика», что порой даст возможность для анализа самых разных реальных и семантических аспектов политики, ее субъектов и объектов. В то же время, может быть, самым важным для понимания сложности политической жизни является и тот момент, что за тысячелетия исторически меняется и сам мир политического, и границы политической сферы, так же как эволюционируют и представления о политике, и, кроме того, со временем расширяется теоретическое поле концепций и подходов, содержащих ее интерпретацию.

§ 1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИКЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПАРАДИГМЫ

Рассуждения о сфере политического начинаются обычно с выяснения отношений между сувереном и подданным, Государством и Человеком. Истоки размышлений о природе политических отношений можно встретить в общественной мысли Древней Индии и Китая³, но для большинства политологов точкой отсчета истории политических учений является Древняя Греция, персонифицированная в политической философии Платона и Аристотеля. Сам термин «политика», вошедший практически во все европейские языки, этимологически пришел из древнегреческой политической мысли, обозначая дословно «то, что относится к государству» и происходя, таким образом, от древнегреческого слова сплйу (государство, полис).

Политика как деятельность государства
Представления Платона и Аристотеля о природе политического и границах сферы политики открывают как бы первый этап, условно говоря, «государствоцентристский», в длительной эволюции воззрений на политику. Аристотель достаточно четко проводит идею о том, что политики это, прежде всего, государство, а сфера политического есть сфера государственных отношений («государственного общения», общения между «политическими людьми» по поводу ведения общественных дел) и государственного управления. Взгляды политических мыслителей Древней Греции во многом были связаны с неразвитостью самой политической сферы, в которой, естественно, отсутствовала еще сложность и разветвленность

современной политической системы, включающей и систему разделения властей, и сложную партийную и избирательную системы, наднациональные структуры (Европарламент и др.), профсоюзы и социальные движения и т. д.

Реальной основой для построения политической модели Платона и Аристотеля выступает город-полис, где нет еще четкого расчленения функций и элементов государства и общества. Каждый гражданин полиса выступает как бы в двух ипостасях, ролях: и как частное лицо, входящее в городскую общину (и в силу этого политика приобретает черты как бы «антропоморфные», поскольку является отношением человека к миру и другим людям), и как участник государственно-публичной жизни, влияющий (а нередко и определяющий) на процесс управления и принятия решений.

Синкретичное представление о политике (а это довольно сложная смесь мифологических, теологических, экономических, этических и политических идей) как государственной жизни или жизни посредством государственного общения между людьми (становящимися «людьми политическими» в силу этого) становится доминирующим на протяжении практически двух тысячелетий, начиная от «Государства» Платона и «Политики» Аристотеля вплоть до «Государя» Н. Макиавелли и «Левиафана» Т. Гоббса. Несмотря на то, что в этот период темы происхождения и природы государства и государственной жизни, характера государственного управления и государственного общения (внутригосударственных отношений) постоянно соприкасаются с социальными проблемами, относящимися к отдельным людям, общественным стратам и группам⁴, мир политики это прежде всего *область государственного управления гражданами или подданными*.

Следующий период в эволюции (условно говоря, переходный от «государствоцентризма» к «социоцентристскому» видению политики) представлений о политике связан с некоторым смещением центра внимания с собственно внутригосударственных отношений и институтов на анализ *взаимодействия государства и гражданского общества*. С XVII по XIX век, от Б. Спинозы и Дж. Локка до Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, взаимное влияние государства и гражданского общества в различных вариациях находится в центре проблемного поля политики. Дж. Локк замечает по этому поводу, что под государством он понимает не какой-то тип устройства, или форму правления, а «независимое сообщество» людей, которое создается для поддержания общественного порядка и для сохранения частной собственности. Дж. Локком используется даже специальный термин «политическое

общество», который шире понятия «государство», поскольку английский политический мыслитель¹ включает в него все виды добровольных союзов и соглашений людей при выборе своих способов и форм правления, например, племенную, а говоря современным языком, потестарную организацию американских индейцев, которые не имеют «постоянных королей», но в случае необходимости в мирное или военное время выбирают своих руководителей по собственному желанию³.

Уже в XVIII веке, кроме негосударственных, экономических и социальных факторов детерминации политики, Ш. -Л. Монтескье вводит в оборот анализа в своей книге «О духе законов» также и внесоциальные условия политики, расширяя тем самым диапазон ее видения и понимания (географические, климатические, демографические и др.) Природа основных политических форм и режимов у него, таким образом, зависит от размеров территории, то есть от пространства распространения государственной власти: республика требует небольшой территории, иначе она не удержится; монархическое государство должно быть средней величины, а обширные размеры империи есть предпосылка для деспотического управления. Р. Арон считает, что анализ природы политики у Ш. -Л. Монтескье выходит далеко за институциональные рамки, приобретая, в этом смысле, социологический характер, поскольку политическая сфера у него подчиняется законам и принципам физического, социального и морального порядка⁶.

В XVIII—XIX вв. довольно существенно меняются представления о субъектах и границах политической активности. Если в Средние века и эпоху Возрождения главными действующими фигурами выступают лидеры, вожди и аристократическая элита общества, монархи и высшее дворянство (далее Н. Макиавелли говорит еще о различных слоях флорентийского общества лишь как о некоем фоне и трамплине для придания энергии и скорости деятельности «государей»), то после Английской революции (XVII в.) и Великой французской буржуазной революции (XVIII в.), под влиянием идей Ж. -Ж. Руссо и других мыслителей, в анализ политической сферы вовлекаются классы бедноты, широкие массы народа. Французские историки эпохи Реформации О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле и другие, пожалуй, впервые рассматривают политику как классовую борьбу, то есть сферу действия, прежде всего, больших групп людей и не в последнюю очередь «Жака-простака» (Jaque le Bonne Homme), собирательного образа простолюдинов.

Кроме того, в конце XVIII — начале XIX века в ряде стран Европы и Северной Америки начинают формироваться первые профсоюзы и политические партии, избирательные и партийные системы, которые также расширяют понимание негосударственной области поли

Социальное видение политики тической жизни. Вес это подготовило почву и необходимые предпосылки для складывания современных концепций политики и, прежде всего, марксистской теории «классовой борьбы» и «политической надстройки», открывшей новый этап в развитии представлений о политической сфере, который условно можно было бы обозначить как *социоцентристский*, когда политика в основном сводится к классовым или иным социальным отношениям.

§2. СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Марксистская теория политики, в своем ортодоксальном варианте сформировавшаяся в середине XIX века, выступила в качестве некоего «моста», обеспечившего линию преемственности в понимании политической сферы между классическими концепциями прошлого и современными ее интерпретациями. Концепция политической сферы (или «политической надстройки») в классическом марксизме исходит из нескольких предпосылок. Во-первых, из идеи «экономической редукции», то есть в основном из сведения базовых механизмов функционирования политики к ее экономическим детерминантам, например, к материальным интересам людей, участвующих в процессе производства и обмена. К. Маркс пишет о том, что политика это проявление экономического потенциала (*Politik als ökonomische Potenz*), поскольку в структуре общественной формации «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовные способы жизни вообще»⁷. Следует отметить, что, наряду с определяющей ролью экономического базиса, классиками марксизма все же упоминается и активная роль политической надстройки (Ф. Энгельс особо подчеркивает этот момент в последние годы жизни в своих письмах 90-х гг. XIX в.),

Во-вторых, политика это борьба классов (*Politik als Klassenkampf*). Согласно марксистской доктрине, политика связана с разрешением антагонистических противоречий между классами, имеющими прямо противоположные экономические интересы, что проявляется в форме классовой борьбы и социальных революций. За любым политическим действием, явлением политической жизни стоят те или иные «интересы» тех или иных «классов»: рабов и рабовладельцев, феодалов и крепостных крестьян, буржуа и пролетариев. Отсюда вытекают все возможные определения и типологизации институтов политической системы, как, к примеру, «государство это комитет по управлению долами буржуазии», «коммунистическая партия есть авангард рабочего класса» и т. д. И наконец, в-третьих, важным компонентом марксистской интерпретации сферы политических отношений стало учение об организованном

насилии и классовом господстве как основе всякой государственной власти и политики в условиях антагонистического общества. До последнего времени в СССР именно такое видение политической сферы было едва ли не единственным⁸.

Несмотря на то, что марксизм, рассмотрев макромеханизмы социально-экономической детерминации, добился важных теоретических результатов, вскрывающих глубинные факторы политического процесса и некоторые мотивы политического поведения, он совершенно не обратил внимания на более тонкий механизм политической активности и деятельности, включающий в себя и социально-психологические, и социокультурные, и правовые, и даже демографические и биологические факторы. Исходя лишь из экономических причин, ни в коем случае нельзя понять механизмы консервации в политической жизни тех или иных институтов, например, конституционных монархий в таких развитых странах, как Великобритания, Швеция, Бельгия или Япония. Да и в самом политическом поведении его агенты (индивиды и группы) руководствуются далеко не только одними экономическими интересами, например, в тех случаях, когда избиратели на выборах отдают голоса партиям, выступающим за национальное возрождение, и где социокультурный, идеологический и политико-психологический компоненты преобладают над чисто материальными мотивами. Большинство критиков марксистской концепции политики сходятся в одном пункте, а именно в том, что на политические механизмы экономические отношения несомненно оказывают влияние, но политика явно несводима к действию экономических факторов, поскольку обладает своей собственной органикой, имеющей специфические законы функционирования и развития.

Марксистские взгляды на политику как проявления классовой борьбы (Klassenkampf) повлияли на возникновение теории расовой борьбы (Rassenkampf) австрийских ученых Л. Гумпловича и Г. Ратценхофера, на становление многих конфликтологических концепций политической сферы (К. Шмитт, Р. Дарендорф, Л. Козер и др.). Политика, к примеру, по К. Шмитту, представляет собой особый тип социального отношения «врага-друга», «вертикальную ось», как бы проникающую сквозь всю общественную структуру, и, в частности, экономическую и духовно-культурную жизнь, другими словами, специфическую форму соединения или разъединения людей. «Политическое,—пишет Е. Шмитт,— может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; *политическое не означает никакой собственной предметной области* (курсив мой.— А. Д.), *но только степень интенсивности, ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными,*

национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода и, в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения»⁹.

Крупнейшая по размаху и одна из наиболее известных в XX веке концепций политики как сферы деятельности человека и общества, повлиявшая впоследствии практически на все основные разработки современных моделей политической жизни, связана с трудами М. Вебера. Как и классики марксизма, М. Вебер считает, что политика — это область общественных отношений по поводу власти, «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»¹⁰.

Наиболее существенная идея веберовской теории состоит в том, что политика является особым видом человеческой деятельности (так же как и экономика, которая связана с хозяйственной деятельностью), представляя собой, с одной стороны, предприятие, аппарат легитимного господства (*Herrschaftsbetrieb*), а с другой, специфическую профессиональную деятельность (*Politik als Beruf*), пронизывающую всю общественную жизнь. Все общество и люди делятся в зависимости от своего места в этом общесоциальном «предприятии» на: 1) «политиков по случаю» (например, все мы, как рядовые избиратели, в нем участвуем); 2) «политиков по совместительству» (партийные активисты, для которых политика еще не составляет главной области деятельности) и 3) «профессиональных политиков» (государственных деятелей и чиновников, освобожденных партийных функционеров и т. д.). Таким образом, по М. Веберу, политика как сфера общественной жизни формируется лишь с возникновением государственно-административного аппарата как «штаба политического предприятия» всего общества, а также с обособлением управленческой деятельности в особую профессию людей, связанную с контролем и распределением власти.

Веберовская модель политики как общественного предприятия, то есть определенной макросоциальной структуры, в которой всем гражданам задается то или иное место и роль во властных отношениях, повлияла на современные структурно-функциональные подходы к интерпретации политики и, в частности, на системную концепцию Т. Парсонса. Т. Парсонс рассматривает общество как глобальную систему, совокупность социальных действий всех людей, элементы которой обладают специфическими функциями и статусами. Общественная система состоит из четырех подсистем, каждая из которых выполняет определенную функцию: 1) экономика — адаптации к внешней среде; 2) политика — целедостижения;

3) право — интеграции и 4) культура — «латентного» поддержания стереотипов и образцов. Политическая подсистема, таким образом, благодаря своей опоре на власть связана со способностью обеспечивать организацию людей для эффективного коллективного действия с тем, чтобы достигать общих целей. Власть в политике для Т. Парсонса представляет такое же средство обмена и мобилизующий стимул, каким в экономике являются деньги.

Политика включает в себя, с одной стороны, *социальный механизм*, состоящий из: 1) определения коллективных целей, 2) принятия решений и 3) мобилизации необходимых ресурсов для достижения целей, а с другой стороны, обеспечивающую его *институциональную структуру*, разделяющуюся на три компонента: 1) институты лидерства, 2) органы власти и 3) нормы и правила регламентации, которые соединяются в единую систему политических действий. Политическая жизнь как подсистема общества — это весьма сложная совокупность воздействий лидеров на людей через органы власти в рамках регламента правовых правил политической игры, состоящая из определения целей, принятия решений и их реализации посредством мобилизации, если необходимо, всех ресурсов страны¹¹.

В соответствии с парсонсовской интерпретацией политической подсистемы общественной жизнедеятельности «место индивида, группы или института в социальной иерархии, с одной стороны, и выполняемые ими функции, с другой, определяют их поведенческие установки, ориентиры и цели деятельности в обществе. Изучение ролей и их изменений позволяет далее раскрыть процесс принятия решений, т. е. понять механизм функционирования власти в обществе»¹². Впоследствии идеи Т. Парсонса о политике как относительно автономной подсистеме общественной жизни легли в основу *системного анализа политической жизни и теории политической системы*, принципы которых были разработаны в работах Д. Истона¹³, создавшего научную традицию рассмотрения политики через «прямые» и «обратные» связи и взаимодействия политсистемы с «внешней» социальной средой.

В отличие от Т. Парсонса, который демонстрирует «дедуктивный» подход к общественной подсистеме, политике как к своего рода «макромиру», классики бихевиорализма (Ч. Мерриэм, Г. Лассуэлл, Дж. Кэтлин и др.) подходят к политической жизни скорее индуктивно. По их представлениям, она складывается из совокупности политических действий и взаимодействий отдельных индивидов, то есть как бы из суммы векторов индивидуального политического поведения. Индивиды вступают между собой в отношения власти, их индивидуальные установки составляют основу целост

ной динамики политической жизни, которая поэтому становится совокупным движением «политических атомов», соединяющихся и разъединяющихся, сталкивающихся и борющихся и т. д. Политическая сфера понимается в этом случае, прежде всего, как совокупная политическая активность индивидов, формирующаяся из отдельных действий и взаимодействий (или в терминологии американских политологов «акций» и «интеракций»), то есть макрополитический срез общества есть интегральная «сумма» всех микрополитических жизней индивидов. Бихевиоралистский подход заложил целую теоретико-методологическую традицию интерпретации политики на уровне ее микросоциальных механизмов.

В рамках этой методологической парадигмы были разработаны концепция обмена ресурсами на политическом рынке, игровая модель политики, опирающаяся на математическую теорию игр, и наконец, весьма популярная в настоящее время в западной политологии теория «рационального выбора» (которая будет рассмотрена ниже при анализе активности субъектов политических отношений). Во всех трех, довольно широко распространенных сегодня подходах, политика предстает как совокупность поведений и отношений между акторами (или агентами, субъектами). При этом данная целостность интерпретируется либо как *политический рынок* (П. Блау), где идет обмен контролируемыми ресурсами, либо как *политическая игра* (С. Брамс) или же как *рациональный выбор* политических субъектов (Ф. Фиорина). Итак, политическая жизнь это совокупность индивидуальных политических жизней, «сумма» линий деятельности и векторов поведения политических акторов (индивидов и групп).

К новейшим интерпретациям политической сферы можно отнести «коммуникативную» концепцию политики и также ее, так называемое, «постмодернистское» понимание. К числу же авторов, разрабатывавших еще в 50—60-е гг. взгляд на политику как систему коммуникаций и информационных потоков, можно было бы отнести Х. Арендт и К. Дойча. Последние наиболее известные теоретические построения, рассматривающие политическую сферу как мир коммуникаций и коммуникативных действий, связаны с разработками Ю. Хабермаса¹⁴. Ю. Хабермас отмечает, что политика отражается в *системе коммуникативных действий*, которые выступают в качестве цепочки опосредований, например, во взаимоотношениях между капитализмом и демократией, когда частная и публичная сферы общества сообщаются через такие механизмы этих каналов опосредования, как *деньги и власть*¹⁴.

Постмодернисты же пытаются выйти за рамки так называемой «рациональности модерна», строя новейшую модель политики, при

которой как бы разрушаются такие системообразующие параметры политической жизни, как легитимность государственной власти и авторитет социального порядка, а также возрастает роль групповых ценностей по сравнению с традиционными общественными нормами. Вся политическая материя «декомпозируется» сквозь групповую призму восприятия политического мира, с точки зрения коллективных представлений так называемых «воображаемых сообществ» политически эмансипированных людей, стремящихся сделать свободный выбор и добиться, опираясь на коллективную солидарность, «эмоциональной власти»¹⁵. В свое время Аристотель дал определение политики как сферы регулирования человеческого общения, области, ответственной за поддержание социального порядка и управление общественными делами. В рамках постмодернизма это классическое понимание разрушается, поскольку в современном постмодернистском обществе релятивизируется сам смысл общественного порядка, ценностей и целей общества, а власть, институты и способы политического регулирования утрачивают четкость, ясность и определенность. Более чем двухтысячелетняя эволюция представлений о политике в постмодернистский период вступает в принципиально новую фазу: политика из формы принудительного общения и механизма властного регулирования общественными делами превращается в способ эмансипации от власти, ухода от насилия политического модерна и обеспечения свободы выбора личности.

Эволюция идей политики и развитие политической реальности

Эволюция политической жизни, сферы реальной политики, таким образом, тесно связана с историей представлений о политике, развитием политических идей¹⁶. Этапы осмысления политической жизни в определенной степени отображают поэтапное усложнение мира политики и расширение его границ, а также изменение места человека и государства в нем. На первом этапе, как уже условно было определено, «государствоцентристском», основной парадигмой в осмыслении политики выступает теоретическая модель, где *Государство, возникающее для регулирования и оптимальной организации жизни людей, предстает как носитель верховной власти над ними*. При этом Государство трактуется еще зачастую антропоморфно, как некая «большая человеческая семья» (Конфуций), «совокупность семей» (Аристотель, Боден) или «искусственный человек» (Гоббс). Для обоснования необходимости существования Государства привлекаются либо мифологические и теологические идеи о божественной воле, либо рассуждения о естественном порядке и рациональном характере государственной организации человеческой жизни. Вся политическая жизнь людей как бы вращается по орбите вокруг центра верховной, государст

венной власти. Этим демонстрируется уровень развития системы социально-политических отношений, т.е. «однопольность», «геоцентричность» организации политического мира, в котором центральным звеном является подчинение Человека как подданного и вассала Государству как суверену и сюзеру.

На втором этапе содержание парадигмы политической жизни постепенно изменяется. Политика и правила политической игры окончательно отделяются от этики и ее императивов. Политика понимается как инструмент *поддержания согласия и реализации некоего разумного «общественного договора» во взаимоотношениях государства и гражданского общества*. Одностороннее подчинение человека установленной свыше государственной воле сменяется как бы взаимными обязательствами партнеров, когда гражданское общество и его сословия получают «естественное право» оказывать давление, а если надо, то и менять государственный режим, хотя при этом Государство все еще стоит на первом месте по сравнению с Гражданином, то есть с Человеком,

Век XX вносит существенные коррективы и в реальные политические отношения, и в теоретические модели политической жизни. Наступает третий крупный этап в развитии представлений о политической сфере, условно говоря, *«социоцентристский»*, когда на смену монополии единой верховной и суверенной государственной власти приходят *идеи плюрализма, процесса взаимного давления различных социальных групп, делящих власть и влияние*. Со становлением в большинстве развитых стран системы демократических институтов меняется и сама основная парадигма видения мира политики: от «государственного моноцентризма» к «социальному полицентризму», от единого и неделимого суверенитета Государя к участию во власти всех основных групп и слоев Граждан, формально отдавая, тем самым, в историческом соревновании приоритет уже Обществу и составляющим его людям, по сравнению с Государством и его институтами.

В последние десятилетия ощущаются некоторые симптомы возможного наступления нового, уже четвертого по счету, большого этапа в эволюции взглядов на политику, сопровождающегося сменой политических парадигм и отражающего собственно новейшие изменения в самом реальном содержании политической жизни. Во-первых, особую значимость обретает «наднациональная» политика, что обусловлено обострением глобальных проблем (экологической, угрозой ядерной катастрофы и опасности мирового терроризма, проблем истощения минеральных ресурсов и др.), вызывающих к жизни различные надгосударственные структуры, межправительственные организации (ЕС, ООН) и международные

Многомерный характер политики неправительственные объединения (движение «Гринпис»). Во-вторых, особую значимость приобретают движения за эмансипацию личности, пытающейся на пороге III тысячелетия максимально освободиться от традиционного государственного контроля и в качестве «Гражданина Мира» по-своему преодолеть политическое отчуждение, что выражается в усилении различных институтов самоуправления, подъеме альтернативных движений (консьюмеристы, феминистки) и т. д. Конечно же, роль государства в политике попрежнему значительна, и оно вовсе не собирается складывать оружие, что проявляется в тотальной бюрократизации и заметном усилении исполнительной власти и управленческого аппарата во всем мире. Речь идет лишь о возникновении новых парадигм политики, отражающих, возможно, новое соотношение сил между Человеком и Государством, да и то пока в наиболее развитых странах.

§3. МИР ПОЛИТИКИ КАК АНСАМБЛЬ РЕАЛЬНЫХ И РЕФЛЕКСИВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

Рассмотрев различные концептуальные подходы к теоретической интерпретации политической сферы, можно сделать заключение о существовании разных социальных измерений и аналитических аспектов политики и, соответственно, о ее *многомерном характере*. Политика выступает, прежде всего, в единстве трех взаимосвязанных аспектов: во-первых, как *сфера общественной жизни*, сторона развивающегося социума в целом; во-вторых, как один из многих *видов активности социальных субъектов*, их совокупной деятельности и индивидуального поведения, и, наконец, в-третьих, как *тип социальных отношений*, отношений между индивидами, малыми группами и большими общностями.

В первом аспекте политика рассматривается как элемент структуры общества в целом, как его часть, занимающая определенное место и играющая определенную роль, обладающая, при этом, особыми субстанциональными качествами и функциональными свойствами. Например, в марксистской теории политическая структура, как уже выше отмечалось, выступает в роли регулирующей «надстройки», состоящей, в первую очередь, из государственной организации, обеспечивающей определенный властный «статус-кво» для сложившейся системы отношений производства и обмена. У Т. Парсонса и Б. Рассела политическая подсистема общества выполняет функцию целеполагания и целедостижения, а у бихевиоралистов (Г. Лассуэлл, А. Каплан и др.) — контроля и распределения

ресурсов, Начиная с Аристотеля и Макиавелли за политикой, как особой областью общественной жизни, закрепляются функции согласования общих и частных интересов, осуществления господства и поддержания социального порядка, реализации общезначимых целей и руководства людьми, регулирования ресурсами и управления общественными делами,

Второй аспект рассмотрения политики связан с ее трактовкой как способа совокупной и индивидуальной активности социальных субъектов, вида человеческой деятельности и социального поведения. В том же марксизме основное содержание политики составляет борьба за власть, деятельность по ее, завоеванию и удержанию. Именно в этом ракурсе М. Вебер анализирует политику как предприятие и профессиональную деятельность, по отношению к которой все члены человеческого сообщества разбиваются на людей, занимающихся политической деятельностью «по случаю», «по совместительству» и «профессионально», как это происходит и в рамках экономического предприятия, предпринимательской деятельности и хозяйственных ремесел. Для Г. Лассуэлла и других бихевиористов политика—это вид социального поведения индивидов (или групп), характеризующийся установками и мотивациями, связанными с участием во власти и властвовании, так же как, впрочем, «целерациональное поведение» является политическим субстратом и конструктом для сторонников теории «рационального выбора».

Что же касается третьего основного аспекта интерпретации политики, то здесь политика включается в сложную сеть социальных отношений и связей (а в других парадигмах и терминах, социальных «взаимодействий» и «коммуникаций») в качестве одного из многих их типов. Уже Аристотель определяет политику как высший вид человеческого общения, а Макиавелли рассматривает политическую жизнь как многообразные отношения противоборства по отношению к государству и власти различных социальных субъектов; государей и народа, партий и сословий. Французские историки периода Реставрации (О. Тьерри и др.) и марксисты трактовали политику как отношения классов по поводу государственной власти. А затем уже в XX веке разрабатываются, вслед за концепциями борьбы классов и рас, парадигмы «конфликта-консенсуса», объясняющие политику как тип конфликтно-согласительных отношений в обществе (К. Шмитт, Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг и др.), а также концепции институционально-властных отношений, понимающих политику как интегратор социальной и политической жизни (Ж. Бурдо, М. Дюверже и др.).

Дуальность объективации и субъективации мира политики

Исторический экскурс и его осмысление позволяют сделать вывод о двух наиболее общих подходах к пониманию категории политики. Первый - это дедуктивный и объективированный подход к осмыслению политики как некоего целостного макромира, части социума или сферы общественного развития («надстройки», «подсистемы», «предприятия» и т. д.), связанной с выполнением в обществе определенных функций (управления и регулирования, интеграции социума и поддержания порядка). Второй подход отражает приоритеты индуктивного и субъективированного видения политики, как бы «расчленяющего» ее на субъекты и объекты, микромиры их действий и взаимодействий, которые опредмечиваются в политических отношениях, а также в тотальном политическом общении.

И действительно, уже со времен классического гегельянства и марксизма в социальной мысли имеет широкое хождение представление о двойственном характере понимания политики, имеющей одновременно как объективную, так и субъективную стороны, объективированные и субъективированные характеристики. Особую известность приобрела в свое время концепция В. И. Ленина о двух условиях, необходимых для осуществления социалистической революции. Сюда включались *объективные условия*, то есть принималось во внимание наличие социально-политического кризиса, революционной ситуации и т. д., а также *субъективный фактор* в виде политической деятельности коммунистической партии, вооруженной марксистской идеологией. Таким образом, можно сказать, что политика проявляется в двух основных ипостасях. Во-первых, в виде, образно говоря, «объективного бытия» политического мира, то есть политика предстает со стороны ее целостного и субстанционального качества как политическая сфера, в ее «внешнем», объективированном отношении к общественной жизни в целом. Во-вторых, политика предстает в форме как бы «субъективного инобытия» политической жизни. Здесь представлен «внутренний» механизм политических отношений между различными социальными субъектами, связанный с их интересами и установками, идеями и представлениями, действиями и взаимодействиями, а также с субъективированными статусами и релятивными ролями политических институтов. «С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействие; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе,

нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Это значит, что оба подхода — объективистский и субъективистский— находятся в диалектической связи»¹⁷,— замечает по этому поводу французский социолог и политолог П. Бурдьё.

Итак, «политика» в самом широком смысле этого слова выступает в двух основных измерениях или аспектах анализа; с одной стороны, в *объективированном и репродуктивно-субстанциональном качестве*, как относительно целостная и автономная сфера объективного развития социума, а с другой, в *субъективированной и реляционно-институциональной форме*, как активность социальных субъектов, механизм их действий и взаимодействий, «опредмечивающихся» в установлениях и институтах и объективирующихся в устойчивой системе политических отношений и общения, и регулирующих их нормах и ценностях. В то же время данное общее «двухаспектное и дуалистическое» рассмотрение политики не исчерпывает, конечно же, всего многообразия ее более частных параметров и измерений.

Глава V. Политическая жизнь в объективированном измерении

Возможно ли объективное видение политики?

Политика, как уже была возможность убедиться выше, представляет собой весьма сложный и комбинированный феномен общественной жизни, который нередко называют «наукой и искусством». Возможно ли вообще объективное рассмотрение политики, когда она перенасыщена субъективными оценками и устремлениями, вытекающими из различных интересов людей? Ведь на поверхности политика выглядит порой лишь как острое столкновение разнонаправленных сил и воль субъектов, за которыми весьма трудно увидеть какую-либо объективную логику. Пишут даже о «фантомности» и «театрализованности» политики, поскольку последняя обычно как бы искривляется в массовом сознании, предстает не как то, что есть в реальности, а как то, что искаженно демонстрируют и субъективно представляют в «политическом театре» практикующие политики и средства массовой информации. «В связи с развитием системы массовой коммуникации растет значение так называемой «символической политики», «политики театра», основанной на образах, или «имиджах» политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам»¹.

Так что же такое политика: объективное «искусство возможного» или субъективная «театральная игра»? Доверять абсолютной объективности политолога в оценке того или иного политического факта было бы почти сродни уверенности в абсолютной искренности политика, делающего те или иные заявления или обещания. Вместе с тем говорить об объективном характере политической жизни, как и о степени объективности ее анализа в рамках политологии, становится возможным при условии, если принимается в расчет сама относительность и условность такого аналитического рассмотрения. В этом плане более уместным выглядело бы использование терминов «объективированное» и «субъективированное» в

Ценности и нормы в политике рассмотрении этих двух основных измерений политики, в отличие от претензии на абсолютную и законченную «объективность» или «субъективность».

В первую очередь представляет интерес анализ политики как целостной сферы социума, где многочисленные векторы действий ее объективных и субъективных факторов образуют бесконечное множество комбинаций, «равнодействующих параллелограммов сил», которые и формируют своего рода «репродуктивный» и «объективный» ход развития политики — «объективированное» измерение ее анализа. Целостный мир политики это, конечно же, лишь сторона общественного, социокультурного макрокосма, без соотнесения с механизмами которого просто невозможно понять саму политическую субстанцию. В свою очередь, «объективная» сторона и «объективированное» измерение политики предполагают вычленение и более частных аспектов, и узких параметров анализа ее «репродуктивного» состояния, в связи с этим распадающегося на такие категориальные оппозиции (или проекции), как: 1) властные регулятивы и ценностные ориентиры; 2) политическое пространство и время, а также 3) политический порядок и изменение.

§ 1. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ВЛАСТНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОРМЫ И КОДОВЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

В предыдущих главах концептуальный анализ политики как специфической сферы социальной жизни подвел нас к выводу о том, что политическая сфера «отвечает» за управление общественными делами и распределение общественных ресурсов, представляя в качестве своего рода «подсистемы» руководства деятельностью людей и управления ресурсами, образуемой властным механизмом регулирования целесообразного функционирования социума. Что же связывает отдельных людей с политической властью в обществе? Прежде всего, это система ценностей социума, которая задает определенные нормы и правила отношений между людьми, в известном смысле, делая каждого из них «человеком политическим» (*homo politicus*), Нормы, регулирующие властные отношения между людьми, выступают в роли универсальных «правил политической игры», в отличие от специфических норм, проявляющихся в экономике, религии и прочих областях человеческого общения, которые можно изобразить «автономными универсумами, своего рода игровыми площадками, на каждой из которых игры ведутся по своим особым правилам, отличным от правил игры в соседнем пространстве»².

Вместе с тем существуют и общесоциальные нормы, и человеческие ценности, которые являются объективной основой для любого из основных видов регулирования отношений между людьми: 1) морального, 2) правового, 3) политического³. Именно в этих наиболее общих нормах и общечеловеческих ценностях (человеческая свобода, благополучие семьи, формально-юридическое равенство и независимость личности и т. д.) сформулированы принципы социальной регуляции, без соблюдения которых человечество не могло бы существовать. Человеческие ценности и нормы, будучи продуктом социального опыта жизнедеятельности предшествующих поколений данного этноса и цивилизации в целом, как бы «привязывают» политическую организацию, как «управляющую подсистему», к социуму, как «управляемой подсистеме».

«Ценности человеческой культуры» являются сложным социальным феноменом и базовой социологической категорией, отражающей, во-первых, объективные отношения социальных субъектов (людей и общностей) по поводу предметов окружающего их мира, а с другой стороны, субъективное отношение индивида сквозь призму своих потребностей и интересов к социальной практике, предполагающее с его стороны ее оценивание⁴. Таким образом, ценности в политике связаны со сложнейшим модусом совокупных отношений (или коллективного общения) социальных субъектов, эти ценности признающих. Таким образом, общегуманистические ценности составляют основу определенного социального порядка и властных организаций, опирающихся на господство и подчинение. В этом смысле совокупность ценностей человеческой культуры выступает системообразующим условием для всякого порядка и властного общения в социуме, а также долговременным и постоянным фактором любого политического процесса и развития.

Социокультурные ценности играют также роль содержательной основы для формирования политических норм и установлений, исходных правил игры на политической сцене. Политические нормы образуются путем соотнесения субъектами действий и самой деятельности и ее результатов с общими ценностями, в основном признаваемыми при этом всеми участниками политической жизни. В основании содержания политических норм находятся объективные связи и закономерности, которые отражаются в субъективных образах и поведении акторов политической игры⁵. Например, даже самые жесткие и непримиримые противники на политической арене вынуждены заключать компромиссы и соглашения друг с другом при известных условиях.

Именно политические нормы создают несущий каркас *принципов политического порядка и организации общества, а также кодекс правил политической игры*. Об этом во фрагменте «Понятие легитимного порядка» М. Вебер писал следующее: «Содержание социальных отношений мы будем называть «порядком» только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на *отчетливо определяемые максимы* (курс. мой.— А.Д.)»⁶. Социокультурные ценности и нормы дают возможность всем социальным силам, участвующим в политическом процессе, оценивать ситуацию, а также воспроизводить и изменять отношения, поддерживая, таким образом, естественное функционирование модели властного общения и, в первую очередь, системообразующих отношений господства и подчинения, отдачи и исполнения приказов и команд (см. схему 3 в главе III). Властное общение, таким образом, в определенных пространственно-временных границах и образует собственно сферу политической жизни, директивного властвования и встречного давления.

Рассмотрим это на простом примере. Как известно еще из концепции «общественного договора», интересы различных индивидов и групп пересекаются в создании единой государственной организации для всего общества с тем, чтобы преодолеть «войну всех против всех». Но ресурсы общества ограничены и распределены неравномерно, что приводит к постоянной борьбе индивидов и групп за их перераспределение, а также ко взаимному давлению государства и общества друг на друга, «соперничеству» власти управляющих и влияния управляемых. Управляющие обладают контролем над общегосударственными ресурсами и административным аппаратом принуждения, а управляемые располагают лишь частными ресурсами и потенциалом мобилизации граждан. Этот потенциал контролируемых ресурсов проявляется в актуальном поле политической жизни в виде устойчивого соотношения сил между различными группами людей, использующими государственные и негосударственные структуры, которое и закрепляется в юридических нормах и общепризнанных ценностях политической культуры. В актуальном поле власть управляющих проявляется в форме господства и управления (властвования), тогда как влияние управляемых проявляется в виде, с одной стороны, подчинения (иногда и неподчинения) государственному аппарату, а с другой, как активное давление на него «снизу». Нормы и ценности культуры и являются теми самыми правилами властного общения и политической игры, которые, как уже было указано, цементируют и фиксируют легитимный порядок, соответствующий интересам и ресурсам, силе и воле властвующих и подвластных.

Системообразующая роль политических установлений

Динамика взаимоотношений культурных норм и установлений, господствующих в социуме, с механизмами властно-политического общения проявляется на уровне макроструктуры общества через процессы легитимации, а на микроуровне — посредством процессов социализации, оказывающих как отдельного индивида, так и общество в целом, с ценностями доминирующей политической культуры.

Классический подход к определению понятия «легитимации», как постоянно воспроизводящегося права на политическую власть, был разработан, так же как и категории «легитимность», «легитимный порядок», «легитимное господство и подчинение», в трудах М. Вебера, как уже отмечалось ранее в главе, посвященной природе и структуре властного общения⁷. Процесс легитимации власти, по М. Веберу, постоянно воспроизводится, при условии политической веры агентов этого отношения и ценностно-рациональной обусловленности их взаимных действий и мотивов.

Современная коммуникативная модель легитимации власти была разработана Ю. Хабермасом на материале анализа «кризиса легитимации» в условиях «позднего» капитализма, приводящего к дезинтеграции социально-политических институтов общества⁸. Кризис политической подсистемы тесно связан с кризисом в области культурных ценностей и традиций (нравственных идеалов, моральных максим и т. д.), связанных, в свою очередь, с изменениями в системе социализации и воспитания (школы, семьи, средств массовой информации). Государство вторгается в различные неполитические сферы общества (экономику, культуру и пр.), изменяя баланс между властью и гражданским обществом и тем самым расширяя зону конфликта между ними. Кризисные явления обусловлены опережением административной экспансией государства самого базового процесса формирования системы ценностей, необходимых для поддержания господства управляющей системы над управляемыми. Вместо диалога, волеизъявления и свободной коммуникации между государством и гражданским обществом наблюдается бюрократизация власти и одностороннее административное принятие решения, что приводит к кризису всей традиционной системы политических институтов.

В ФРГ, отмечает Ю. Хабермас, возникла новая ситуация, когда значительная часть населения недовольна не деятельностью той или иной отдельной партии, а всей партийно-политической системой в целом. В результате налицо рост таких альтернативных институтов политики, как «новые» социальные движения, отражающие

Политическое пространство характеризуется недоверием народа ко всей формальной организации власти. Такое же недоверие к легитимной власти наблюдается и в посткоммунистический период в России, когда мы сталкиваемся с недоверием практически ко всем государственным и партийным институтам.

На микроуровне включение в политическую жизнь происходит посредством *политической социализации, рекрутирования и идентификации* индивидов, отражающих различные ступени их приобщения к политике: 1) первичное освоение ценностей и норм, 2) признание (непризнание) и поддержка существующей системы власти и 3) занятие определенной позиции внутри политического поля. Для анализа же положения политических агентов и их структур в социальной иерархии властного общения необходимо введение в оборот пространственно-временного континуума развития политической сферы и, соответственно, категорий «политическое пространство» и «политическое время».

§ 2. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ. МИКРО-, МАКРО- И МЕГАПОЛИТИКА

Постижение внутренней структуры политической жизни с точки зрения характеристик и параметров социального пространства и времени дает возможность внести в политический анализ такое атрибутивное измерение как «пространственно-временной континуум политики»⁹. Пространственно-временные параметры государственной власти давно занимали умы политических философов и политологов. Со времен Р. Декарта философы традиционно связывали пространственное измерение с протяженностью, а временное — с длительностью процессов и явлений природного и социального мира. Сегодня же без выяснения хотя бы самого общего содержания этих категорий невозможно ни построение фундаментальных концептов и моделей политических систем и процессов, ни прикладной анализ и диагноз динамических ситуаций и политических событий, всегда локализованных в каком-либо определенном континууме.

В истории политической мысли издавна предпринимались попытки такого подхода. Например, Ш. -Л. Монтескье выводит следующую взаимозависимость между оптимальной формой правления и масштабами территориального пространства государства: «Если небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины — подчиняться монарху, а обширные империи — состоять под властью деспота, то отсюда следует, что для сохранения принципов правления государство должно сохранять свои размеры и что дух этого государства будет изменяться в зависимости от расширения или сужения пределов его территории»¹⁰.

В XX веке политологи осознанно разводят категории социального и политического пространства с пространством физическим и географическим¹¹. К примеру, этот момент отмечает П. Сорокин, интерпретируя пространство социальной жизни посредством понятия «*социальной дистанции*», где «положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета»»¹². Политика у П. Сорокина представляет собой вовсе не трехмерное Евклидово пространство, а многомерный континуум, стратифицированную «пирамиду» политических статусов и позиций во множестве «вертикальных» и «горизонтальных» измерений, в рамках которой им устанавливается взаимосвязь «флуктуации» политической стратификации с колебаниями размеров и однородности политической организации. В качестве примеров им приводится распад империй и сужение их территорий, происходившие как в древних империях (Римской, Александра Македонского, Карла Великого), так и в современных государствах (Австро-Венгрии, Российской и Османской империях), в результате чего уничтожался либо весь центральный аппарат, либо его часть обязательно «выравнивалась», суживая основание иерархической пирамиды государственной власти.

Иная по направленности и духу концепция «социальной топологии» была построена французским социологом П. Бурдьё. Он определяет *социальное (в том числе политическое) пространство*, «как поле сил, точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле, и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к непосредственным взаимодействиям между ними»¹³. Пространство в политике проявляется в таком случае через некое поле взаимоположенных инвариантов позиций политических агентов, то есть как совокупность их диспозиций и видов их политических практик.

В итоге этого краткого обзора можно отметить, что категория «политического пространства» связана как с территорией государства или его отдельных административных единиц, на которые распространяется *сфера легитимного управления и контроля* различных институтов государственной власти, так и с *зоной давления и влияния* негосударственных структур, то есть своего рода «полем политической гравитации» различных социальных сил: от отдельных личностей и партий до международных социальных движений типа «Гринпис» и геополитического воздействия транснациональных корпораций. В этом плане чаще всего выделяют и различают *область внутренней политики*, прежде всего как территориальное пространство, находящееся под юрисдикцией и легитимным контролем государства, внутри его формально-юридических

Локальная, региональная и глобальная политика границ, а также сферу политики внешней, или международной, в рамках которой осуществляется регулирование взаимоотношений между государствами и народами на международной арене.

В последнее время происходит *взаимопроникновение и переплетение пространств внутренней и международной политики*, прежде всего, в силу возникновения таких наднациональных структур, как Европейский Союз, когда территория избирательных округов на выборах в национальные парламенты переплетается с пространством избирательной борьбы в Европарламент. Интересно, что если в начале XIX века Г. Гегель вполне определенно отделял международную политику от политики внутренней, поскольку национальные государства независимы друг от друга, и межгосударственные отношения могут поэтому быть лишь «внешними», то уже в конце XX века политолог Д. Розенау приходит к выводу о появлении пространства так называемой «постмеждународной политики» (post-international politics), в котором уже активно действуют «наднациональные» или «супранациональные» (supranational) акторы и существуют целые зоны их силового влияния (например, ТНК), вовсе не предполагающие прямое вовлечение в них национальных государств и населяющих их народов¹⁴.

С точки зрения роли участников политической жизни, ее пространственный континуум может быть разделяться на: 1) локальный, 2) региональный и 3) глобальный уровни, конкретное содержание которых зависит от выбранной при анализе системы координат. Скажем, если в качестве точки отсчета пространства глобальной политики принимается планетарный масштаб, то региональная политика связана со сферой политического взаимодействия государств и других общественно-политических агентов на уровне континентов и субконтинентов (ЕС в Западной Европе, НАФТА и ОАГ в Северной и Латинской Америке) или даже еще более узких регионов (АСЕАН, страны Магриба и т. д.), а локальная — с деятельностью политических субъектов на национально-государственном уровне. В этом случае акцент делается на характеристике пространства международной политики, где внутригосударственная территория является лишь вторичным компонентом, тогда как в ином варианте анализа национально-государственное пространство может выступать как своего рода «глобальный континуум», где международные отношения имеют значение лишь факторов внешней среды. Например, так называемый «чеченский конфликт» середины 90-х годов может быть идентифицирован и как общегосударственный, и как локально-региональный, поскольку, с точки зрения общего состояния политического процесса в России, этот

От мегак микрополитике кризис затронул локальные политические силы (местные кланы— «тэйпы»), так же как и ситуацию и в Северо-Кавказском регионе РФ, и в целом на федеральном уровне. В то же время возможно и синтетическое рассмотрение в обобщающем политическом анализе как бы «накладывающихся» друг на друга этих двух (международного и внутреннего) «архетипов» в интерпретации субуровней политического пространства, то есть «локальной», «региональной», «глобальной» политики.

Для обозначения этих уровней в политологии используются понятия «макро-», «мега-» и «микро-» политики, характеризующие различные измерения политического пространства и уровни политических отношений. *Макрополитика* (вероятно, как и макросоциология и макроэкономика) в большой степени связана с характеристикой пространства функционирования базового агента современной политической жизни — «государства — нации», лимитированного административно-правовыми границами распространения легитимной публичной власти. *Мегаполитика* отражает более высокий уровень анализа, содержанием которого являются связи и внешние взаимодействия национально-государственных и наднациональных субъектов, затрагивающие механизмы мировой политики, отношения на глобально-планетарном уровне. И наконец, *микрополитика* как бы спускается с макроуровня на порядок ниже к анализу взаимоотношений индивидов и групп, изучению внутренних механизмов *групповой динамики и индивидуального поведения*, то есть уделяет внимание микропроцессам политики, из которых, в свою очередь, складывается пространство макрополитического процесса.

Из такого разграничения вытекает и специфика политического пространства на различных социальных уровнях. В макрополитике наиболее существенным объектом является *административно-государственное пространство* с его фиксированными границами распространения властной компетенции. Именно формальное пространство действия институтов государственно-публичной власти, конституционно-правовое и административно-управленческое поле, местоположение и конфигурация государства и его структурных компонентов, территория и размер, форма и границы используются в политической географии в качестве исходных предпосылок при анализе политического пространства¹⁵. При изучении глобальных политических проблем, наряду с объектами в рамках формально-административных границ, исследуются и такие конструкты, как «зоны жизненных интересов» и «гравитационные поля» влияния субъектов международных отношений, «балансы сил» в геополитических пространствах и т. д. Что же касается микрополитики, то наряду с пространством властной компетенции

Что такое «политическое время»? административно-государственных институтов различного уровня (федеральных и местных), часто говорят о «сферах контроля» и «областях давления», «зонах влияния и интересов» партий и лоббистских группировок, лидеров и групп избирателей.

Примерно так же, как политическое пространство отличается от своего географического аналога, *социальное и политическое время* имеет отличия от времени календарного и физического¹⁶. Действительно, ведь временные рамки пребывания у власти тех или иных партий вовсе не совпадают с астрономическими временными единицами десятилетий и лет, месяцев или недель. Та или иная партийная группировка может утратить реальное влияние или контроль над определенным политическим пространством (правительственного аппарата или избирательного округа), даже если, согласно конституционному законодательству, временной цикл избранной в парламент группировки и измеряется, скажем, пятилетием, то есть в чисто астрономических единицах. Можно привести немало примеров досрочного ухода в отставку, а то и вообще с политической арены партий и лидеров, не доживших до конца астрономически отсчитанного срока их деятельности или полностью утративших свое влияние (вспомним лишь «Уотергейтское дело» бывшего президента США Р. Никсона или «дело Локхида» бывшего премьер-министра Японии К. Танака).

Что же можно в таком случае обозначить категорией «*политическое время*»? Если дать предельно простое и краткое определение, то политическое время — это *длительность существования, «жизни и смерти» государственных институтов и прочих социально-политических субъектов и продолжительность устойчивых состояний тех или иных отношений между ними*. Можно было бы выделить на основе данного определения различные временные уровни, характеристики которых, в известной степени, были бы связаны со спецификой макро- и микрополитических процессов и изменений. На микроуровне политического анализа мы обычно имеем дело с длительностью существования и периодами деятельности партий и общественных объединений, элитных и лоббистских группировок, временем пребывания на руководящих позициях государственных деятелей и партийных лидеров, а и иногда и с различными фазами политической активности и участия рядовых граждан. Например, анализируя партийную стратегию и тактику КПСС, мы могли бы выделить более или менее цельные временные отрезки прихода большевиков к власти в 1917—1918 гг. или пребывания коммунистов у руля государственного управления и господства в период перестройки в 1985—1991 гг. Раньше в отечественной литературе по марксистско-ленинской теории в этом

плане писали о различных стратегических этапах КПСС, отличавшихся разными стратегическими целями (завоевания политической власти» строительства социализма и т. д.) и тактическими средствами их достижения. В таком же примерно духе трактует социальное время и Т. Парсонс, когда пишет, что оно представляет собой прежде всего время действия, связанное с соотношением целей и средств, тогда как физическое время есть только лишь способ соотношения событий в природном пространстве¹⁷.

На макроуровне делать расчет политического времени гораздо сложнее, поскольку вместо анализа временных фаз политической эволюции тех или иных отдельных группировок или индивидуальных субъектов следует учитывать уже их совокупные характеристики, отражающие временное состояние тех или иных комбинаций всех основных сил, действующих на политической сцене в рамках целостного «гравитационного поля» взаимодействия государства и общества. В таком «макроизмерении» политического времени политолог одновременно сталкивается с двумя взаимосвязанными факторами: с одной стороны, с продолжительностью устойчивого существования той или иной общей расстановки и соотношения социально-политических сил, а с другой,— с длительностью фазы функционирования тех или иных отдельных политических институтов, отражающей в определенной мере в рамках действующих институциональных форм этот установившийся социальный баланс (или дисбаланс).

Любопытно, что из подобной идеи, сложившейся в качестве критерия для выделения этапов макрополитического процесса и развития (по временным отрезкам того или иного состояния и баланса социально-политических сил), исходили в своем анализе представители двух прямо противоположных идеологических школ в политологии — американской и советской, или же марксистской и немарксистской. Действуя в рамках методологии классического марксизма, сам его основоположник К. Маркс именно таким образом и структурирует временную динамику буржуазно-демократической революции 1848—1851 годов во Франции, выявляя три основные ее фазы: 1) февральский период Временного правительства, 2) период учреждения республики и Учредительного собрания и 3) период конституционной республики и Законодательного собрания, при том, что каждая из фаз является отражением той или иной расстановки и соотношения основных классовых сил, участвовавших в революционных событиях¹⁸. Почти что аналогичной идеей пользуются американские политологи и историки, анализирующие политическую динамику США с точки зрения концепции «партийной перегруппировки», согласно которой существуют временные

циклы (от 15 до 40 лет) смены у власти в американской политической системе консерваторов и либералов, Республиканской и Демократической партий¹⁹.

В последнее время среди отечественных политологов появилась даже особая гипотеза «маятникового» и «сезонного» характера протекания политического процесса в России конца 80-х — начала 90-х гг. XX века. Авторы этой гипотезы (именно гипотезы, поскольку это далеко не верифицированное фактами и доказательствами предположение) утверждают, что якобы в современной России существуют повторяющиеся из года в год временные отрезки, «сезонные циклы» политической жизни, как, например, весенний и осенний «пики» уличной, митинговой активности²⁰. Вне сомнения, имеется и взаимосвязь, и определенная взаимокорреляция пространственного и временного измерений в многомерном континууме политической жизни. Не случайно любой серьезный политик, разрабатывая свою политическую программу, наряду с постановкой стратегических целей и тактических задач, учетом ресурсов и потенциала, вынужден просчитывать и взаимоувязывать в политической стратегии масштабы осваиваемого политического пространства со знаменитым фактором времени в достижении долгосрочных или краткосрочных ориентиров.

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ИЗМЕНЕНИЕ. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Метафора «статике—динамике» в политической теории

Вопрос о пространственно-временном измерении политической сферы связан с анализом статических и динамических аспектов политики, то есть с проблемой соотношения состояний покоя и движения, устойчивого порядка и качественных изменений, стабильного равновесия и нестабильного дисбаланса в политической жизни. Сама постановка вопроса о статическом и динамическом состояниях социальной и политической действительности, как своего рода социально-политической «анатомии и физиологии», принадлежит еще О. Конту и Г. Спенсеру, классикам социологии XIX века. Этот вопрос достаточно обстоятельно разрабатывался и в русской социально-политической мысли конца XIX — начала XX в. К примеру, П. Сорокин в «Системе социологии» (1920) выделяется три раздела социологической науки. Она занимается, во-первых, специальным изучением строения и структуры социальных явлений, «рассматриваемых статически, взятых в пространстве, а не во времени» (социальная аналитика), во-вторых, исследованием «социальных функций или эффектов», процессов социального взаимодействия, поведения и функционирования (социальная механика),

и наконец, в-третьих, в лице «социальной генетики», выявлением исторических тенденций, или линий развития, обнаруживающихся в неповторяющейся во времени эволюции как «всей социальной жизни, так и ее отдельных сторон или институтов»²¹.

Итак, в социально-политической жизни существуют три разреза или аспекта: статический (структурный), функциональный (процессуальный) и динамический (эволюционный). Два последних аспекта в той или иной мере, по П. Сорокину, связаны с динамикой и движением. Но если процесс функционирования в большей степени обусловлен механизмом воспроизводства функций, то эволюционное (как впрочем, и революционное) развитие определяет в основном изменение качества элементов и институтов, свойств и функций.

В западной литературе XX века подобные идеи активно разрабатываются в русле социальной статики и динамики. В частности, возможно, не без влияния переведенной на английский язык. «Системы социологии» П. Сорокина в американской социологии и политологии в 50-е гг. складывается системный и структурно-функциональный подходы к анализу политического процесса²². Во французской же политологии вводится даже специальный термин «политическая жизнь» (*vie politique*), своего рода романский аналог англо-американскому «политическому процессу», обозначающий динамическую и развивающуюся сторону политики в противоположность ее статичной и структурной части, называемой «политическими институтами»²³.

Наиболее фундаментальное и серьезное теоретическое обоснование разграничению структурного, функционального и динамического аспектов политики было дано выдающимся американским политологом Г. Алмондом в цикле его работ. В результате упорной работы над данной проблемой примерно в течение трех десятков лет, пережив все моды — и на системный подход, и на функционализм, и, наконец, на так называемую концепцию политического развития, — он останавливается на многомерном и взаимопереплетающемся понимании политической статики и динамики, включившем в итоге в себя все три подхода. Г. Алмонд показывает при этом ограниченность каждого подхода в отдельности, то есть рассмотрения политики либо как статичной «системы», либо как «процесса» или «развития», предлагая взамен своего рода «синтетическое» объединение этих сторон в целостном изучении политики, поскольку они взаимодополняют друг друга, демонстрируя политическую жизнь в различных ее красках и проекциях²⁴.

В последнее же время американские политологи постепенно все чаще и смелее, а затем практически и вовсе отказываются от устоявшихся принципов и моделей системности и функционализма,

и самих понятий «статика» и «динамика», «система» и «процесс», заменяя их терминами «порядок» и «развитие», «преемственность» и «изменение». Одним из новейших подходов, в рамках которого делается попытка описать взаимоотношение в политической жизни двух ее аналитических измерений — статики и динамики, движения и покоя, предпринята уже упомянутым выше американским политологом Д. Розенау, разработавшим концепцию «изменения и преемственности».

Согласно подобному подходу, политика интерпретируется как «вихревое» или «турбулентное» движение, поток, в котором переплетаются состояния порядка и изменения, сосуществуют рядом механизмы преемственности функций и воспроизводства «старых» элементов вместе с процессами инноваций и перемен. Например, в общем потоке политической жизни могут одновременно действовать два разнонаправленных, а иногда и прямо противоположных течения («партия порядка» и «партия изменений»), отражающих соответственно две глубинные тенденции: одну центростремительную, направленную на общую интеграцию и централизацию политической системы, а другую центробежную, ориентированную на автономию составляющих ее элементов и подсистем и приводящую в пределе к стремлению к полной дезинтеграции старого политического порядка. Действие этих двух тенденций или начал в общем «турбулентном потоке» приводит, по мнению Д. Розенау, к феномену «бифуркации» (то есть раздвоению, разветвлению) самой политической жизни на процессы, связанные и с поддержанием и с разрушением существующего политического порядка (например, централизацией и децентрализацией в ходе эволюции государственного устройства). В результате их взаимодействия в потоке политического развития мы сталкиваемся с так называемыми «флуктуациями», а иногда и с «ритмической цикличностью» в перепадах и переходах от одного политического состояния к другому²⁵.

Если попытаться каким-то образом суммировать выделяемые в специальной литературе основные критерии разграничения политической «статики» и «динамики», то можно было бы отметить следующие параметры. Во-первых, статические состояния связаны с моментами относительного покоя, дающими возможность выделения с этой точки зрения неких опорных, «постоянных» (т. е. нерелятивных) величин политической жизни (например, выделить тип политической системы страны), тогда как политическая динамика ориентирована на приоритетное изучение общего хода движения, переходов от одних состояний и ситуаций к другим, когда требуется использование «переменных» величин, отражающих линии развития и тенденции изменений.

О понятиях «система», «процесс», «развитие» в политологии

Во-вторых, политическая статика исходит из допущения о существовании более или менее устойчивого политического порядка, сохранение которого обеспечивается воспроизведением известного числа свойств или элементов политической системы (института), в то время как динамическая сторона политики отражает не только воспроизводство этих систем и институтов, но и их изменение (а в пределе даже распад и ликвидацию «старых» систем).

И в-третьих, если политическая статика в качестве устойчиво сохраняющейся в какой-то момент или период времени морфологической структуры, а также свойств и элементов самих институтов и систем обусловлена прежде всего найденным в определенной ситуации балансом действующих в политической сфере основных социальных сил, приводящим в случае их оптимальной конфигурации и соотношения к состоянию политической стабильности, то нестабильность или разбалансировка, дисбаланс основных сил всегда являются источником ускорения темпов или усложнения форм протекания процессов политической динамики, поиска новых «раскладов» в отношениях главных акторов на политической сцене. Именно в терминах «стабильность» и «нестабильность», «устойчивость» и «неустойчивость» нередко интерпретируются различия между эволюцией постепенно реформируемого политического порядка в наиболее развитых странах и скачкообразным развитием политических систем, приводящим очень часто в странах «третьего мира» к их распаду, переворотам и революциям. Эта разница описана в широкоизвестной работе С. Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах», посвященной общим механизмам политического развития и стратегиям модернизации в развивающихся странах²⁶.

Осмысление взаимоотношений порядка и изменения, статических и динамических состояний и измерений политической жизни обуславливает необходимость уточнить категориальный строй политологии и сформулировать рабочие определения понятий, при помощи которых обычно дается описание и объяснение различных аспектов политической жизни, а именно, соотносительных категорий «политическая система» и «политическое изменение», «политический процесс» и «политическое развитие». На наш взгляд, в политологии эти категории соотносительны, то есть могут применяться лишь в строгих моделях, при наличии вполне определенных взаимоотношений, меняющихся в зависимости от контекста и объекта изучения.

В то же время и в самом общем плане их можно было бы разграничить, развести содержание и объемы понятий. С этой точки зрения, прямо полярными категориями являются «политическая система» (ее структура и морфологический порядок) и «политическое изменение», которые выражают «идеальные типы» таких предельных состояний политической жизни, как устойчивость политического порядка и его изменчивость (приводящая к его распаду), моменты равновесия и покоя, да и переходы между ними, складывающиеся в общий поток движения, и, наконец, стабильность и нестабильность, баланс и дисбаланс факторов и акторов политической жизни.

Термины «политический процесс» и «политическое развитие» в определенной мере являются уже производными от первых двух категорий, так как выражают ту или иную комбинацию атрибутов устойчивости и изменчивости в политической сфере жизнедеятельности общества. Категория «политический процесс» описывает, в первую очередь, динамические процессы воспроизводства институтов и функций, другими словами, функционирования, адаптации и сохранения политических систем, то есть основные механизмы преемственности, тогда как понятие «политическое развитие» используется главным образом для анализа тех сторон политической динамики, которые связаны с процессами изменений институтов и систем, базовыми механизмами эволюционных реформ и революционных перемен в политической жизни. Таким образом, и содержании понятия «политический процесс» переплетаются и динамические, и статические характеристики, а вместе с понятием «политическое развитие» эти категории отражают две стороны политической динамики, ориентированные на воспроизводство и изменение политического порядка в той или иной стране²⁷.

Все три отмеченные выше измерения, или проекции анализа политики, интегрируют и объединяют некоторые общие объективированные, субстанциональные характеристики. Подавляющее большинство политологов сходится в том, что политика является областью человеческих отношений (или формой человеческого общения) по поводу власти (чаще всего государственной власти). Политическая власть, рассмотренная как взаимоотношение и взаимозависимость управляемых и управляющих, приобретает черты субстанциональности, когда мы анализируем ее в объективированном виде, как некий устойчивый асимметричный баланс сил и интегральное равенство воле, отражающие состояние позиций и статусов, потенциалов и ресурсов, интересов и ценностей

социальных агентов властного отношения. С этой точки зрения, политика представляет собой «объективную реальность» и «действительность бытия», выступая поэтому в анализе в качестве реально существующего «силового поля» и относительно автономной и объективированной сферы общественной жизни, содержательной субстанцией которой являются взаимоотношение «власти — влияния», а механизмом, его формирующим,— субъективная активность агентов по поводу власти, проявляющаяся прежде всего через взаимодействие индивидов и социальных групп с политическими институтами. «С одной стороны, поле политики — результат преднамеренной практики агентов, с другой стороны, оно имеет по отношению к агентам объективную форму бытия»²⁸.

В то же время нельзя не заметить, что рассмотрение политики лишь как некоего субстанционального измерения, объективного «силового поля» властного общения явно недостаточно в политическом анализе, поскольку его «внутренний» механизм составляют как раз субъективные установки, идеи и акции социальных агентов, а также субъективированное функционирование и развитие политических институтов.

Глава VI. Субъективированное измерение политической жизни

Субъективированное видение политики

Политика, как мы уже убедились, имеет целый ряд реальных и аналитических измерений в рамках уже рассмотренных выше оппозиций «ценности и власть», «политические пространство и время», а также «политические порядок и изменение». « Эти измерения политической жизни связаны, прежде всего, со своего рода «внешней», субстанциональной характеристикой политики в целом. При этом рассматриваются ее соотношения с другими сферами бытия общества и жизни человека, когда ставится задача изучения политической жизни сквозь призму общей органической целостности, то есть познания некоего объективированного содержания предмета, где сняты «внутренние» отношения и механизмы. Но, наряду с объективированным рассмотрением феномена политической жизни, возможно изучение политики как «внутренней» структуры, когда требуется постижение субъективированного аспекта политического мира, а именно, политической активности социальных субъектов, проявляющейся в форме разработки идей, осуществления акций и деятельности институтов. В чем же состоит специфика такого подхода и такого аспекта политики, какими являются ее внутренние, субъективированные отношения?

Политика может рассматриваться не только как интегральная целостность, но и как отношение «целого» и «части». В этом случае прибегают к некоему соединению принципов холизма и активизма. Эти принципы неявно использовались в политической теории уже Аристотелем, который начинает свою «Политику» с характеристики мира политики как специфической формы общения между людьми, поскольку политическое общение предполагает взаимодействие отдельных людей (как частей общества) с государством (как общественным целым)¹.

Сегодня весьма популярен своего рода «микроподход» к политическим отношениям, когда «первичной клеточкой» политического анализа в качестве главного политического субъекта становится индивид. Этот подход связан с теорией «рационального выбора», исходящей из представления о том, что и «избиратели, и политики — это субъекты, рационально преследующие цель максимальной выгоды или пользы»².

Действительно, политика проявляется в реальной жизни, прежде всего, как активность субъектов или как чья-то живая деятельность направленная на достижение каких-либо целей. Активность и деятельность политического субъекта, с одной стороны, всегда разворачивается в уже сложившихся объективных условиях политической реальности, а с другой, при разработке идеологической доктрины или реформировании политических институтов — «овеществляется» в ткани политических отношений. В соответствии с принципом активизма и деятельностным подходом в специальной литературе выделяются следующие основные формы активной жизнедеятельности: 1) познавательная; 2) практически-преобразовательная; 3) коммуникативная (или деятельность общения), и наконец, 4) ценностно-ориентационная³. При анализе политической активности и деятельности как субъективированной формы политики, исходя из этого деления, можно рассмотреть следующие измерения: 1) «политическое сознание и бытие», 2) «практически-преобразовательную активность и политические отношения»; и наконец, 3) «политические институты» и «социальное общение». Все они связаны с развитием и действием взаимооборачивающихся объективных и субъективных факторов политики, образуя такую ее модель, обозначить которую условно можно было бы как «дуалистический интеракционизм».

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И АКТУАЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВКА В ПОЛЕ ПОЛИТИКИ

Рефлексивная ориентировка в политическом поле

Первое и исходное отношение социального субъекта к политическому миру связано с его рефлексивной формой активности — познавательной и оценочной деятельностью. Любой субъект политики, будь то индивид или группа, должен прежде всего сориентироваться в социально-политической ситуации, изучить и дать ей оценку. Это можно осуществить на двух уровнях политической рефлексии, идеологическом и психологическом, выразив свое мнение в неких «отраженных формах»: либо в теоретической модели, абстрактной идее, идеологической доктрине, либо в психологической установке или чувстве.

Познавательная деятельность в политике связана прежде всего с продуцированием теми или иными политическими субъектами политических идей и теорий, чувств и верований, эмоций и доктрин, которые, будучи *субъективной рефлексией* объективной действительности мира политики, являются необходимым этапом и условием его освоения. Вопрос о соотношении реальности политической жизни и представлений о ней, действий политиков и идей политологов ставился еще в античной политической мысли, в частности, в «Государстве» Платона и «Политике» Аристотеля. Как влияет познание правителем принципов наилучшего устройства на государственную жизнь? Воплощаются ли в ней идеальные проекты, представления об оптимальных формах правления?

Аристотель и Платон считают, что достижение успеха в политике, создание наиболее эффективных форм организации политической жизни зависят, прежде всего, от разработки наилучшей идеальной модели или проекта государственного устройства, базирующегося на правильных моральных нормах и верных теоретических принципах. Аристотель в «Политике» отмечает, что государственная жизнь является реализацией людьми (и в первую очередь, правителями) тех или иных познанных принципов и проектов или же просто представлений о правильном порядке ведения государственных дел. В то же время изложение политической теории у Аристотеля построено на анализе и теоретическом обобщении реальных, то есть существовавших в политической действительности того времени в Греции, Персии и других странах видов государственного устройства. Таким образом, в своих рассуждениях о мире политики Аристотель исходит одновременно из двух «равных» начал анализа: во-первых, из идеальных принципов и образцов государственного устройства, во-вторых, из реальных политических институтов и структур, видов государств, способов государственного управления и политического участия.

«Материалистическое» и «идеалистическое» понимание политики

Каждое из этих двух начал Аристотеля обладает относительной независимостью от другого начала, поэтому каждое из них становится исходной точкой для различных теоретико-методологических подходов: «материалистического» и «идеалистического» понимания политики, наиболее репрезентативно представленных в гегельянском и марксистском учениях.

Одним из наиболее ярких примеров идеалистического подхода к объяснению соотношения политической действительности и ее рефлексии, политического сознания и бытия являются школа и традиция немецкой классической философии, и в том числе,

система политической философии Г. В. Ф. Гегеля. С позиции гегелевской философии политики, государство есть объективный дух и субстанциональная воля, особое проявление в политической действительности нравственной идеи, которая в «нравах имеет свое непосредственное существование, а в самосознании единичного человека, его знании и деятельности — свое опосредованное существование...»⁴. Идея или принцип государства непосредственно осуществляется, таким образом, в государственном сознании общества (понятие «нравы общества» в этом плане здесь во многом сходно с современным термином «политическое сознание»), а также и в индивидуальном политическом сознании каждого гражданина. «Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем сознательно»⁵, — добавляет автор «Философии права», отдавая и в гносеологическом, и в онтологическом плане приоритет «политическому духу», а не «политическому миру».

К. Маркс прибегает к противоположному подходу, полагая в соответствии со своим материалистическим пониманием политики, что идеальные принципы и представления есть лишь отражение материальных (или экономических) интересов тех или иных классов, а потому гегелевское соотношение политического сознания и бытия необходимо перевернуть «с головы на ноги». С точки зрения марксизма, политическое сознание общества и индивида в различные исторические периоды было обусловлено экономическими интересами и социальным положением господствующих классов. «Господствующие мысли суть не что иное, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» (1845--1846), — как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства»⁶. Результатом марксистского подхода к политике является известный вывод о том, что политические идеи и теории, чувства и представления являются порождением материальных интересов различных классов и, соответственно, политических учреждений и организаций, ими контролируемых. В конце XIX — начале XX в. и в социально-политической мысли России появились довольно любопытные идеи о взаимной обусловленности политической реальности и сознания, выразившиеся в концепции так называемого «параллелизма мысли и учреждений», существования «прямых» и «обратных» связей между действительностью бытия и рефлексией сознания⁷.

Дуализм против онизма в политической гносеологии

Выходом из дилеммы: материалистичны или идеалистичны механизмы политики — мог бы стать отказ от самого принципа монизма и замена его более плюралистическим и гибким принципом дуализма, дающим возможность осмыслить сложный механизм политической активности, в котором предполагается взаимная обусловленность и «оборачиваемость» обоих «начал»; и идеального, и материального. В связи с этим можно было бы выделить две основных формы политической активности социальных субъектов: 1) духовно-рефлексивную и 2) материально-практическую, первая из которых «исторически и логически» предшествует второй.

Рассмотрим этот момент подробнее на примере политической активности партий. Как правило, образование всякой партии связано первоначально с определенной *психологической идентификацией* индивидов с коллективным субъектом, опирающейся на осознание общности своих интересов и некой субъективной политической идентичности по отношению к обществу в целом. Например, так сформировались в свое время первые пролетарские организации типа «Общества времен года» или «Союза справедливых». Затем требуется рефлексивная активность более высокого уровня — идейно-теоретического, связанного с разработкой идеологической доктрины или теоретической модели, которые фиксируются в соответствующей программе партии. И только уже на этой основе разворачивается полнокровная партийная работа по реализации партийных целей и задач.

Проблема соотношения материально-практического и духовно-рефлексивного измерений (начал) в механизме политической активности особенно остро обозначилась в сфере современной политической психологии в дискуссии между сторонниками поведенческого (бихевиоралистского) и когнитивного подходов. Первые, то есть «бихевиоралисты», в центре внимания видят категорию «поведение», которая, по их мнению, и соединяет политическую активность социального субъекта с внешним миром посредством его «мотивов» и «установок». В противоположность этому подходу «когнитивисты» «в центр исследования ставят политическую картину мира индивида, его политическое сознание, но выносят за скобки собственно поступок, политическое действие, которое они считают вторичным по сравнению с картиной мира индивида»⁸.

Дело доходит порой до признания, что вся политическая активность обусловлена (и чуть ли не детерминирована) психикой человека и психологией социальных субъектов. Авторы,

придерживающиеся подобной позиции, считают, что, во-первых, «структура психики человека определяет структуру деятельности субъектов политики», во-вторых, сама «структура политической деятельности является отражением психологической потребности человека в ориентации», и поэтому, в-третьих, политическая активность это лишь ориентационная сторона (или часть) деятельности человека, его так называемая «интеллектуальная экспансия» в окружающее информационное поле⁹. Политика становится, таким образом, некой производной индивидуальной психики и коллективной психической жизни.

В то же время нельзя не отметить тот момент, что в структуре политической активности ее духовно-рефлексивная сторона, включающая политическую психологию и идеологию, действительно выполняет роль определенной ориентационной структуры или ориентирующей фазы в актуальном поле политики, в свою очередь состоящей из ряда компонент. В их число входят познавательные, когнитивные элементы, включающие теоретические знания и идеологические убеждения, политическую информацию и верования, а также оценочно-мотивационные компоненты, связанные с ценностями и установками, мотивами и чувствами. Рефлексивная активность социального субъекта, следовательно, состоит из: 1) познавательной активности (анализа политической информации); 2) аксиологической ее стороны (оценки информации); 3) проективного аспекта (прогноза и проекта активности) и, наконец, 4) аспекта мотивационно-установочного, как бы завершающего формирование рефлексивной модели грядущей политической деятельности того или иного социального субъекта.

Подытоживая рассмотрение различных подходов к проблеме и разграничивая эти стороны политической жизни, можно отметить, что политическое бытие (или реальность) связано в большей мере с «объективированной» политической действительностью, ее реальными структурами и процессами, их функционированием и развитием, результирующими действие и материальных, и идеальных факторов, тогда как *политическое сознание* в основном имеет дело с рефлексивной «субъективацией» политики, то есть с субъективной рефлексией и умонастроениями тех или иных агентов политических отношений. Политическое сознание имеет при этом весьма сложную структуру, включающую в себя множество различных субъектов и типов рефлексии, а также обусловленные ими отдельные уровни и компоненты: общественное, групповое и индивидуальное сознание, *политическую психологию и идеологию*, чувства и эмоции, представления и идеологемы, ориентации и установки, а также все другие

духовные, рефлексивные образования, связанные с познанием и освоением мира реальной политики, требующие, конечно же, каждый в отдельности специального анализа¹⁰.

§2. ПРАКТИЧЕСКИ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. КОНЦЕПЦИЯ «РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА» ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Практическая активность в политической жизни

Основной способ реализации тех или иных идеальных моделей и установок, политических идей и доктрин на практике всегда связан с конкретными политическими действиями вполне осязаемых субъектов. Еще со времени «Хозяйства и общества» М. Вебера (1922) и «Структуры социального действия» Т. Парсонса (1937) исследование политического действия попадает в центр внимания анализа политики. Именно понятие «политическое действие (акция, акт)» становится элементарной единицей в изучении структуры и механизма активности политических субъектов. И здесь возникает вопрос о том, а что же в самом общем плане представляют собой политическая активность и общение, политическая деятельность и поведение? В чем состоит их генетическая связь с «репродуктивными» политическими отношениями?

Для того чтобы хотя бы подойти к ответу на эти вопросы, приходится останавливаться на некоторых исходных определениях ряда ключевых понятий. Наиболее общим, родовым понятием для всего этого категориального блока выступает категория «*политическая активность*», обозначающая все виды и способы воздействия политического субъекта на объективный мир и других субъектов политики. Многообразие видов активности выявляет различные формы (и их комбинации) «распредмечивания» власти управляющих и влияния управляемых. Политическая активность в этом смысле есть совокупность элементарных политических действий (акций), каждое из которых, по М. Веберу, «соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹¹. Политическая деятельность, поведение и общение представляют собой соответственно различные формы и способы интерпретации активности, когда внимание концентрируется на средствах воздействия субъекта на объект (деятельность) или на изменении собственной роли и позиции субъекта (поведение), или же, наконец, на межсубъектных взаимодействиях (общение). (Об этом подробнее речь пойдет в главе VII.)

Следует сразу же оговориться, что вопрос о структуре социально-политической деятельности и поведения, механизме действий и взаимодействий является едва ли не центральным вопросом современной западной политологии и социологии XX века, начиная

Деятельностный подход к политике от теоретических построений М. Вебера и Т. Парсонса до новейших разработок А. Гидденса, Н. Лумана, Д. Коулмена и, конечно же, концепции «коллективного действия» М. Олсона и теории «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса¹². Такой же огромный интерес к этой проблеме и соответствующий пласт литературы по теории социальной деятельности и общения сформировался в 60-80-е гг. и в отечественной философско-социологической мысли на базе соединения исторического материализма с системно-структурным, функциональным и деятельностным подходами¹³. Не останавливаясь на подробном и специальном анализе сложнейшей проблемы структуры политического действия, хотелось хотя бы очень кратко затронуть лишь логику наиболее распространенных и популярных в отечественной и американской специальной литературе подходов к характеристике механизмов политической деятельности и поведения, а именно, самые общие принципы «деятельностного подхода» и концепции «рационального выбора».

В соответствии с деятельностным подходом в структуре политической деятельности выделяются следующие основные пары элементов: 1) «субъекты и объекты», 2) «цели и средства», 3) «условия и результаты», 4) «интересы и ценности», а нередко в этот ряд включаются также 5) «мотивы и установки». Если с этой точки зрения попытаться интерпретировать избирательную политику партии в период выборной кампании, то получается следующая картина: политический субъект (партия), исходя из коллективных интересов (контроль над властью), пытается воздействовать на политический объект (электорат) в предвыборной кампании с тем, чтобы посредством пропаганды и манипулирования мнением избирателей (средства) получить максимально возможное количество бюллетеней и голосов, сформировать наиболее многочисленную фракцию парламента и, в итоге, правительство (цели).

Тем самым избирательная активность партии зависит не только от конкретных условий борьбы, сформировавшихся до начала кампании. Успех и эффективный результат избирательной борьбы также связан как с оптимальными формами диалога с избирателями, так и с гибкой тактикой партии по отношению к другим субъектам партийной борьбы: партиям-союзникам и партиям-противникам. Следовательно, избирательная кампания не ограничивается лишь активными пропагандистскими действиями партий по отношению к избирателям, она включает в себя партийное противоборство и соревнование, то есть цепь политических взаимодействий, «снимающих» их взаимно направленные друг на друга акции и мероприятия.

Этот «деятельностный цикл» в политике условно можно было бы представить, используя следующую, довольно распространенную в марксистской литературе, общую абстрактную модель социальной деятельности. «Условия в виде опредмеченной деятельности детерминируют деятельность каждого из субъектов, а разнонаправленная деятельность каждого из субъектов снимается их взаимодействием; взаимодействие опредмечивается, модифицируя условия; новые условия полагают новый акт взаимодействия субъектов и т. д.»¹⁴. Если продолжить разбор примера с избирательной кампанией, то можно заметить, что нормальная партийная борьба в процессе выборов в соответствии с избирательными законами и принципами, наряду с партийными взаимодействиями и конкуренцией, приводит также к воспроизводству и развитию самой избирательной и партийной системы, то есть к «опредмечиванию» результатов политической борьбы в устойчивых условиях политических отношений.

Концепция «рационального выбора»

Что же касается принципиальной схемы политического действия, используемой в едва ли не самой популярной сейчас в американской политологии концепции «рационального выбора», то она постулируется следующими главными предположениями: «1) акторы преследуют соответствующие цели; 2) эти цели отражают осознанные эгоистические интересы акторов; 3) поведение основывается на сознательном выборе; 4) индивид является основным актором в обществе; 5) акторы обладают приоритетными установками, являющимися последовательными и устойчивыми; 6) в случае выбора альтернатив акторы выбирают вариант с наивысшей степенью ожидаемой выгоды; 7) акторы владеют определенной информацией как о возможных альтернативах, так и вероятных последствиях их выбора»¹⁵. С этой позиции, если опять вернуться к примеру, связанному с избирательной борьбой партий, партийное поведение на выборах основано прежде всего на «рациональных принципах», отражающих эгоистическое стремление партии обеспечить себе максимальное число голосов избирателей и тем самым получить максимальную власть.

При этом, правда, возникает ряд вопросов и возражений, связанных с подобной рационализацией и идеализацией механизма политического поведения. Во-первых, совершенно непонятными в этом плане становятся эмоциональные и иррациональные действия, не всегда ориентированные на корыстные и эгоистические интересы, проявления альтруизма и гуманизма в политике (например, иногда совершенно бескорыстное участие богачей в революциях, альтруизм иностранцев в освободительных войнах). Наконец, во-вторых, самое большое затруднение возникает при объяснении

феномена коллективных политических действий, когда индивидуальный актор, имеющий личные интересы, расходящиеся с групповыми интересами, все равно участвует в групповом действии¹⁶. Другими словами, почти без внимания остается природа, например, такой групповой активности, какой является *институциональное общение коллектива индивидов*.

В этом плане более успешную трактовку трансформации индивидуальных действий субъектов в коллективно-институциональные структуры дает деятельностный подход, вводящий понятие *межсубъектной деятельности общения*, результатом функционирования устойчивых форм которой является становление стабильных коллективных общностей (или институтов). Таким образом, как уже отмечалось, *встречные акции политических субъектов и объектов результируются тем или иным видом взаимодействия и «опредмечиваются» в устойчивые политические отношения, в то время как рядоположенное, межсубъектное общение приводит к образованию устойчивых и структурированных общностей, иерархизированных институтов*. Например, многократное общение партий в ряде избирательных кампаний приводит к складыванию соответствующих институциональных образований, то есть партийных и избирательных систем. Общение политических субъектов приводит в результате к формированию политических институций, субстанциональной основой которых выступает опредмеченная активность индивидов в виде «сетей» их отношений, то есть различных форм взаимодействия по поводу власти.

§3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ. КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»

Понятие политического института

В современной политологической литературе вместе с появлением концепций «рационального выбора» и «нового институционализма», по сути дела, было сформулирована новая постановка далеко не новой для социально-политической мысли проблемы соотношения субстанционального содержания политической жизни, связанного с общением по поводу власти и влияния индивидов и групп людей, с одной стороны, и, с другой — институциональных форм (но уже не в «старом», административно-юридическом понимании термина «институт»), за которыми стоят политические институты и организационные структуры. Как уже отмечалось выше, вплоть до конца XIX — начала XX в. в политической мысли (несмотря на прорыв, совершенный марксизмом) доминантой все еще выступало

представление о государстве, как о субстанциональном начале политической жизни, а под политическими институтами понимались лишь административные учреждения и юридические нормы. Но начиная с классических работ К. Маркса и Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера, в политологии и социологии, в противовес государственно-правовому или административно-юридическому пониманию политических институтов, складывается социологический подход к институтам, выведший проблему соотношения субстанции и институции в политической сфере, содержания и формы в политических отношениях на новый теоретический уровень.

Что же такой политический институт? Термин «институт» происходит от латинского слова «institutum», что означает «установление» или «учреждение». В этом смысле этимологически почти дословную интерпретацию институтам дает М. Вебер, отмечая, что государство, как рафинированный пример института, составляет сообщество людей, поведение которых основывается на рациональных установлениях (нормах конституции, законах и т. д.). Э. Дюркгейм считает, что институты, с одной стороны, представляют собой некие идеальные образования в виде обычаев и верований, а с другой — эти обычаи и стереотипы, в свою очередь, материализуются в практической деятельности социальных организаций различных времен и народов¹⁷. Тем самым Э. Дюркгейм положил начало целой традиции, даже школе французского «социального институционализма» (в отличие от институционализма «нормативно-юридического»), который постепенно сложился во Франции в 50—70-е гг.¹⁸.

Французские политологи (М. Прело, Ж. Бюрдо, М. Дюверже) вслед за Э. Дюркгеймом выделяют два основных компонента, входящих в содержание политического института: во-первых, идеальную модель самой системы отношений и, во-вторых, это собственно организационные структуры, воспроизводящиеся в коллективной политической практике в соответствии со стереотипами и матрицами модельной структуры. М. Дюверже дает в связи с этим свое известное определение политических институтов, выступающих в качестве «модели человеческих отношений, с которых копируются конкретные отношения, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и сплоченных»¹⁹.

Если попытаться объединить различные подходы и интегрировать основные атрибуты институциональности, то можно было бы дать следующую рабочую дефиницию понятия «институт». Политический институт — *это, во-первых, состояние организованной общности, организационная форма объединения людей в особое сообщество, основывающееся на коллективной воле, целях и образах*

жизнедеятельности; во-вторых, идеальная модель ассоциации людей, формирующейся по поводу власти и влияния, поддерживающая интеграцию человека и коллектива, управляемость общностью и опирающаяся на коллективные ценности, организационные принципы, рациональные нормы (установления), и, в-третьих, реализация и воспроизводство моделей (систем принципов и норм, правил и целей) общения в структуре совокупной практики политической активности индивидов и групп, человеческого социума в целом.

Если категория политической институции (института, институциональности) отражает формы и структуры политической жизни, ее своего рода «морфологические модели» и «организационные каркасы», то содержание политических отношений связано с понятием политической субстанции, *выражающей сущность и базовые характеристики политики как сферы властного общения и взаимодействия.* Властное общение и институциональные общности, то есть сама субстанция политики и политические институции, образуют диалектическое отношение взаимооборачивающихся процесса и продукта властвования, когда, в соответствии с социокультурными стереотипами общение людей по поводу власти постоянно воспроизводит его институциональные формы, то есть организованные общности, являющиеся материальной предпосылкой для все новых циклов политического общения²⁰.

Политическая жизнь устроена таким образом, что всякая институциональная форма не может закрепиться до того момента, пока не появится ей соответствующая расстановка (или уровень согласия, солидарности) социальных сил по поводу содержания власти, то есть то или иное устойчивое и асимметрическое состояние в отношениях властвующих и подвластных. Скажем, демократические выборы и избирательные системы, так же как партии и партийные системы, вряд ли бы могли в полной мере сформироваться на государственном уровне в странах Западной Европы в период феодализма, поскольку соотношение сил между крепостными крестьянами и феодалами-землевладельцами было явно не в пользу образования демократических институтов²¹. В то же время Э. Дюркгейм отмечает, что именно в недрах властных отношений средневековых городов-коммун зарождаются институты буржуазной демократии, а средневековая корпорация городских ремесленников и торговцев «в конечном счете послужила основой для всей политической системы, родившейся из коммунального движения»²².

Следует по этому поводу заметить, что, несмотря на отход социологического (или социального) институционализма от нормативно-юридической традиции, политологи нередко все же относят

к политическим институтам только официальные государственные учреждения или те учреждения, на которые, как писал еще Т. Гоббс в «Левиафане», распространяются полномочия государственной власти, то есть легальные, разрешенные государством организации и структуры. С этой точки зрения, американские лоббистские группировки, легализованные и регистрируемые согласно закону о регулировании лоббизма в США, принятому в конце 40-х гг. XX в., являются официальным политическим институтом, в то время как в России при отсутствии соответствующего законодательства лоббизм находится в «теневой» части политического спектра, а посему лоббисты в параметры институциональности вроде бы и не вписываются, хотя при этом довольно неплохо существуют и активно влияют на принятие многих политических решений (ТЭК, ВПК, аграрный и банковский секторы и т. д.) в нашей стране. Тем не менее, российские «теневые», лоббистские (а порой и криминальные) группировки — это уже признанный де-факто политический институт, иногда даже более влиятельный, чем партийный²³. Пример легализации лоббизма в США демонстрирует характер взаимоотношений политической «субстанции» и «институции», когда складываются реальные отношения власти, зоны контроля и «гравитационные и силовые поля» влияния различных социальных групп, оформляющиеся в неофициальную в правовом плане институциональную структуру, которая затем становится официальным и легальным институтом политической системы, что естественно возможно только при условии согласия и поддержки основных общественных сил.

Подобные же связи между институциональным и субстанциональным аспектами политической жизни присутствуют не только во внутренней политике на макрополитическом уровне, но и в области международной политики, то есть на мегаполитическом уровне, что ярко отразилось в процессе формирования институтов Европейского Сообщества (ЕС). Процесс социально-экономической и политической интеграции, пересечения зон межэкономических интересов национальных государств Западной Европы привел к новому балансу сил и формированию нового поля гравитации между полюсами суверенных носителей государственной власти и возникшим общеевропейским полюсом силы и влияния, то есть ЕС. Образно говоря, ЕС как новый силовой «полюс» начинает теснить старый институт, «полис», то есть государство-нацию. Перераспределение власти и влияния между ЕС и входящими в него государствами, становление надгосударственных институтов (Европарламент и т. д.), «определение их статуса, в особенности наделение их необходимыми полномочиями, установление основных

форм и методов деятельности, это Идеи «нового институционализма» отнюдь не произвольные решения, а реализация идей и принципов, лежащих в основе западноевропейской интеграции, формирования сообществ»²⁴.

Можно заметить, что институт (или институция) в политике как бы фиксирует некий сложившийся во властных отношениях и процессе политического общения реальный «статус-кво» между индивидами, группами и обществом в целом. При этом сторонники теории «рационального выбора» концентрируют свое внимание на субстанциональном микроизмерении политики, анализируя механизмы индивидуального и группового поведения, в основном причины рациональных действий и выбора альтернативных решений в силовом поле властных отношений, тогда как представители «неоинституционализма» ориентированы прежде всего на институциональные макроструктуры, пытаясь через изучение эволюции политических институтов, их регулирующих правил и норм, вскрыть глубинные механизмы политической динамики²⁵.

«Новый институционализм» появился в американской политологии в 1970-е годы во многом как реакция на господство редуционистских подходов (бихевиорализм), сводящих политику к индивидуально-групповому поведению, контекстуалистских подходов (структурный функционализм), относящих политическую жизнь к взаимореагированию политической системы с окружающей — социальной средой (подробнее об этом в главе IX), и наконец, подходов утилитаристских (рациональный выбор), интерпретирующих институты лишь как технические рамки для выбора решений и осуществления «рациональных действий». Классики нового институционализма Д. Марч и Д. Олсен в работе «Вновь открывая институты» (1989) замечают по этому поводу: «С бихевиоралистской точки зрения, формально организованные институты должны быть изображены лишь как арены, на которых разворачивается политическое поведение, движимое более фундаментальными факторами. С нормативной же точки зрения, концепты, при помощи которых мораль инкорпорируется в жизнь таких институтов, как право и бюрократия, и которые акцентируют внимание на гражданственности и коллективности как основах политической общности, прокладывают дорогу общим идеям, связанным с индивидуальной моралью, и мирным переговорам между конфликтующими сторонами»²⁶.

Бихевиоралисты и нормативисты, контекстуалисты и сторонники «рационального выбора» нередко забывали, что политические институты представляют собой сложнейшие организации и ансамбли отношений между отдельными людьми, качественно не сводимые

ни к абстрактным макросистемам, ни к микроповедению индивидов и групп, а занимающие как бы срединное положение между ними. Марч и Олсен делают отсюда важный вывод, что хотя «концепция институтов никогда не исчезала из теоретической политологии, в последние года произошло все же мощное ее вытеснение неинституциональными теориями политической жизни»²⁷. Отметим здесь, что это замечание распространяется скорее на американскую, чем на европейскую политическую теорию, где, как мы могли убедиться, интерес к политическим институтам не ослабевал. В то же время неинституционалисты внесли существенный вклад в осмысление вопросов об организационных иерархиях, нормах и правилах, процедурах и регламентах, «скрепляющих» деятельность политических институтов.

Разрыв между изучением поведения (или деятельностью) индивидов в сфере властных отношений и общественными институтами власти и влияния, то есть макро- и микроуровнями политической жизни, образовавшийся еще в 50-е годы (между бихевиоральным и функциональным подходами), не преодолен и в политологии конца XX века. Этот пробел между индивидуальным поведением людей и институтами человеческих сообществ, по мнению американского социолога Дж. Коулмена, должен быть заполнен переходным механизмом так называемого «институционального дизайна» (institutional design), то есть особый инструмент «микро-макро перехода» позволяет продвинуться от понимания содержания индивидуального политического действия к его осуществлению в структуре совокупного макрополитического процесса²⁸. Властные отношения между людьми, взаимоотношения контроля управляющих с влиянием управляемых приводят к образованию таких организованных макрообщностей, как институты государства, где субстанция власти оформляется в сложнейшие иерархизированные системы, основывающиеся на принципах самоорганизации и саморегуляции, а также негосударственных институтов, выступающих в качестве активных агентов политических отношений.

Глава VII. Агенты политических отношений

Что такое агент политики?

Политическая сфера жизни общества, как уже отмечалось, имеет множество аспектов исследования и, соответственно, измерений существования. Выше мы уже выяснили, что в «субъективированном измерении» в центр анализа попадает *активный субъект*. Еще Аристотелем было подмечено, что политическое общение предполагает взаимодействие между людьми (как частями общества) с государством (как общественным целым)¹. Таким образом, если политика является не только сферой общественной жизни или аспектом жизнедеятельности социума как единого целого, но также выступает и как форма общения или тип отношений между индивидами, составляющими целостный социум, то естественным образом возникает вопрос о субъектной природе политических отношений и активном характере самой политики как способа человеческого существования. Кто все-таки, главным образом, играет в политическую игру, да и что же собой представляют игроки и правила этой игры? Вопрос этот подводит к давно уже поставленной в «классической» политической мысли проблеме определения активных участников политической жизни, политических субъектов и объектов, в то время как в рамках «неклассической», постструктуралистской и постмодернистской политической концепции он интерпретируется в русле взаимодействия «агентов политики».

§ 1. ПОНЯТИЕ АГЕНТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Остановимся, прежде всего, на классическом подходе к проблеме агента политической жизни и носителей политической активности. В европейской политической традиции, начиная с Платона и Аристотеля, постоянно анализируется вопрос о том, кто же выступает в качестве активных сил в политической борьбе. Ответы давались самые различные:

Аристотель пишет о «государственном муже» и «политическом человеке», Макиавелли выделяет, наряду с «государем», такие силы в истории политической борьбы во Флоренции, как «партии» (гвельфов и гибеллинов) и «сословия» (дворян-нобилей, богатых горожан-пополанов и городского плебса), а Гоббс сводит всех участников политики к понятию «политического тела» как части тотального государственного механизма.

В дальнейшем в политической теории еще длительное время господствовал институциональный подход, редуцировавший всю политическую жизнь к деятельности государства и его отдельных институтов, а также, в соответствии с таким взглядом, — к поведению «государственных мужей», управляющих подданными государства. В XIX веке центр тяжести анализа политических отношений, субъектов и объектов начинает смещаться с государственных «институтов» и «мужей» (Г. В. Ф. Гегель) на «классы» (К. Маркс), «расы», «нации» и «народы» (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер). В начале XX века эта тенденция приводит к кризису и упадку институционального подхода, а также концепции приоритетного значения в политике народов и классов, политические явления рассматриваются в это время с точки зрения участия в них групп и элит. Разрабатываются концепции «групп интересов» (А. Бентли) и «правлящих элит» (В. Парето). В рамках бихевиоралистского подхода сам объект и способ его анализа сводятся к эмпирически наблюдаемому поведению различных политических акторов: партий и профсоюзов, групп давления и профессиональной бюрократии, политических лидеров и рядовых избирателей. Все это постепенно подводит к возникновению ряда проблем в объяснении характера и структуры политических отношений, среди которых одними из центральных были вопросы о иерархии политических субъектов и объектов, и об относительности в принципе самого различения субъекта и объекта в политике.

Антиномия субъекта и объекта в политике

В 50—60-е годы XX века многие западные политологи практически отходят от употребления самой оппозиции «субъекта — объекта» в политике, заменяя ее понятием «политического актора» (actor, acteur) как активного участника политической жизни или особого рода игрока в азартной игре, называемой политикой. Идея интерпретации политических отношений сквозь призму эмпирически наблюдаемого поведения отдельных индивидов как основных субъектов политики первоначально разрабатывалась еще в рамках классического бихевиорализма, и в частности, в свое время

Г. Лассуэллом. На современном этапе, когда «первичной клеточкой» политического анализа становится индивид в качестве главного субъекта, подобный «микроподход» к политическим отношениям связан с уже упоминавшейся теорией «рационального выбора», исходящей из представления о том, что «и избиратели, и политики — это субъекты, рационально преследующие цели максимальной выгоды или пользы»². Согласно такой трактовке, исходящей из принципа утилитаризма И. Бентама, отношения в политике — это своего рода «рынок и обмен», в ходе которого люди, являющиеся покупателями и продавцами политических товаров (власти и ресурсов, престижа и статусов и т. д.), стремятся в своем поведении к получению максимальной выгоды. Они опираются при этом на рациональные средства и рычаги, так же как в подобных случаях поступают производители и потребители в условиях обмена товарами на экономическом рынке.

С попыткой же полностью преодолеть антиномию субъект— объектного взаимоотношения в анализе политики были связаны разработки, предпринятые политологами постструктуралистского и постмодернистского направлений. Постмодернизм обрушился на «классическое» понимание политики, предлагающее существование активного начала, политического субъекта (личности, группы или института), наличествовавшее, к примеру, в гегельянстве и в марксизме, так же как и в структурализме или бихевиорализме. Предмет (в классической трактовке — «объект») политического воздействия «противится» и «мстит» преобразователю — «субъекту» — за вычленение его из общего политического порядка, что приводит к необходимости вообще отказаться от классической парадигмальной оппозиции человека и мира.

Интересную по замыслу концепцию преодоления противоречия в существовании субъектов и объектов в политике разработал отошедший от классического структурализма французский конструктивист П. Бурдьё. Вместо терминов «субъект» и «объект» им используются понятия «агент», его «позиция» и «диспозиция». «Агент» — это носитель политических отношений, актуализируемый в многомерном пространстве «политического поля», которое выступает в виде совокупности действующих в нем сил и контролируемых ими видов ресурсов («капиталов»): экономических, социальных, символических, культурных и т. д. «Агенты» и «группы агентов» в политике определяются и характеризуются совокупностью позиций в различных полях или зонах контроля. Политику как тип социальных отношений («социальное поле») в подобном ракурсе можно описать в качестве многомерного пространства, в котором позиция каждого политического агента, обладающего

активными свойствами, не сводимыми к его индивидуальным намерениям, может быть определена как совокупность находящихся в различных измерениях капиталов (их объемов и весов), им контролируемых³.

В то же время, рассуждая об «агентах политики» или ее «актерах» и преодолевая, на первый взгляд, дихотомию «субъекта— объекта», многие постмодернисты довольно далеко уходят от изучения самой политической материи и, в частности, от выяснения иерархии политических субъектов, отношений между политическими институтами, социальными группами, а также ролями отдельных индивидов в политической динамике. В этом плане очевидным представляется различие между ролью отдельного избирателя, рядового обывателя в текущей избирательной кампании, отдающего свой единственный голос, и функциями в процессе этих же выборов таких специализированных и агрегированных субъектов, каковыми являются политические партии, могучие профессиональные коллективы и электоральные команды, борющиеся за места в парламенте, получить которые можно, лишь завоевав тысячи, а порой и миллионы голосов избирателей.

В рамках классической политико-философской парадигмы известного «раздвоения» общественно-политической жизни на активных субъектов, воздействующих на политические объекты, традиционно дается их следующее определение: политический субъект есть источник политической активности, направленной в определенном отношении или ситуации на те или иные политические объекты, являющийся при этом носителем предметно-практической деятельности, тогда как политический объект, соответственно, «противостоит» субъекту, представляя собой ту часть объективной реальности, фрагмент политического мира, который взаимодействует с субъектом. Категории политического субъекта и объекта, вне сомнения, носят соотносительный характер, поскольку политические тела, выступающие в одном отношении как объект, в другом измерении могут выступать уже в роли субъекта или даже моментально меняться своими местами в ходе изменения политической ситуации. Представим себе избирательный процесс, где на первом этапе активную роль субъекта политических действий играют кандидаты в депутаты и их избирательные коалиции, ведущие кампанию по сбору голосов избирателей как объектов политического воздействия. В день выборов рядовые избиратели выступают уже в активной роли, делая выбор и отдавая свой бюллетень за того или иного кандидата или партийный список. Получив необходимое число голосов избирателей и завоевав место в парламенте, кандидат на пост парламентария, ставший уже депутатом и получивший мандат, снова

Институты как субъекты политики ^{начинает играть роль субъекта данного политического взаимоотношения,} выражая официально интересы избирателей своего округа, которые, в известном смысле, на время переходят в политический «пассив».

§2. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ ПОЛИТИКИ

Закономерен вопрос, кто же входит в число реальных, а не номинальных субъектов и объектов политических отношений, да и кто, в основном, играет именно активно-субъектную роль в политике: индивиды, рядовые граждане или выдающиеся политические деятели, большие или малые социальные группы, партии или государственные учреждения? На этот вопрос предлагается два основных варианта ответа, сопряженных соответственно с двумя наиболее распространенными и уже упомянутыми нами теоретическими подходами — организационно-институциональным и социально-редуктивным.

Первый, **организационно-институциональный** подход, связан со сведением всех субъектов политики к государственным (реже и к негосударственным) институтам. Представление о политике как об активной деятельности политических институтов, как о функционировании легальных государственных учреждений и норм выступало в качестве основы государственно-институциональной концепции, господствовавшей в политической мысли вплоть до начала XX века.

В последние годы политология, пережив революцию, совершенную бихевиоралистами и сторонниками концепции «рационального выбора», уже упомянутого в главе VI, столкнулась с ренессансом институционального подхода, когда на смену так называемому «старому институционализму» пришла уже упоминавшаяся выше теория «нового институционализма», которая политические институты понимает не только как официальные учреждения и формальные правила, а и как некие организационные модели отношений между социальными субъектами и объектами по поводу власти, включающие в себя неформальные нормы и процедуры и, кроме этого, связанные с самим формированием и активностью этих политических организаций. При этом известные американские политологи Д. Марч и Д. Олсен в своей, обобщающей концепцию «нового институционализма», работе под характерным названием «Вновь открывая институты: Организационный базис политики» (1989) пишут следующее: «Многие из основных акторов в современных экономических и политических системах являются формальными организациями, а легальные и бюрократические институты

играют доминирующую роль в современной жизни»⁴. Далее они замечают, что нельзя сводить совокупность субъектов политики к «зеркалу социальных сил», поскольку политические учреждения и их организационные компоненты явно обладают известной автономией.

Далее в главе XX специально и подробно рассказывается о дискуссии между «контекстуалистами», сводящими субъектов политических изменений к классам и деятельности социальных групп (Б. Мур, А. Пржеворский и др.) и «институционалистами», считающими именно институциональные организации автономной движущей силой политической динамики (Т. Скокпол, С. Хантингтон и др.). Здесь же необходимо подчеркнуть, что в политике существуют как официальные и формальные учреждения, так и неофициальные организованные структуры, **неформальные институты**. Например, в России порой такие высокие официальные институты как федеральный и региональные парламенты и суды играют куда меньшую роль, чем корпоративно-ведомственные кланы бюрократии или неформальные клубы политиков и бизнесменов. В этом смысле «теневые» (или «криптократические»), неформальные организации типа масонской ложи «П-2» в Италии, которая объединяла около 2-х тысяч человек, представлявших высший истеблишмент страны, иногда более влиятельны, чем некоторые официальные органы власти. И в этом же плане такие «неформальные» политические институты, как бюрократические ведомственные корпорации (например, внутри департаментов московской мэрии) или региональные элитные группировки в Москве, сплоченные и организованные, могут вполне «дать фору», а то и «потягаться силой» с такими формальными и официальными структурами, как Мосгордума или Мосгорсуд.

Систематические основы нормативно-институционального подхода к определению политических субъектов были заложены в наиболее развернутом виде в «Левиафане» Т. Гоббса. Т. Гоббс совершенно определенно отличал «политические тела», как элементы государственного механизма (например, монарх-суверен, министры правительства, парламент и т. д.), от так называемых «частных тел», публично-правового характера и, следовательно, не имеющих полномочий самостоятельно вести политическую борьбу и участвовать в отправлении власти. Автор «Левиафана» отрицал необходимость существования каких-либо автономных политических субъектов вне государственных институтов, поскольку «разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты»⁵.

Группы как субъекты политики

Т. Гоббс прекрасно понимал, что, несмотря на то что субъектами политики должны быть лишь «политические тела», обладающие полномочиями государственной власти (то есть лишь государственно-публичные институты), в реальную политическую жизнь вторгаются и «частные тела», иногда не только не обладающие полномочиями власти, но даже прямо противостоящие ей. Им приводятся примеры «корпораций воров», «заговорщических партий» или «частных лиг», которые являются нелегальными по характеру, что ставит их вне закона и выводит за рамки официальной политики как организации, не соблюдающие установленные государством и правом формальные правила политической игры. И практически вплоть до конца XIX — начала XX в. институциональный подход к участникам политической жизни, отдающий приоритетную роль официальным институтам, выступает в качестве расхожей парадигмы в интерпретации субъектов политических отношений.

Другой, условно говоря, **социально-редуктивный подход (или редукционизм)**, исходит из прямо противоположной идеи переноса приоритетов в анализе политических отношений с формальных институтов, государственных учреждений и организаций на уровень поведения индивидов и групповой динамики, изучения взаимодействий общества, групп и личности. В границах данного подхода, по сути дела, практически полностью элиминируется автономия «политических тел», государственных институтов, поскольку последние либо прямо редуцируются лишь к организационным формам групповой активности, либо становятся неким «вторичным» механизмом представительства и артикуляции интересов социальных групп, делегирующих им свои полномочия.

Впервые в систематической форме такая интерпретация отношений между политическими субъектами и объектами была сформулирована в классическом марксизме. Классы в антагонистическом обществе становятся как бы «первичными» субъектами политики, и, соответственно, политические отношения являются, прежде всего, «продуктом» отношений между классами. Таким образом, государство выступает в качестве политической организации, инструментального аппарата насилия господствующего класса, а партии представляют собой политический авангард, наиболее сознательную и организованную часть того или иного класса. К примеру, по Ф. Энгельсу, в политической жизни Англии середины XIX века партия тори отвечала интересам лендлордов, виги — это был партийный авангард промышленной буржуазии, а чартисты являлись партией пролетариата⁶.

Однако следует заметить, что такого рода однолинейное упрощение политических отношений иногда приводило марксистов к парадоксам, нередко даже уточнившим так называемый «классовый подход» к политике. Например, В. И. Ленину в 1920 году в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» пришлось разбирать вопрос о роли компартии, субординации политических субъектов и объектов, их соотносительности, возникший при анализе цепочки «вожди — партии — классы — массы». «Всем известно, — писал В. И. Ленин, в определенной степени корректируя одномерность классовой редукции, — что массы делятся на классы, ... что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии, что политические партии управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»⁷. Таким образом, партия является не только «слепок» классовой позиции, классовой силой, но и выполняет функции «обратной связи», выступая субъектом политического руководства, подчиняясь при этом субъекту более высокого иерархического порядка — группе лидеров или вождей.

В этом же духе социальной редукции агентов политики построена другая, не менее известная концепция «групп интересов» (или «заинтересованных групп» — от англ. «interest groups»), которая стала одним из краеугольных камней современных бихевиоралистских моделей политических отношений. Основы концепции «групп интересов» были разработаны американским политологом и социологом А. Бентли в его работе «Процесс управления» (1908). А. Бентли критикует классовую теорию и методологию К. Маркса за то, что последний использует для анализа политических отношений классы, как слишком большие и стабильные коллективы, которые обладают «множественными интересами» и поэтому непригодны для изучения быстро изменяющейся динамики политических ситуаций⁸. Вместо классов в качестве субъекта политики А. Бентли предлагает «группу интересов», которую он определяет как объединение людей на основе общности интересов и действий в данной конкретной политической ситуации. При этом индивид как бы интегрирован в группу, а индивидуальная политическая деятельность рассматривается в рамках интегральной динамики коллективного политического субъекта, реализующего общегрупповые интересы.

В борьбе за власть одна из «групп интересов» становится «группой-победительницей», устанавливая контроль над государством. Политические отношения приобретают, таким образом, вид совокупности или мозаики «групп интересов», как политических субъектов, взаимно давящих друг на друга. Существенной стороной

концепции А. Бентли явилась его трактовка государственных институтов и их роли в политических отношениях. А. Бентли преодолевает доминирующий в американской политологии этого времени институциональный подход, редуцируя, например, правительство к так называемой «официальной группе интересов» особого рода, обладающей властью, стабильной структурой и конституционно-правовым статусом. Следовательно, вовсе не политические институты и прокламируемые ими цели, идеи и нормы являются существенными для анализа политической жизни. «Первичным» агентом выступает социальная «группа интересов», ее эмпирически наблюдаемое поведение и деятельность, при этом во взаимодействии и через взаимодействие с другими социальными группами. На сегодняшний день концепция «групп интересов» весьма широко используется в зарубежной, прежде всего в американской, политологии в случаях, когда речь идет о профсоюзах и союзах предпринимателей, молодежных и ветеранских организациях, женских и этноконфессиональных объединениях, их политической роли и функциях. А. Бентли одним из первых поставил также вопрос о типологии политических субъектов, видах «групп интересов» как агентов политики.

В рамках современной американской политологии (как выше уже упоминалось) сложился и такой подход, когда в качестве «первичного», исходного субъекта политики выделяют просто **личность, или индивид**, в отношении к которому групповая идентификация занимает лишь производное место. Эта традиция нашла, в известной степени, свое отражение как в бихевиоралистской концепции политического поведения, так и в теории «рационального выбора». К примеру, Г. Лассуэлл, один из классиков бихевиоралистской школы, формулирует следующее положение, характеризующее основного и исходного субъекта политической активности: «Человек добивается достижения определенных ценностей через посредство институтов в отношении определенных ресурсов»⁹. Примерно из той же идеи исходят сторонники концепции «рационального выбора», как уже отмечалось выше, редуцирующие политику к совокупности поведений индивидуальных субъектов и, как уже было указано, исходящие из постулата о том, что и избиратели, и политики — это субъекты, всегда рационально преследующие цели максимальной выгоды или пользы.

§ 3. ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ АГЕНТОВ

Проблема классификации политических агентов

Различные подходы к определению «первичных» агентов политики породили и разные версии, и критерии классификации субъектов политических отношений. Одним из наиболее известных «групповых»

Агенты макро- и микрополитики вариантов построения типологии политических субъектов по степени и форме групповой идентификации является попытка, предпринятая американскими политологами Г. Алмондом и Г. Пауэллом¹⁰. Все агенты политических отношений разбиваются ими на следующие четыре вида групп: 1) **аномические** (от франц. *anomie* — буквально, «беззаконие») — спонтанно и эпизодически образовавшиеся группы (участников бунтов, манифестаций и других стихийных выступлений), которые Т. Гоббс в свое время называл «противозаконными, неупорядоченными политическими телами»; 2) **неассоциативные** — объединения людей, в основном имеющих непосредственный персональный контакт, неформальные связи, но не обладающие жесткой организационной структурой (группы потребителей, образовавшиеся для пикетирования компаний товаропроизводителей, корпоративно-клановые и неформальные, этноконфессиональные группировки и др.); 3) **ассоциативные** — легально существующие объединения и ассоциации, имеющие организационную структуру и аппарат, выражающие те или иные частные интересы (профессиональные — профсоюзы, этнически-организованные национальные движения, демографические — женские, молодежные, ветеранские организации и т. д.); 4) **институциональные группы** — это группировки людей, существующие внутри формальных структур социально-политических институтов (армии, парламента, партии, бюрократии и т. д.), которые имеют обычно больше возможности контроля тех или иных видов общественных ресурсов. Это могут быть ведомственные корпорации бюрократов, работающих в рамках отраслевых департаментов и министерств, депутатские группы и фракции в парламенте, армейские клики и т. д.

Г. Алмонд и Г. Пауэлл упоминают также и о роли **индивидуальных акторов** в политике, но замечают при этом, что зона автономной активности индивида как политического субъекта достаточно ограничена по сравнению с границами области деятельности «групп интересов», в которую интегрировано большинство действий индивидов. Таким образом, чаще всего в политике оказывается, что «один в поле не воин».

Из иных посылок в определении политических акторов исходит и другой очень известный американский политолог Джеймс Розенау в своей работе «Турбулентность в мировой политике» (1990). Прежде всего, он отличает микроакторов политики, которыми являются индивиды, от акторов макрополитического уровня, к которым он относит большие «общности» людей (*collectivities*), например, составляющие их «подгруппы» (*subgroups*). К классу акторов микрополитического

уровня Д. Розенау причисляет три вида агентов. Во-первых, это обыкновенный гражданин или рядовой член какой-либо организации, участвующий в политике в рамках большой общности, по отношению к которому осуществляется мобилизация и контроль; во-вторых, — официальный, общественный деятель или лидер организации, который, в частности, и осуществляет мобилизацию и контроль в отношении рядовых граждан; в-третьих, так называемый частный (или автономный) актер, который способен к осуществлению независимых от организаций и общностей индивидуальных политических действий, как это было с тысячами отдельных рядовых американцев, протестовавших против скандального «Ирангейта».

Второй класс, класс макрополитических акторов, включает в себя пять видов: 1) государства; 2) подгруппы больших общностей (например, группировки государственной бюрократии); 3) транснациональные организации (ООН, НАТО и т. д.); 4) неуправляемая общественность (неограниченные массовые выступления больших групп людей по консьюмеристским, экологическим и другим проблемам) и, наконец, 5) движения, гораздо более организованные и мобилизованные, чем предыдущий актер, как, к примеру, студенческое, феминистское, антивоенное и прочие крупные объединения людей. При этом Д. Розенау считает «первичной» все же деятельность отдельных индивидов, которая объединяется как бы «вторичным» поведением макроагентов политических отношений.

В марксистской политологии, как уже отмечалось выше, не раз также возникал вопрос о соотношении «основных» и «производных» агентов политических отношений, то есть об иерархии политических агентов. Традиционно в отечественной литературе он решался таким образом, что «первичными» субъектами политики выступали классы, социальные группы, тогда как производными, «вторичными», в силу марксистской традиции, являлись политические институты, выражающие социально-классовые интересы и являющиеся объектами классового воздействия¹². Марксистские политологи еще со времен «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленина много раз пытались снять сложившуюся антиномию между «институтами» и «группами», увязать эти два уровня политических субъектов в единый узел рассуждений. Одна из последних попыток такого рода принадлежит польским политологам, поставившим задачу преодолеть ограниченность как социальной, так и институциональной редукции, subordinировав в единой модели всех агентов политических отношений на трех уровнях «политической субъективности». Первый уровень субъективности,

таким образом, связан с большими социальными группами, как «первичными» агентами политических отношений, выполняющими роль их носителей, опосредованных субъектов политических интересов. Второй уровень образуют субъекты политических действий— политические организации классов, а третий — индивиды или групповые органы институтов, выступающие в роли непосредственных субъектов политики, как лица, принимающие решения¹³.

Иерархия и взаимодействие политических субъектов и объектов в различных аспектах подробно анализируются, конечно, и в таких, уже частных, разделах и отдельных отраслях политологии, как теория политической системы и концепция политического процесса, где гораздо более конкретно ставятся вопросы координации и субординации статусов и функций политических институтов, их отношение с социальными группами, определяется система акторов политического процесса и другие вопросы, что требует и более специального, и более конкретного рассмотрения.

Глава VIII. Макрополитика. Политическая структура и институциональная организация общества

Ранее в главе V мы выяснили, что анализ политической сферы общества может осуществляться как на макро-, так и на микроуровне. Возникает вопрос, а что же представляют собой макрополитическая структура и ее основные институты, государственные и негосударственные? Каковы теоретические подходы, объясняющие современные макрополитические структуры? Что же такое, наконец, «государство» и «политическая система»?

Одним из первых мыслителей, попытавшихся более или менее системно интерпретировать государство как сверхсложный, многоуровневый макромеханизм, был Т. Гоббс. На три сотни лет в чем-то опережая современную концепцию структурного функционализма, он дает следующее довольно объемное определение по аналогии понятию «государства»¹. В государственном механизме «верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа; должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнять свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа, его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум и воля; гражданский мир — здоровье; смута — болезнь и гражданская война — смерть»².

Это аналогия государства как иерархизированного механизма, состоящего из многих органов, с органами и их функциями у отдельного человека, была одной из первых развернутых теоретических моделей макрополитической структуры. Можно здесь в чем-то даже согласиться с несколько наивным для сегодняшнего

времени утверждением великого английского мыслителя того, что политическая жизнь «есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части». Но все же как и каким образом из этих «движений членов», действий отдельных людей складывается коллективная жизнедеятельность политических институтов? Этот вопрос требует специального размышления, чему и посвящена данная глава.

§1. МАКРОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Теоретические модели политической организации: эволюция и типы

В главе VI уже отмечалось, что в концепции «нового институционализма» большое внимание уделяется коллективному политическому поведению, осуществляемому в структурных рамках и ограничениях политических институтов. Вновь возникает старый вопрос: а каково вообще значение этих институтов? Что от них зависит? («Do Institutions Matter?»)³. Этот вопрос далеко не риторический, поскольку современные институты и их роли нередко меняются, а механизмы их функционирования также далеко не познаны до конца. «Институты разрешают проблемы и с такой же неизбежностью порождают их. Об их эффективности можно судить по балансу между проблемами, ими созданными и преодоленными»⁴, — отмечается в спецвыпуске «Контрастирующие институты» (1997), подготовленном под эгидой Международной ассоциации политической науки. Политические институты и их макросистемы в отдельных странах и сегодня выступают организационной формой упорядоченного общения сотен миллионов людей и объединения их политических микрокосмов.

Представления о макрополитической организации общества (это уже было частично разобрано в главе IV) претерпели за столетия значительную эволюцию от «Государства» Платона до «Политической системы» Истона. Имеется огромное теоретическое наследие по этой проблематике, и поэтому ее рассмотрение возможно лишь в разрезе основных этапов развития и базовых теоретических моделей, описывающих макроструктуру политического мира.

В историко-политологической литературе существует три основных подхода к возникновению государства как макроорганизации современного общества⁵. Первый подход исходит из прототипа греческого «полиса» как города-государства (примерно 500 лет до нашей эры). Но, несмотря на наличие принципов суверенитета, законности, территориальности, гражданства и легитимности власти, в этой модели государственности отсутствуют базовые идеи

автономного состояния гражданского общества, роли конституционного закона и разделения властей.

Второй подход датирует возникновение государства Средними веками, когда имеют хождение идеи подданства и работают официальные нормы закона. Но и в этот период нет еще даже самого термина «государство» (state), который входит в оборот лишь в XVI веке, а собственно феодальная макроструктура страдает фрагментарностью. Феодальный порядок состоял тогда из совокупности субструктур или ассоциаций (церковь, гильдии, рыцарские ордена и т. д.), имевших свои особые законы и суды. Это порой не давало даже возможности точно определить территориальные границы действия центральной власти, зону ее государственного суверенитета.

И наконец, третий подход базируется на положении, гласящем, что «государство» в полном смысле этого слова начинается с XVI века, с периода Возрождения и раннего абсолютизма в Италии и Франции. Данный подход опирается на этимологическую аргументацию, связанную с появлением в этот период соответствующего термина «Stato» и рафинированной государственной концепции в трудах Ж. Бодена и Н. Макиавелли. Вплоть до середины XX века концепция государства как макрополитической организации оставалась в качестве доминирующей. Были и альтернативные государственному подходу попытки создания концепций политических макроструктур: анархистская (от У. Годвина, П. Прудона и М. Штирнера до М. Бакунина и П. Кропоткина) и марксистская (от идей К. Маркса и Ф. Энгельса до концепции «нового государя» А. Грамши), в которых обосновывалась та или иная форма замены государственной организации общественным самоуправлением. М. Бакунин, например, предлагает создать взамен государства «федерацию самоуправляющихся общин», формируемую «снизу доверху». Он заканчивает свой труд «Государственность и анархия» призывом к созданию макрополитической структуры нового типа, которая есть «вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов»⁶.

Вместе с тем ясно, что концепция государственной организации выступает все это время в качестве магистрального теоретического направления. Например, Г. Кельзен определяет государство как иерархическое образование, основывающееся на системе законодательных норм и на отношениях суверенитета верховной власти⁷. Но в начале 1950-х гг. на смену идее государства приходит претендующая на роль «grand theory», то есть «большой», всеобъемлющей теории — концепция политической системы. Наиболее значительные теоретические модели политической системы были разработаны в основном в 1950—60-е гг. американскими политологами

Системная модель Д. Истона^{Д. Истоном, Г. Алмондом и К. Дойчем. Концепция политической системы, во-первых, расширила горизонт политологической теории, поскольку вывела на первый план рассматриваемые лишь на периферии в рамках традиционного государствоведения проблемы взаимодействия общественной структуры и политических институтов, социальной среды и центров принятия решений. Во-вторых, эта концепция адаптировала общесистемный и структурно-функциональный подходы к анализу политической жизни. В-третьих, она придала функционально-динамический характер изучению совокупности институтов государства, как активного взаимодействия последних с сообществом людей. И в-четвертых, концепция политической системы выстраивает в единую модель государственные (исполнительные, законодательные и судебные) и негосударственные институты (партии, групповые объединения, СМИ и т. д.), макро- и микроструктуры политического мира.}

Какое все же определение первоначально давалось самому понятию «политическая система»? Один из трех «отцов-основателей» системно-политологической традиции Д. Истон определяет политическую систему как «совокупные взаимодействия и поведение, посредством которых авторитарно распределяются ценности»⁸. Другой «отец-основатель» Г. Алмонд дает более подробную характеристику политической системы, понимая под ней «существующую во всех автономных обществах систему взаимодействий, которая осуществляет функции интеграции и адаптации (одновременно, как внутренние, так и внешние, в отношении других обществ) при помощи использования или угрозы применения легитимного физического принуждения»⁹.

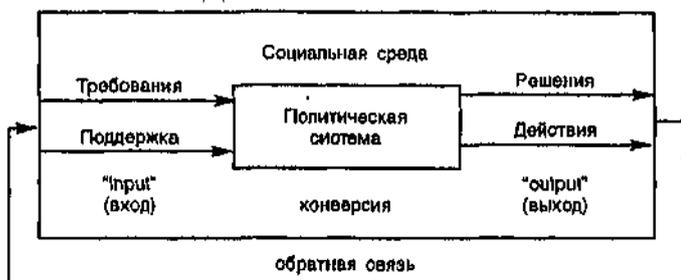
Итак, в политологию из естественных наук, биологии (Л. фон Бергаланфи) и кибернетики (Н. Винер) вторгается системный, в основе своей «внеисторичный» (синхронный) подход. На возникновение структурно-функциональной модели политики повлияли труды социологов (Парсонс), антропологов (Радклифф-Браун, Малиновский) и экономистов (Леонтьев), многие из идей и концептов которых были адаптированы к модели политической системы. Наиболее же серьезные разработки в области теории политической системы связаны, как уже отмечалось выше, с «системной» моделью Д. Истона, «функциональной» моделью Г. Алмонда и «кибернетической» моделью К. Дойча.

Первой по времени среди этих работ была системная модель политической жизни Д. Истона, который поставил амбициозную задачу построения «большой теории», сочетающей четкий методологический, «макросистемный» каркас с бихевиористским способом изучения политического поведения и сбора о нем эмпирических данных. В целой серии работ,

написанных в 1950-60-е гг. («Политическая система» (1953), «Модель для политического исследования» (1960), «Системный анализ политической жизни» (1965)), Д. Истон пытается выстроить целостную теорию, основывающуюся на изучении «прямых» и «обратных» связей между собственно политической системой и ее внешней средой, в известном смысле заимствуя кибернетические принципы «черного ящика» и «обратной связи», и используя тем самым в ходе концептуализации системный подход и элементы общей теории систем. Для построения теоретической модели Истон привлекает четыре базовые категории: 1) «политическая система»; 2) «среда»; 3) «реакция» системы на воздействие среды; 4) «обратная связь», или воздействие системы на среду (схема 4).

Схема 4.

Модель политической системы Д. Истона*

В соответствии с этой моделью механизм функционирования политической системы включает четыре фазы. Во-первых, это «вход (input)», воздействие внешней среды (социальной и внесоциальной, природной) на политическую систему в форме требований и поддержки. Например, это может быть требование населения снизить подоходный налог при одновременной легитимной поддержке деятельности правительства в целом. Во-вторых, «конверсия» (или преобразование) социальных требований в подготовку альтернативных решений, являющихся определенным реагированием правительства. В-третьих, это «выход (output)», принятие решений и их реализация в форме практических акций. И наконец, в-четвертых, результаты деятельности правительства влияют на внешнюю среду через «петлю обратной связи» (feedback loop). Политическая система является «открытой системой», получающей постоянные импульсы от окружающей среды. Ее основной целью являются выживание и сохранение устойчивости системы посредством адаптации и приспо

* Историк: Easton D. A Framework for Political Analysis. Englywood Cliff 1960.

Функциональная модель г. Алмонда соблюдения к среде. В основе этого механизма лежит принцип «гомеостатического равновесия», согласно которому политическая система для поддержания внутренней стабильности должна постоянно реагировать на нарушение её баланса со внешней средой.

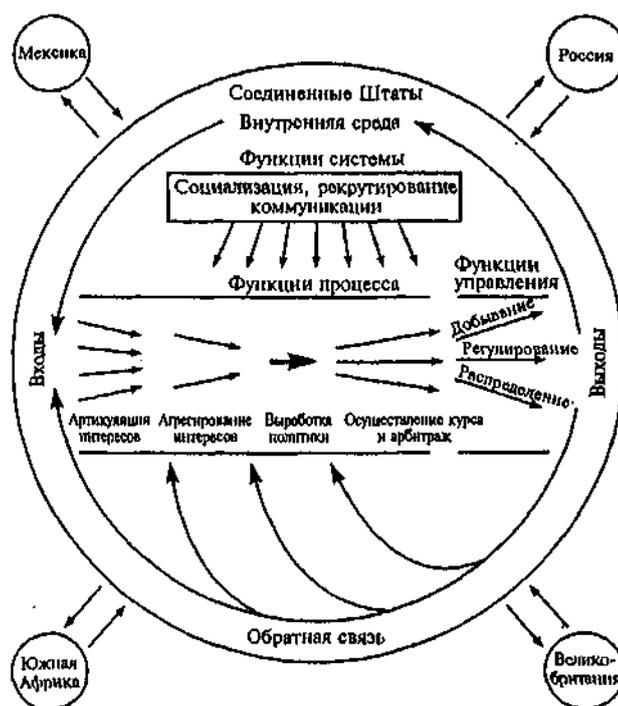
Несмотря на сильную критику системного подхода в конце 1960—начале 1970-х гг. Д. Истон в своей новой работе «Анализ политической структуры» (1990) продолжает концептуальную разработку своей модели путем изучения внутренней структуры «черного ящика», то есть политической системы, опираясь на критический анализ неомарксистского структурализма Н. Пуланзаса. «Политическая структура подобна невидимой силе, царящей в глубине политической системы»¹⁰, — начинает свое исследование Д. Истон. Вообще различные политические структуры, по его мнению, образуются из таких элементов, как государственные органы, партии и групповые объединения, элитные группы и массовидные силы, а также из играемых всеми ими политических ролей. Сама же «политическая структура» выступает как атрибутивная характеристика политики, которая обуславливает ограничения в поведении индивидов и групп, так же как одновременно может и способствовать достижению их целей. Истон выделяет различные типы политических структур, составляющих «начинку» политической системы: высокоорганизованных и низкоорганизованных, формальных и неформальных, режимных и дифференцированных институтов.

Иной структурно-функциональный подход к интерпретации политических систем был предложен американским политологом Г. Алмондом в рамках целого цикла его работ, написанных в течение сорока лет, в 1950—90-е гг.¹¹ Г. Алмондом предпринимается масштабная и амбициозная попытка соединить макро- и микроподходы и соответствующие теоретические концепты политики. С одной стороны, Г. Алмонд, как и Д. Истон, исходит из предположения о существовании макрополитической системы, погруженной во внутреннюю и международную среду обитания, находясь под влиянием идей Парсонса, Радклифа-Брауна и Малиновского. А с другой, он пытается встроить в макромоделю разрабатывавшиеся плюралистами (А. Бептли, Д. Трумэн и др.) микроконструкты, такие, как деятельность партий и групповых объединений, политическую социализацию и рекрутирование граждан. В известном смысле «алмондианская» модель имеет некоторое сходство с уже рассмотренной нами выше «истонианской» теоретической конструкцией, хотя при этом у них есть существенные различия (схема 5).

В своей модели политической системы Г. Алмонд выделяет три аналитических уровня (или блока), связывая группы функций (или различные функции) макросистемы с деятельностью отдельных институтов, групп и даже индивидов, включенных в системную организацию в качестве ее элементов. Первый блок, так называемый «уровень процесса» (process functions), связан со «входом», то есть с воздействием среды на политическую систему, Это проявляется в осуществлении политическими институтами тех или иных функций, причем в динамическом, процессуальном разрезе: 1) артикуляции интересов (групповые объединения); 2) агрегирования интересов (партии); 3) выработки политического курса (парламент); 4) осуществления политики (исполнительная администрация); 5) арбитража (судебные органы).

Схема 5.

Модель политической системы Г. Алмонда*

* Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G. Almond, G. Powell. Glenview, 1988.

Взаимодействие социальной среды с институциональной системой, таким образом, составляет динамику политического процесса (более подробно эта часть концепции Г. Алмонда описана в главе IX, специально посвященной структуре политического процесса). На том же уровне у Алмонда происходит по сути и «конверсия» интересов индивидов и групп в соответствующие решения и действия государственных органов.

Во втором блоке, «уровне системы» (system functions), происходит адаптация общества к политической системе, от которой зависят перспективы ее стабильного воспроизводства или наоборот радикального изменения. Во-первых, это *функция социализации* индивидов к стандартам и ценностям политической системы, связанная с социальными институтами церкви, семьи и школы. Во-вторых, это *функция рекрутирования* сторонников или противников системы, активных и пассивных граждан, включая тех, кто затем профессионально будет заниматься политической деятельностью. И наконец, в-третьих, это *функция политической коммуникации*, которая обеспечивается благодаря информационной, пропагандистской и манипулятивной работе СМИ и других организаций. В переходный период прежняя политическая система ослабевает прежде всего из-за дисфункционального характера старых институтов, не обеспечивающих адекватную социализацию, рекрутирование и эффективную пропаганду.

И в завершающем третьем блоке, «уровне управления» (policy functions), решаются уже последние в данном цикле задачи, связанные с управлением коллективными ресурсами общества: 1) их «добыванием» (или освоением), как это происходит со сбором налогов в стране; 2) их структурным регулированием (переброской из одних социальных сфер и отраслей экономики в другие), и наконец, 3) их распределением (раздачей социальных пособий и пенсий, организацией экономических мероприятий и т. д.). Далее, через обратную связь «цикл» замыкается, как и в модели Д. Истона, поскольку результаты деятельности «блока управления», регулирования общественных ресурсов должны каким-то образом изменить социальную среду, что в итоге усилит или ослабит устойчивость управляющей, то есть политической, системы. При всем размахе и законченности теоретической модели Г. Алмонда она также была подвергнута критике за этноцентризм и статичность, поскольку по сути дела неплохо демонстрировала лишь стабильную работу американской политической системы в послевоенные годы, походя на некий «круговорот воды в природе», циклический механизм.

Интересно, что данная концепция политического «круговорота», циклического функционирования политической системы была особенно распространена в США и Европе именно в 1950—60-е годы, и как это на первый взгляд не парадоксально, не менее популярна в 1970 — первой половине 80-х годов в СССР¹². В чем же причина странной популярности древней как мир идеи политического развития по кругу, «круговорота» как циклического функционирования? В 50-е годы в США и Европе послевоенное социально-экономическое развитие и функционирование западных режимов характеризовалось определенной степенью устойчивости и стабильности. Некоторая либерализация тоталитарных, авторитарных режимов в СССР и Восточной Европе в 60—70-е годы также давала известное основание и даже оптимизм рассматривать функционирование социалистической политической системы и советской модели как нечто вроде «вечного движения». Но уже в конце 1960-х и особенно в первой половине 70-х годов даже сами «отцы-основатели» общесистемной и функциональной теорий политической системы начинают ревизию некоторых ее оснований под влиянием развернувшихся в третьем мире бурных процессов политического развития. Например, Г. Алмонд предлагает соединить функциональную политическую теорию с динамическим подходом «развития» (developmental approach), перенося тем самым акценты с выживания и воспроизводства политической системы на ее трансформацию и изменение.

Информационнокибернетическая модель К. Дойча

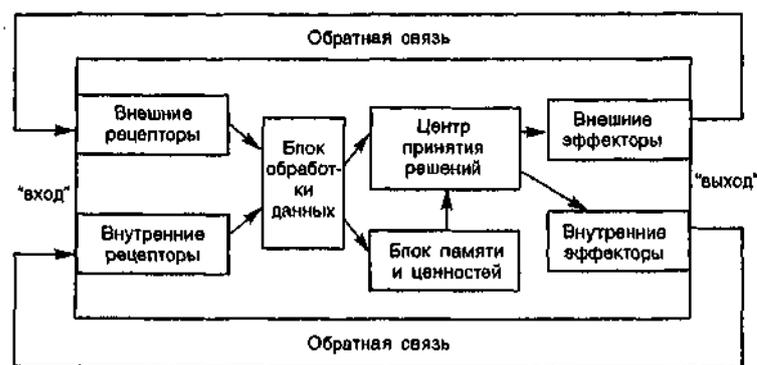
Завершающей фигурой в ряду «отцов-основателей» теории политической системы стоит бывший Президент Международной и Американской ассоциаций политических наук К. Дойч, в 1950—70-е годы разрабатывавший так называемую «информационно-кибернетическую модель»¹³. В начале данной главы мы упомянули функциональную аналогию Т. Гоббса, называющего «нервами государственного управления» политические коммуникации, соединяющие верховную власть суверена с исполнительными, судебными и прочими органами. Именно эту основополагающую идею использует К. Дойч в своем главном труде «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (1963), определяя политическую систему как сеть коммуникаций и информационных потоков. В рамках разработанного информационно-кибернетического подхода К. Дойчем предпринимается смелая попытка интерпретировать политическую жизнь сквозь призму кибернетического анализа и коммуникативных механизмов. Напоминая о том, что и латинское «gubernare» (от которого производным является английское «government»), и греческое «kubernan» (соответственно — английское «cybernetics») происходят от одной смысловой основы,

связанной с «искусством управления», а первоначально с мореходной навигацией, управлением кораблем. По мнению Дойча, правительство (как субъект государственного управления) мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникативных взаимодействий между системой и средой, а также отдельными блоками внутри самой системы.

К. Дойчем разрабатывается в «Нервах управления» очень сложная и эшелонированная модель функционирования политической системы как совокупности информационных потоков, построенная на принципе обратной связи. В сильно упрощенном варианте (отражающем лишь ее принципиальное устройство) она выглядит следующим образом (схема 6).

Схема 6.

Модель политической системы К. Дойча*

**Deutsch K: The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York, 1963.*

В его модели политической системы выделяются четыре блока, связанные с различными фазами прохождения информационно-коммуникативных потоков: 1) получение и отбор информации; 2) обработка и оценка информации; 3) принятие решений, и наконец, 4) осуществление решений с обратной связью. Во-первых, политическая система принимает информацию через так называемые «рецепторы» (внешнеполитические и внутривнутриполитические), к которым относят информационные службы (правительственные и частные), центры изучения общественного мнения (правительственные приемные, агентурная сеть и т. д.). Здесь происходит селекция, систематизация и первичный анализ поступивших данных. Во-вторых, на следующей фазе отсеleetированная новая информация подлежит обработке в рамках блока «памяти и ценностей», где она, с одной стороны, сравнивается с уже имеющейся, старой информацией, а с другой, проходит оценивание сквозь призму ценностей, норм и стереотипов. Скажем, информация о вводе в 1979 году советских войск в Афганистан естественно оценивалась по-разному в странах НАТО и Варшавского договора. В-третьих, после получения итоговой оценки степени соответствия политической ситуации своим приоритетам и целям правительство (как центр принятия решений) принимает соответствующее решение по регулированию текущего состояния системы. И наконец, так называемые «эффекторы» (исполнительные органы и др.) на последней фазе реализуют решения, а затем их результаты служат новой информацией через «обратную связь» для «рецепторов», выводящих систему на новый цикл функционирования.

К. Дойч выделяет при этом три основных типа коммуникаций в политической системе: 1) личные, неформальные коммуникации (face-to-face), как, к примеру, персональный контакт кандидата в депутаты с избирателем в непринужденной обстановке; 2) коммуникации через организации, когда контакт с правительством осуществляется посредством партий, групп давления и др., и 3) коммуникации через СМИ, печатные юга электронные, роль которых в постиндустриальном обществе постоянно возрастает. Концепция политической системы К. Дойча подверглась ничуть не меньшей критике, чем подходы Г. Алмонда и Д. Истопа, хотя при этом она внедрила в анализ такой важнейший и активный компонент властных отношений как информационные потоки и коммуникативные связи. Если же подвести некоторый итог анализу этих трех вариантов построения макрополитической системы, то можно заметить, что популярность классической теории политической системы в 1970-е годы пошла на спад, а в 1980—90-е гг. многие ее положения, претендовавшие на универсальность, становятся скорее аналитическими инструментами или таксонами (характеристиками технологии).

Типология политических систем Подобного рода «таксоном», необходимым для сравнительного политологического анализа, выявляется *типология политических систем*, поскольку оказалось невозможным построить какую-то одну универсальную классификацию, единую для «всех стран и народов», «всех времен и всех школ». Различные исследовательские задачи диктуют выбор учеными разных оснований классификации с учетом при этом и изменений в самих политических объектах. Одной из наиболее известных разработок типологии политических систем является классификация Г. Алмонда и Д. Пауэлла, которая за несколько десятков лет претерпела значительную эволюцию¹⁴. В ранней своей версии (статья «Сравнительные политические системы» (1956)) Г. Алмондом выделяются критерии политической культуры и режима, на основе которых он разграничивает англо-американскую, континентальную, тоталитарную и доиндустриальную разновидности политических систем.

Через десять лет в работе «Сравнительная политика: динамический подход» (1966), написанной им вместе с Д. Пауэллом, критерии типологизации уточняются: в их качестве рассматриваются «дифференциация ролей» и «секуляризованность культуры». Если первый критерий связан со степенью специализации ролей, усилением автономности институтов, то второй базируется на соотношении эмоциональных и рациональных компонентов политической культуры (например, преобладании светских компонентов над религиозными). На основе этих параметров американскими политологами предпринята попытка создать общеисторическую классификацию политических систем, в которой в качестве самых крупных типов выделяются три класса систем: 1) примитивные (с минимальной дифференциацией органов и патриархальной культурой, ориентированной на примитивные структуры: клан, род, племя); 2) традиционные (с невысокой правительственной дифференциацией и пассивной подданической культурой типа Египта фараонов, феодальной Франции XII в. и т. д.) и 3) современные (с дифференцированной инфраструктурой государственных и негосударственных институтов и культурой участия в политике, начиная от ранних античных демократий и заканчивая зрелыми демократическими государствами Запада).

Наконец, последняя версия типологии политических систем Г. Алмонда и Д. Пауэлла, подводящая итог эволюции этого подхода в фундаментальном труде «Сравнительная политика сегодня» (1996), выглядит следующим образом. В основу классификации на этот раз они кладут один комплексный критерий «стратегии управления» (policy strategy), который интегрально включает в себя

экономические, культурные, политические характеристики, что обуславливает определенные результаты (goods) функционирования той или иной политической системы. В итоге Алмондом и Пауэллом выделяются два крупных класса стран: *индустриальных* и *доиндустриальных* наций, имеющих различные стратегии социально-экономического развития. Индустриальные страны, в свою очередь, делятся на *демократические* (консервативные и социал-либеральные) и *авторитарные* (радикальные и консервативные) системы, различающиеся своей институциональной структурой и способами мобилизации граждан. Доиндустриальные страны подразделяются на *неотрадиционные* (зона Тропической Африки), *популистские* (новые освободительные режимы в Азии и Латинской Америке) и *авторитарные* (режимы с технократической стратегией мобилизаций населения типа Тайваня, Южной Кореи и Бразилии). Конечно, многое в приведенных версиях типологизации политических систем страдает этноцентризмом, сведением оценочных критериев к англо-американской модели демократии в качестве идеального типа или эталонной системы, с которой сравниваются все прочие. Кстати интересно, что из сходных в чем-то эпистемологических посылок исходили советские специалисты по научному коммунизму, классифицируя политические системы на эталонную модель социалистического типа, буржуазную западную модель (антипод «правильной» системы) и политические системы развивающихся стран, дрейфующие к первому или второму случаю (подробнее об этом говорится в главе X).

Современные постсистемные подходы к макрополитике

Критика структурного функционализма и различных вариантов моделирования политической системы породила ряд подходов, связанных с пересмотром теоретических представлений о макрополитической организации общества. Остановимся на трех наиболее известных концепциях: «структуриации» (А. Гидденс); «социального и политического поля» (П. Бурдьё) и «нового институционализма» (Д. Марч, Д. Олсен, П. ди Маджио). При всех различиях между ними избранные концепции объединяет критическое отношение к традиционной теории политической системы и одновременно релевантное отношение к самим макроструктурам политической жизнедеятельности. Начнем с теории «структуриации» английского социолога А. Гидденса, который уделяет в ней особое внимание социологической интерпретации публичной власти и политических институтов. Несмотря на признание права на существование категорий социальной (и соответственно политической) «системы»,

А. Гидденс считает, что реально они существуют только в процессе «структуриации», когда посредством использования субъектом правил и ресурсов происходит воспроизводство политического действия в четко определенных пространственно-временных границах. С этой точки зрения, политическая «система» и «структура», с одной стороны, и индивиды и группы, участвующие в политике, — с другой, взаимно конструируют друг друга в ходе социальной практики. Если же сами формы практики, структурно упорядоченные посредством норм и ресурсов, акклиматизировались в социальном пространстве и существуют десятилетия и столетия, то их можно рассматривать как политические институты¹⁵.

В итоге политические институты представляют собой в совокупной деятельности и в постоянных интеракциях автономных индивидов воплощение неких «виртуальных» структур, связанных нормами и ресурсами. Существует два типа ресурсов: 1) «аллокативные», обусловленные механизмами экономики, материальными средствами и предметами, освоением человеком природной среды, и 2) «авторитарные», связанные с политикой и доминированием одних людей над другими. Таким образом, социальная «структуриация» и политическая институционализация, образующие общественную макроструктуру, проявляются в непрерывном потоке действий и взаимодействий индивидов, упорядочиваемых при помощи модальностей, норм и ресурсов.

Другой, постструктуралистский (или конструктивистский), подход к интерпретации макрополитики, как одного из измерений в многомерном пространстве социального поля, предложил уже упоминавшийся французский политический социолог П. Бурдьё. Макрополитическое поле, по Бурдьё, складывается из совокупности социальных практик отдельных агентов, характеризующихся занимаемыми пространственными «позициями», объемами, и также качеством обладаемых ими «капиталов» (потенциалов контролируемых ресурсов) и институциональных статусов¹⁶. Кроме того, макрополитика видится Бурдьё, как социальный рынок, где есть спрос и предложение (это напоминает концепцию социального обмена П. Блау) на политические товары (программы партий, например), а также процесс их производства. Следовательно, макрополитика, по П. Бурдьё, предстает вовсе не кристаллической решеткой институтов, а текучим, динамичным полем, постоянно конструируемым и реконструируемым посредством социальных практик агентов, производящих капиталы и выстраивающих позиции, но при этом соподчиненных с позициями и капиталами других политических агентов.

Наконец, третий вариант постсистемной интерпретации макрополитики представлен весьма популярной в США концепцией «нового институционализма», о содержании которой уже говорилось в главах VI—VII. Не повторяя ранее изложенного, хотелось бы остановиться лишь на том, как она описывает так называемую «большую картину» (big picture) макрополитического мира. Во многом она символизирует своего рода откат назад от концепции политической системы к концептуализации государственных институтов как универсума макрополитики. Больше всего «новые институционалисты» уделяют внимание организационным, символическим и процедурным аспектам политической жизни, их влиянию на поддержание стабильного функционирования государства и эффективность механизма принятия решений. При этом специфика «нового институционализма» (по сравнению со «старым») состоит в том, что политические институты понимаются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры, образующих в итоге сложные организационные отношения, формы взаимодействий и саму кооперативную деятельность людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе.

В целом «новых институционалистов» занимает «весь круг государственных и социетальных институтов, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирования их отношений по поводу власти с другими группами, — отмечают в книге «Структурируя политику» (1992) представители этого направления С. Стейнмо и К. Телен.— Таким образом, в определение («нового институционализма». — *А. Д.*) вполне можно включить такие черты институционального контекста, как правила избирательной борьбы, структуру партийных систем, отношения между различными органами государства и организацию таких экономических акторов как профсоюзы»¹⁷. Следует отметить также особое внимание данного направления к социокультурным символам и ценностям, стереотипам и регламентам, оказывающим влияние на структурирование макрополитики.

Последнее из рассмотренных направлений макрополитической теории весьма интересно с точки зрения анализа становления институциональной системы современной России. Существование особой пропорции между официальными нормами, легальными законами и неофициальными «правилами игры» вносит сильные коррективы в процесс демократизации современной России. Вместо сбалансированной с точки зрения плюралистического представительства социальных интересов политической системы с сильными

демократическими институтами мы получаем нечто иное: вместо партий их функции нередко выполняют лоббистские группировки; вместо нормальных парламентских форм выражения разнообразных интересов—квазикорпоративистские ассамблеи, не отягощенные заботой о нуждах рядовых избирателей; вместо «прозрачного» процесса принятия решений административными органами — полностью закрытый от контроля процесс бюрократического перераспределения общественных ресурсов. Складывающаяся институциональная система в России никак не может быть понята лишь в официально-нормативном ракурсе без учета доминирующих в ряде случаев корпоративно-бюрократических правил игры. Планомерное воспроизводство этих «правил» может существенно модифицировать социальный характер формирующейся политической системы, придать ей авторитарно-олигархическую и бюрократическую ориентацию¹⁸.

Подсистемы в макрополитической структуре

Возникает, наконец, и вопрос о внутреннем содержании макрополитических систем, их структуре и элементах. В рамках концепции политической системы политологами обычно выделяются ее отдельные подсистемы. Наиболее часто к ним относят *институциональную* (совокупность институтов), *информационно-коммуникативную* (совокупность коммуникаций) и *нормативно-регулятивную* (совокупность норм) подсистемы¹⁹. Другими словами, макрополитическая система состоит из институциональных компонентов (государство, партии и др.), коммуникативных взаимодействий и структурных связей между ними, а также регулирующих эти связи и взаимодействия официальных и неофициальных норм. Остановимся на *институциональной подсистеме*, в структуре которой, в свою очередь, можно выделить самые разные основания для классификации политических институтов.

Во-первых, это национальные (избирательные системы) и наднациональные (например, НАТО) институты, различающиеся по масштабу, географической зоне и характеру политической деятельности (внутригосударственной территории, на которой осуществляется суверенитет публичной власти). Во-вторых, другим критерием деления служит расположение того или иного института в политическом пространстве между государством и обществом. На основе этого признака выделяются государственные учреждения и общественно-политические, негосударственные институты, к которым относятся партии, групповые объединения (профсоюзы и т. д.), а также частные СМИ как «четвертая власть». И в-третьих, политические институты можно подразделить по отношению к легально-публичной сфере политики на официальные, формальные и «теневые», неформальные, причем к последним относятся неофици

альные лоббистские группировки, тайные организации (типа масонской ложи «П-2»), нелегальные экстремистские объединения (Ирландская республиканская армия) и т. д.

Вторым крупным компонентом макрополитической структуры является *информационно-коммуникативная подсистема*, фундаментальную роль которой анализировал видный американский ученый К. Дойч в своей работе «Нервы управления». Он образно называл политические коммуникации «кровеносными сосудами» или «материнским молоком» политики, которые связывают различные части социальной системы, что позволяет ей функционировать как единое целое. Иногда под политическими коммуникациями подразумевают лишь «масс-медиа», то есть средства массовой информации (СМИ). На самом же деле понятие «политическая коммуникация» значительно шире и включает в себя все виды коммуникативных взаимодействий, как официальных, опосредованных СМИ, так и неформальных, межперсональных, типа слухов, передающихся друг от друга²⁰.

Итак, что же такое политическая коммуникация? «Это составление, передача, получение и обработка сообщений, которые вероятно имеют значительное воздействие на ход политики»²¹, — отвечает на этот вопрос Д. Грэбер в обзорной статье об исследованиях политических коммуникаций, определяя последние как своего рода вид «нематериальных» взаимодействий. В специальной литературе различают два вида политических коммуникаций: «горизонтальный» и «вертикальный». Если в первом случае речь идет о коммуникациях между относительно рядоположенными институциональными компонентами или социальными акторами (между разными элитными группировками или взаимодействующими в массовых акциях рядовыми гражданами), то второй вариант предполагает отношения между различными иерархическими уровнями макрополитической структуры, как например, это происходит в случае требований различных групп электората к правительству путем декларации политических партий по поводу корректировки линии социальной политики.

И наконец, последняя по счету крупная подсистема, *нормативно-регулятивная*, включает в себя три основных типа норм, выступающих в качестве регулятивов политической жизни: моральные, правовые и собственно политические (о роли норм в политике уже частично говорилось в главе V, где речь шла о механизме политической регуляции). Приведенные типы норм находятся в определенном соподчинении с точки зрения диапазона и жесткости их требований (схема 7).

Соотношение диапазона нормативных регулятивов в политической жизни

В соответствии со схемой можно заметить, что здесь наблюдается определенная зависимость; чем строже требования норм, тем уже диапазон их проявления в политическом поле. Редко кто из политиков руководствуется в своей практической деятельности только библейскими заповедями или категорическим императивом И. Канта. Гораздо чаще в ход идут правила политической целесообразности, сформулированные в «Государе» Н. Макиавелли (типа «цель оправдывает средства»). Правовые нормы здесь занимают промежуточное положение, с одной стороны, ограничивая произвол и жесткость политических игроков цивилизованными рамками «общественного договора», а с другой, приводя в некое соответствие законы с постулатами нравственности («право как минимум морали»).

В каждой стране существует своя социокультурная пропорция между ролью различных нормативных типов в политической жизни. Например, в арабских странах религиозные нормы ислама оказывают сильное влияние на политико-правовые регулятивы. Имеются и другие основания классификации нормативных регулятивов в политике, например, по типам инкорпорирующих их отдельных институтов макроструктуры: государственных, партийных, общественно-групповых, корпоративных и т. д. В этом плане нормы выступают, как отмечалось уже ранее, структурообразующим фактором в отношении политической системы в целом и отдельных ее институтов, в частности, важнейшим из которых является государство.

§ 2. ГОСУДАРСТВО КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Определение государства

В главе III, связанной с анализом природы властного общения людей, уже был затронут вопрос о генезисе института государства, об основных путях политогенеза как процесса перехода от потестарных структур власти (типа «протогосударства — чифдом» (chiefdom)) к государственной организации. Что же является собой государство как основной для данной исторической эпохи политический институт общественной жизнедеятельности? Этот вопрос вызывает десятки, а то и сотни вариантов концептуальных ответов: начиная от «большой семьи» Конфуция и «справедливого человеческого космоса» Платона вплоть до современных дискуссий о природе и перспективе развития института государства в отечественной литературе конца II тысячелетия (М. А. Чешков, Л. С. Мамут, В. Б. Пастухов)²². Именно в постсоветской России развернулись острые дискуссии о характере российской государственности, где обозначилась целая палитра определений: от сторонников видения государства как бюрократического органа, управленческого аппарата (А. С. Ахиезер) до более оптимистической оценки этого института как универсальной формы человеческой коллективности, публично-властной ассоциации (Л. С. Мамут), от либерального «слабого» государства (Е. Т. Гайдар) до сильной державности, хотя и децентрализованной (А. И. Солженицын)²³.

Определений и классических концептов, описывающих государство, настолько много, что возникает серьезное сомнение в возможности вложить в одну единственную дефиницию все его основные признаки, а также исторические формы. Перечислим для примера лишь некоторые из них: совокупность граждан (Аристотель); союз свободных людей для соблюдения права и общей пользы (Гроций); верховная власть, сосредоточенная в одном человеке (или собрании), сводящая все воли граждан в единую волю (Гоббс); машина для подавления одного класса другим (К. Маркс); земнобожественное существо (Гегель) и т. д.

Для того чтобы дать хотя бы краткий обзор существующих подходов к концептуализации государства, необходимо их протипологизировать. В британской «Энциклопедии управления и политики» (1992) выделяется пять основных типов концептов государства: 1) правовой; 2) исторический; 3) социально-антропологический; 4) политологический и 5) философский²⁴. Первый, правовой (или юридический), подход сводит государство к системе права, основывающейся на суверенитете публичной власти. Уже упомянутый ранее Ганс Кельзен именно в этом духе определяет государство как иерархию законов, скрепленных властным суверенитетом. Второй,

Функции государства исторический, подход исходит из определения государства как смены и эволюции его органов и форм от эпохи к эпохе. Третий, социально-антропологический, подход предлагает рассматривать государство как тип социальной организации в контексте всего общества (К. Маркс, Э. Дюркгейм, Л. Дюги, М. Вебер).

Что же касается четвертого — политологического — подхода, то он, в свою очередь, распадается на более дробные концепции: плюрализма и элитизма, корпоративизма и марксизма, структурализма и инструментализма, а также упомянутого выше «нового институционализма»²⁵. Определения государства разделяются на «государствоцентристские» и «социоцентристские» (о чем уже частично говорилось в главе IV), причем, если первые, плюралистические, концепты проецируют интересы общественных групп на институты, то вторые, институционалистские, считают последних автономными величинами, только весьма опосредованно выражающими групповые интересы. И наконец, пятый, философский, подход настолько же древний, как и первый, юридический, отражает представления о государстве как об определенном справедливом порядке объединения граждан. В последнее время наблюдается возрастание популярности «государствоцентристского» подхода, который, как считает Т. Скокпол, анализ государства поместил в центр макрополитических исследований, как социетальных изменений, так и государственного управления²⁶.

В зависимости от направленности функции государства можно подразделить на внутренние и внешние. К *внутренним функциям* государства относятся; охрана правопорядка, хозяйственная, идеологическая и социальная.

В разные периоды существования различных типов государств значение каждой из этих функций может возрастать или падать. Так, функция охраны правопорядка практически постоянно играет значительную роль в деятельности любого государства, включая как подавление антисистемных выступлений оппозиционеров против существующего строя. Данная функция проявляется и в профилактических мероприятиях, направленных на недопущение подобных выступлений. При этом под существующим строем понимается утвердившаяся на время определенной исторической эпохи система политических институтов. Например, борьба крупных феодалов против монарха в период утверждения абсолютной монархии является борьбой против существующего строя абсолютизма.

Роль хозяйственной функции также меняется с течением времени. На заре становления государства в древних восточных деспотиях (например, в Древнем Египте) хозяйственная функция была, по существу, одной из важнейших, поскольку строительство

ирригационных сооружений, находившееся в ведении государства, обеспечивало существование общества, так как сельское хозяйство можно было вести только при наличии ирригации. В хозяйственной сфере в Древнем Египте государство занималось, кроме того, строительством храмов и других общественных зданий.

Однако на протяжении истории государства роль хозяйственной функции не всегда была столь высока. В частности, на начальном этапе развития капитализма государство минимально вторгалось в экономику, хотя и в тот период хозяйственная функция полностью не исчезала из жизнедеятельности государства.

Идеологическая функция сохраняет свое немалое значение для любого государства. При этом в отдельных случаях официальная идеология вырабатывается в рамках государственных структур, а в других — государство воспринимает и поддерживает в качестве официальной идеологии концепции, разработанные вне его структур. Примером второго случая являются различные религии, как например, буддизм для ряда стран Востока, христианство для Руси, а в первом случае примером может служить конфуцианство и моизм для Древнего Китая, официальная идеология в социалистических странах, доктрина «национальной безопасности» в США в XX в. Государство может в некоторых случаях более или менее терпимо относиться к неофициальным идеологиям, а в других — беспощадно подавлять их.

Выражается идеологическая функция и в распространении или всяческой поддержке официальных взглядов, в создании пропагандистских органов и проведении политики в соответствии с концепциями, вырабатываемыми в рамках официальной идеологии, в надзоре за образованием, в моральной и материальной поддержке идеологов и учреждении, вырабатывающих официальную идеологию и т. п. Иногда она проявляется также в стремлении уничтожить всякую другую идеологию и ее носителей (например, в фашистских Германии и Италии, авторитарных Испании и Португалии, СССР в период сталинизма).

Выполнение государством социальной функции так же, как и функции охраны правопорядка и отчасти хозяйственной функции, отвечает интересам различных групп и классов. Социальная функция в том или ином виде присуща любому государству. Например, в Древнем Риме она выражалась в бесплатной раздаче хлеба неимущим гражданам, в содержании заведений, способствовавших физическому воспитанию и просвещению граждан и т. п. В современном мире социальной функции уделяется особое внимание. Она охватывает здравоохранение, социальное обеспечение, просве

шение, обеспечение доступа к достижениям культуры, заботу о молодежи и престарелых и т. д.

К внешним функциям государства относятся внешнеполитическая — поддержание отношений с другими государствами и деятельность в международных организациях, внешнеэкономическая и военная функции. Поддержание отношения с другими государствами и деятельность в международных организациях охватывают взаимосвязи, имеющие как чисто политический, так и культурный характер, к примеру, вопросы укрепления мира и доверия, защиты интересов своих граждан (подданных) и предприятий, находящихся или действующих за границей.

Внешнеэкономическая функция заключается в стремлении государства, с одной стороны, обеспечить максимально благоприятные условия для деятельности национальных хозяйственных субъектов за рубежом, а с другой стороны, учесть все внешние факторы для создания условий развития собственной экономики. Это достигается как путем односторонних мер (в частности, таможенного тарифного и нетарифного регулирования, привлечения иностранных товаропроизводителей и инвесторов либо, наоборот, протекционизма, выделения средств на поддержку отечественных экспортеров и т. п.), так и в результате согласования позиций с другими государствами на двусторонней и многосторонней основе.

Военная функция государства имеет две стороны. Во-первых, это обеспечение обороны собственной страны. Во-вторых, это захватнические и вообще наступательные действия, обеспечивающие интересы совершающего их государства. К этой же функции относится разведка и контрразведка. В итоге следует отметить, что все функции государства (и внешние и внутренние) существуют не изолированно, а находятся в тесной взаимосвязи.

§3. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В МАКРОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ

Понятие и природа негосударственных институтов

Сегодня, в конце XX века, существование политических партий, профсоюзов и новых социальных движений (феминисток, «зеленых» и др.) выглядит чем-то вполне естественным. А ведь не так давно (если судить по историческим меркам), сто-двести лет назад, в большинстве стран мира негосударственные политические организации были практически запрещены и нередко находились на нелегальном положении. Через этот период запретов, тайного, неофициального существования проходили в прошлом едва ли не все типы общественных и групповых объединений: от партий до

масонских лож и от профсоюзов до лоббистских группировок. Все, что тогда шло не от государства, было как бы «от лукавого».

В этом смысле весьма характерным выглядит взгляд Т. Гоббса, который в своем «Левиафане», в специально написанной для этого главе «О подвластных группах людей, политических и частных», просто включает все легальные групповые объединения в структуру государственной организации, выделяя при этом два их основных типа. Он пишет: «Из подвластных групп некоторые являются политическими, другие частными. Политическими (иначе называемыми политическими телами и юридическими лицами) являются те группы людей, которые образованы на основании полномочий, данных им верховной властью государства. Частными являются те, которые установлены самими подданными или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью»³⁰. Деятельность негосударственных, общественно-групповых объединений допускается Т. Гоббсом лишь в границах государственной воли, верховной власти. В этом смысле и партии, и профсоюзы, и другие групповые объединения в конце XVIII в. в ряде стран выходят как бы из одного горнила государственного запрета и контроля.

Что же касается выяснения общего и особенного в различных видах групповых, негосударственных объединений, то здесь встают два вопроса: об их дробной классификации и об определении базового понятия «групповое объединение» (или «группа интересов»). Опять же Т. Гоббсом дается одно из первых определений подобного рода: «Под группой я подразумеваю известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом»³¹. Современный же подход к пониманию групповых объединений, политических групп или так называемых «групп интересов» (от англ. *interest group*) был разработан, как уже отмечалось в главе VII, классиком американской политологии Артуром Бентли в работе «Процесс управления» (1908). Бентли разрабатывает особый философско-социологический способ рассмотрения политической жизни, своего рода философию группового давления, согласно которой политика вообще не «структурируется» (говоря языком А. Гидденса) без групповой активности. Макрополитика состоит из первичной материи борющихся политических групп, а не из государств и партии.

При этом, что особенно важно и интересно в теоретическом отношении, Бентли не различает «группу» и ее «интерес», «группу» и ее «деятельность», отмечая, что объединение и идентификация людей в «политическую группу» возможны лишь вокруг какого-либо интереса и лишь в процессе совместной деятельности.

«Группа и групповая деятельность выступают эквивалентными терминами лишь с незначительной разницей только для усиления акцентов, используемого для прояснения их применения в различных контекстах, — пишет А. Бентли и продолжает: — Необходимо далее обозначить другую ступеньку в анализе группы. Интерес, как термин, используемый в этой работе, является эквивалентом группы. Мы говорим и о группе интересов, и о групповом интересе, опять же в основном для того, чтобы придать ясность выражениям»³². Итак, можно заключить здесь, что общеродовое понятие «политическая группа» «групповое объединение» выступает в качестве обозначения негосударственных, общественно-политических институтов, обладающих общностью интересов и коллективных целей, организационной структурой, и ведущих совместную политическую деятельность. В широком смысле к общественно-политическим институтам относятся партии, группы давления, социальные движения и т. д.

Типы негосударственных институтов

В главе VII были приведены варианты типологии политических групп, которой здесь, вероятно, надо придать уже более конкретный характер. Важный вклад в типологию негосударственных институтов внес видный американский политолог В. Кей, который классифицирует их на две большие группы: *политические партии* и *группы давления*. Последние, в свою очередь, подразделяются на групповые объединения аграриев, рабочих, бизнесменов и т. д. В качестве критерия деления им выделяются такие признаки, как официальная и публичная борьба за контроль над государственной властью, в соответствии с которым партии участвуют в выборном процессе «прямо», а группы давления пытаются «косвенно», изнутри оказать на правительство влияние по отдельным вопросам³³. Проблема разграничения видов групповых объединений остается и сегодня предметом научного анализа. Например, английский политолог Г. Джордан считает, что партии и группы давления с точки зрения их функциональных и организационных особенностей нередко перетекают друг в друга. Им делается предположение, что «дефиниции партии и группы интересов должны частично совпадать, пересекаться, накладываться друг на друга: ведь перед нами не дискретные явления. Использование только одного критерия, такого, например, как «не стремящиеся к власти», не дает удовлетворительного результата»³⁴. В виде примеров он дает Шотландскую национальную партию и Российский гражданский союз. В первой есть формальное членство, внутренняя структура, контроль над местными администрациями,

но нет крупного парламентского представительства, что приводит в английской политической системе к фактическому отсутствию у нее доступа к власти. Во втором случае объединение, отражавшее позиции определенной части парламентариев, могло как образовать новую политическую партию, так и скатиться с обычной группе давления, лоббирующей интересы ВПК. То же самое наложение происходит и с «новыми» социальными движениями, лоббирующими свои интересы, где нередко различие с группами давления сводится к разнице интеллектуальных углов зрения их исследователей. Все это требует анализа каждого отдельного вида групповой организации.

Партии как политические институты

Итак, начнем подобный анализ с партий и, прежде всего, с их концептов и определений. В политологии сложилось целое направление — «партология (или партиология)», занимающееся теоретическим и эмпирическим анализом партий и партийных систем. Нельзя здесь не вспомнить, что одним из ее основателей, наряду с Р. Михельсом — классиком современной социологии политики, был россиянин М. Я. Острогорский, давший глубокий сравнительный анализ политических партий в Старом (Англия) и Новом (США) Свете на страницах своей монографии «Демократия и политические партии» (1898). В частности, еще столетие назад им было замечено противоречие между общими и частными интересами во внутрипартийной жизни. «Партия обычно представляла из себя лишь вывеску, прикрывающую иногда глубокие расхождения во мнениях, борьбу между фракциями, иногда более ожесточенную, чем та борьба, в которую она вступала с соперничающей партией»³⁵, — пишет М. Я. Острогорский. Надо ли говорить, насколько это похоже на партийную жизнь уже многих современных российских партий, сотрясаемых внутренними склоками.

И в то же время, в чем все-таки состоит специфика института политических партий? Вероятно, наиболее общим определением могло бы быть следующее: партия (от латин. «partire» — разделять) — это официально институционализованный и функционально специализированный организация по борьбе за «контроль над механизмом государственной власти и управлением. Эта дефиниция во многом соотносится с десятками попыток определения этого института. Приведем лишь наиболее типичные из них. Видный специалист в области теории партий Дж. Сартори дает следующее «минимальное» определение: «Партией является всякая политическая группа, участвующая в выборах и способная вследствие этого провести своих кандидатов в государственные учреждения»³⁶. Автор проекта по созданию мировой базы данных

141

по политическим партиям К. Джанда составил базовое определение партийного института как «организации, которая проводит линию на открытое завоевание ее представителями государственных позиций»³⁷. И наконец, последнее по времени рабочее определение предложили Дж. Лапаламбара и Дж. Андерсон в «Энциклопедии управления и политики»: «Партия есть любая политическая группа, связанная с овладением официальным статусом и формальной организацией, увязывающей центр с периферией и способная провести через выборы (свободные или несвободные) кандидатов в государственные органы»³⁸.

В дополнение к приведенным выше дефинициям в качестве определения, суммирующего различные характеристики и функции, можно дать следующее. Политическая партия — тип негосударственного института, групповое объединение, (1) обладающее формальной, организационной структурой, (2) осуществляющее специализированную функцию борьбы за официальный контроль над властью, (3) объединенное характерной идеологической доктриной, претендующей на выражение

Классификация политических партий общенациональных интересов, (4) наделенное правовым статусом и (5) включенное в избирательный процесс.

Генезис протопартий восходит к древнейшим временам: в Древней Греции в Афинах были «партии» сельскохозяйственной равнины и городских кварталов, в Древнем Риме — «партии» Мария и Суллы и т. д. Одну из попыток исторической периодизации форм партийной организации дал М. Вебер, который выделил три этапа: 1) период аристократических группировок; 2) эпоха политических клубов и 3) современный этап массовых партий³⁹.

В это же время появляются и марксистские варианты классификации политических партий на основе социально-классового признака. Например, В. И. Ленин в статье «Опыт классификации русских политических партий» (1906) подразделяет общероссийские партии на пять категорий: 1) черносотенцев (мелкая буржуазия); 2) октябристов (крупная буржуазия); 3) кадетов (буржуазная интеллигенция); 4) трудовиков (крестьянство) и 5) социал-демократов (рабочие). Этот марксистско-ленинский подход был принят в отечественном общественном сознании в качестве официального в течение многих десятилетий.

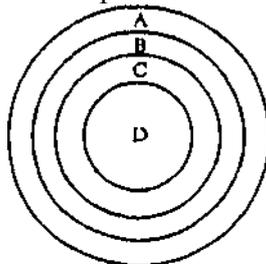
Иной вариант классификации партий был предложен французским политологом М. Дюверже в работе «Политические партии» (1951), который на основе организационного строения политических партий подразделяет их на два основных типа: «кадровые» и

«массовые»⁴⁰. Прежде всего М. Дюверже определяет различия между ними. *Кадровыми партиями* он именуется организации, генетически возникавшие вместе с парламентскими выборами в виде избирательных комитетов. В них нет строгого, постоянного членства и статуса индивидуальных участников, а также централизованной структуры, хотя при этом основные рычаги контролируются влиятельными партийными боссами (консервативные партии в англо-саксонских странах). В кадровых партиях есть три «концентрических круга» участия: 1) электорат партий; 2) симпатизирующие, оказывающие партии поддержку и входящие во вспомогательные организации партии: молодежные, спортивные, женские и т. д. ; и наконец, 3) активисты, обеспечивающие организационную и пропагандистскую работу партии.

В массовых партиях эта структура дополняется еще и четвертым «концентрическим кругом», связанным с постоянными членами партии (схема 8).

Схема 8.

Концентрические круги участия и партийной жизни

A — электорат B — симпатизирующие C — члены партии D — активисты

Массовые партии связаны с возникновением системы всеобщего избирательного права и рабочих, социалистических организаций (например, социал-демократических партий) в XIX веке. Они достаточно централизованы, опираются на иерархическую структуру местных организаций и финансирование из членских взносов. М. Дюверже также считает, что важным показателем влияния партии выступает так называемый «индекс членства»: соотношение между числом избирателей и членов данной партии (A/C). М. Дюверже также рассматривает и понятие системы партий, или партийной системы.

Партийные системы

Прежде всего определим понятие *партийной системы*. Под партийной системой понимается совокупность партий в данной стране, которая характеризуется, во-первых, количеством, партий; во-вторых, социально-политическими

и правовыми условиями, в которых они действуют и взаимодействуют, и в-третьих, реальными возможностями для того, чтобы стать правящими, то есть сформировать правительство. М. Дюверже формулирует три «социологических закона (или теоремы)», устанавливающих институциональную зависимость между избирательной и партийной системами⁴¹. Во-первых, выборы по пропорциональной системе приводят к партийной системе с многочисленными и независимыми друг от друга партиями, Во-вторых, выборы по мажоритарной системе в два тура приводят к системе нескольких партий, стремящихся к компромиссам. И в-третьих, выборы по мажоритарной системе в один тур ведут к образованию двух сильных и конкурирующих друг с другом партий. Таким образом, избирательная система влияет на реальное число партий и отношения между ними.

Классическая типология партийных систем была предложена итальянским политологом Дж. Сартори в работе «Партии и партийные системы» (1976), который выделяет семь основных партийных систем, в основном руководствуясь критерием движения от властного монизма к политическому плюрализму.

1. *Однопартийные системы* (СССР, Куба), где фактически существует тотальный контроль одной партии, сливающейся с государственным аппаратом.

2. *Системы партии-гегемона* (ГДР, Болгария), в условиях, когда формально существуют партии-сателлиты, реально не влияющие на процессы принятия решений.

3. *Системы доминирующей партии* (Япония, Индия), где долгие годы, несмотря на наличие множества партий, «контрольный пакет» держит одна и та же партия (Либерально-Демократическая партия в Японии (до 1993 г.), Индийский Национальный Конгресс и др.).

4. *Двухпартийная, биполярная система*, существующая в основном в англосаксонских странах, где две основные партии сменяют друг друга в «маятниковом» режиме (Демократическая и Республиканская партии в США).

5. *Системы умеренного плюрализма* (от 3 до 5 партий), где партии довольно фрагментированы (Франция, Бельгия),

6. *Системы крайнего плюрализма* (от 6 до 8 партий), где происходит поляризация партийного спектра (Нидерланды, Финляндия) и образование сложных коалиций.

7. *Атомизированные системы* (свыше 8 партий), где происходит распыление влияния и дисперсия ролей (Малайзия).

Что же касается России, то в 1990-е годы она прошла довольно длинный путь от однопартийной системы «партии-государства» через ряд попыток создания двухпартийной системы, и в итоге на сегодня мы имеем партийную систему, приближающуюся, по

Группы давления классификации Дж. Сартори, к системе умеренного плюрализма, что связано во многом с введением 5% барьера на выборах.

Одной из форм деятельности является лоббистская деятельность. Ее ведут так называемые группы давления⁴². Иногда создаются более или менее самостоятельные группы давления, отражающие взгляды или интересы тех или иных политических течений. Но очень часто группы давления создаются какими-либо общественными объединениями. Первоначально группы давления возникли в США, затем были восприняты и другими странами. В США их называют лоббистскими организациями, заинтересованными группами. В других странах они иногда выступают под другими наименованиями (к примеру, парламентские агенты).

Группы давления создаются для консультации парламентов и правительств и информационного их обеспечения по вопросам специализированной нормативной деятельности, поскольку, как уже отмечалось, многие из них связаны с конкретными объединениями, действующими в конкретных сферах и располагающие поэтому определенной информацией. Другие, хотя и не связанные с конкретными объединениями, отражают мнения некоторых политических течений. Выражая интересы вполне определенных общественных объединений, группы давления, естественно, подают информацию в выгодном для них свете. При этом группы давления добиваются своей цели любыми доступными для них способами, оказывая воздействие на парламентариев и членов правительства. Некоторые из них не гнушаются даже подкупом политических деятелей, хотя если это раскрывается, организации запрещается продолжать лоббистскую деятельность, а виновные привлекаются к уголовной ответственности.

Здесь речь пойдет об уголовных преступных группировках, под которыми понимаются устойчивые нелегальные объединения людей, ставящие своей целью личное обогащение противозаконными средствами. Как правило, такие группировки далеки от политики. Однако при определенных обстоятельствах происходит их политизация. Так, в средние века социальный протест в ряде случаев влек за собой превращение протестующих в разбойников, однако далеко не все разбойники являлись социально-политическими оппозиционерами.

Антиобщественный характер деятельности уголовных преступников заключается в нарушении ими не только правовых предписаний, но и общепринятых норм морали (хотя преступники не в состоянии полностью обойтись без регулирования взаимоотношений в своей среде, что приводит к складыванию весьма своеобразных правил поведения). В силу этого антисоциальные действия

криминальных группировок подтачивают основы любого общества, способствуют дестабилизации обстановки. Именно эта их направленность послужила основанием для вывода отдельных теоретиков анархизма XIX — начала XX в. о том, что уголовные преступники являются движущей силой для социальной революции, в ходе которой разрушается старое общество и создается новое. Но если криминальные элементы вносят свой вклад в разрушение общества, то новое они построить не могут, а паразитируют на вновь созданном обществе так же, как они паразитировали на старом.

В XX в. размах нелегальных операций и величина доходов преступных группировок достигли такой значимости, что они стали оказывать серьезное влияние на экономическую ситуацию целых стран и регионов. Эти группировки стремятся легализовать (или, как еще говорят, «отмыть») получаемые в виде прибыли от незаконной деятельности финансовые средства, чтобы свободнее распоряжаться ими. Реальное влияние на экономическое положение отдельных стран и регионов, включение в легальный бизнес с необходимостью требуют обретения рычагов воздействия на политику.

Вхождение в легальное предпринимательство и политическую деятельность отнюдь не означает, что криминальные группировки превращаются в законопослушные легальные организации (хотя бы в той части их деятельности, которая относится к легальному бизнесу). Наоборот, они и в политику, и в предпринимательство несут свои преступные методы деятельности (убийства, подкупы и т. п.). При этом преступные группировки сохраняют свою сущность паразитического нароста на теле общества. Криминализация политики и бизнеса представляет собой реальную опасность для ряда государств. Поэтому практически во всех странах ведется борьба с преступностью, и никто не ожидает благоденствия от мафиозных организаций.

В некоторых странах к власти пришли группировки, преступные по своей природе и превратившие свои страны в сообщества, живущие по криминальным законам. Примером служит Гаити времен диктатуры Дювалье, рухнувшей в 80-е гг., но до сих пор в этой стране не может утвердиться демократия и устояться нормальная экономика. Некоторые из таких стран участвуют в международной контрабандной торговле наркотиками, оружием и т. д. Появилось даже наименование для государственных режимов подобных стран — клиптократия, т.е. воровская власть.

Криминальные государства существовали и в иные исторические эпохи. Так, существовали государства, созданные пиратами. Некоторые из них позже исчезли, а некоторые превратились со сменой режима в уважаемые страны. Пиратское государство существовало на Москитовом Берегу (территория современной Никарагуа), на территории Монако и в некоторых иных местностях.

Глава IX. Политический процесс: концептуальные подходы и механизмы функционирования

§ 1. БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ И ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Исследование политического процесса позволяет рассмотреть политическую систему общества, ранее проанализированную в статическом состоянии, уже в аспекте функционально-динамическом, выявляющем прежде всего механизмы функционирования макросистемы, динамику ее взаимодействия с гражданским обществом.

Понятие политического процесса

Понятие «политический процесс» в современной литературе используется в основном в двух аспектах, которые можно было бы условно обозначить как его «макро-» и «микро-» значения. В макроаспекте политический процесс определяется как динамическая характеристика всей политической системы в целом, последовательная смена ее состояний, стадий развития¹. Что же касается микроаспекта, то под политическим процессом в данном случае понимается некая равнодействующая суммы акций различных социально-политических субъектов, то есть совокупность субпроцессов или микропроцессов. Именно в последнем измерении это понятие определяется в авторитетной «Международной энциклопедии социальных наук», где «политический процесс сводится к деятельности людей в различных группах по поводу борьбы за власть и ее использования для достижения своих индивидуальных и групповых интересов»². Таким образом, определение понятия политического процесса осуществляется через составляющие его компоненты, субпроцессы, а политическая деятельность его отдельных участников выступает в качестве исходного субстрата. Очевидно, что если определение политического процесса на макроуровне имеет в основном дедуктивный характер, то второе — на микроуровне — является в большей мере индуктивным.

Возможен и другой способ интерпретации приведенных выше определений, отражающий два различающихся в современной политологии методологических подхода: системно-функциональный (образ «системы») и процессуально-динамический (образ «динамического поля»). С позиций первого подхода категория «политический процесс» выглядит лишь как некая производная функция базового *концепта политической системы*, хотя во второй части приведенного определения и присутствует попытка ввести характеристику «смены состояний». Но все же функциональный стереотип доминирует в этой дефиниции, выражая прежде всего моменты статической устойчивости и консервативной адаптации системной модели в условиях циклического воспроизводства ее неизменной матрицы. Этот подход, подробно описанный в главе VIII, не только долго преобладал в англо-американской и советской литературе, но и по сей день продолжает еще доминировать в отечественной учебной литературе. Многие ведущие политологи подвергли его сомнению, описывая политическую жизнь не в качестве неизменной «константы» и статично-рутинного объекта, а наоборот, как постоянно длящийся и бесконечно меняющийся поток событий.

Второй подход, набирающий все большую популярность в современной политической теории, исходит не из существования незыблемых систем, а из противоположной идеи приоритета динамического движения, текущего социально-политического поля (П. Бурдьё) и постоянно распадающихся инвариантов политических структур (А. Гидденс). «Было признано,— отмечает сторонник подобного подхода П. Штомпка,— что общество (группа, общность, организация) может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то происходит (случается), предпринимаются какие-то действия, протекают какие-то процессы, что-то меняется, т. е. онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии»³. Данный подход в ряде аспектов выглядит более заманчиво, поскольку в философском плане более адекватно выражает известное соотношение между относительностью покоя и абсолютностью движения, расставляя акценты в пользу анализа смены состояний, а не только их воспроизводства. Именно в таком духе интерпретирует социальный процесс П. Сорокин в своем классическом труде «Социальная и культурная мобильность» (1937), понимая под последним вид движения изучаемого объекта в течение определенного времени, связанный с изменением его места в пространстве или модификацией его характеристик⁴.

Для того чтобы подвести некий итог предшествующим рассуждениям, можно предложить следующее рабочее определение кате

гории «политический процесс», которое включило бы в себя ряд отмеченных выше параметров. Итак, политический процесс — это социальный макропроцесс, во-первых, характеризующий временную последовательность целостных состояний общения людей по поводу власти в пространстве ее легитимного поддержания; во-вторых, выражающий равнодействующий результат индивидуальных и групповых микроакций, то есть совокупной политической активности данного сообщества; в-третьих, включающий способы взаимодействия государства и общества, институтов и групп, политической системы и социальной среды, правительства и гражданина; и в-четвертых, одновременно воспроизводящий и изменяющий структурно-функциональную и институциональную матрицу (иерархию правил и форм) политического порядка (системы).

Концептуальные подходы к интерпритации политического процесса

Корни традиции анализа политического процесса и динамики политической жизни уходят в отдаленное прошлое. Важной вехой в разработке концепции политического процесса, с которой западная политическая мысль вплотную подошла к рубежу XX века, были, например, классические работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Классовая борьба во Франции», «Революция и контрреволюция в Германии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции». Но, пожалуй, лишь в XX веке возникли первые попытки построения развернутой и специализированной теории политического процесса.

Направление развития концептуальных взглядов на политический процесс можно связать с разработкой двух основных парадигмальных оппозиций: микро- и макроуровневой, то есть группового плюрализма и системного холизма.

Если оценивать приоритет этих подходов с позиции их исторического появления, то дедуктивный способ макроанализа возник, вероятно, несколько раньше индуктивного микроподхода. Еще в своей «Всемирной истории» в 40 книгах Полибий (II в. до н. э.) формулирует концепцию целостного круговорота политической жизни, предполагающего закономерный переход государства от становления к расцвету, а затем и упадку и определяющего шесть фаз единого цикла развития государства: монархию, тиранию, аристократию, олигархию, демократию и охлократию. Современный же этап развития концепций политического процесса открывается в XX веке микротеориями, связанными с именами А. Бентли и В. Парето. Именно концепция циркуляции и круговорота элит, разработанная в «Трактате по общей социологии» В. Парето, дала основание Й. Шумпетеру назвать последнего основоположником современной «социологии политического процесса». В. Парето

берет в качестве базового конструкта для своей теории понятие «элиты» как субъекта и движущей силы политического процесса, которой противодействуют контрэлиты, и, наконец, народ, играющий здесь роль скорее пассивную, чем активную.

Но настоящую революцию в развитии теории политического процесса произвела книга А. Бентли «Процесс управления» (1908 год), в которой впервые была подробно разработана концепция «групп интересов» (или «заинтересованных групп»). Именно ему, одному из первых принадлежала немарксистская трактовка динамики социального процесса и интерпретация политического процесса как взаимного давления социальных групп в борьбе за государственную власть.

Начиная с А. Бентли, категория «политический процесс» охватывает два типа отношений: во-первых, неформальные, реальные и групповые, поскольку «группа интересов» является его первичным субъектом, и во-вторых, производные, официально-институциональные, представляющие собой лишь проекцию групповых интересов, в силу чего государственные институты выступают лишь как один из многих видов «групп интересов». Правительство представляется А. Бентли в роли специфической официальной группы-арбитра, регулирующей конфликты. Им вводится в процессуальную теорию понятия артикуляции и идентификации групповых интересов как исходный пункт анализа любого политического процесса. Сообразно основным субъектам государственной власти, А. Бентли выделяет три основных субпроцесса в структуре процесса государственного управления: законодательный, исполнительный и судебный.

Преемником А. Бентли в разработке групповой концепции политического процесса стал Д. Трумэн, выпустивший в 1951 году работу «Управленческий процесс», которая выводит теорию групповых интересов на новые рубежи. Так же, как и его предшественник, под политическим процессом Д. Трумэн понимает борьбу социальных групп за власть и контроль над распределением ресурсов. Однако им более обстоятельно разрабатывается идея смены равновесия и неустойчивости, а в качестве основного понятия предлагается категория «стабильность», определяемая им как устойчивый тип группового взаимодействия. Таким образом, политический процесс приобретает, по Трумэну, пространственно-временное очертание, поскольку групповая динамика предстает как волнообразный цикл перехода от нестабильных взаимодействий к установлению относительного равновесия между группами, к восстановлению старой модели стабильности или созданию новой. Такой подход позволял в известной мере оценить уровень групповой динамики политического процесса, однако, это далеко не всегда

давало возможность обеспечить равновесие между отдельными социальными группами и равновесие государственной системы в целом. В послевоенный период в США было накоплено большое количество эмпирических исследований индивидуального и группового политического поведения, но после кризиса нормативно-институциональной концепции практически отсутствовала какая-либо общая теория, которая могла бы претендовать на универсальное значение.

Как ответ на эту потребность в начале 50-х годов возникает процессуальная теория воспроизводства политических систем Д. Истона, разработанная им на базе общей теории систем, анализ которой уже был сделан в главе VIII. В соответствии с этим подходом политический процесс выступает одновременно и как воспроизводство целостной структуры, и как цикличное функционирование политической системы во взаимодействии с социальной и внесоциальной средой, включающее влияние на процессы политики экономических, экологических, культурных и прочих факторов. Процессы функционирования отдельных государственных, партийных и других институтов включаются в качестве элементов в политический процесс на уровне макросистемы. В ходе политического процесса институциональная система адаптируется и приспосабливается в целом и в отдельных ее элементах, обеспечивая воспроизводство и сохранение как ее системных качеств, так и составляющих ее компонентов.

Если в модели политического процесса Бентли — Трумэна объектом давления низовых «групп интересов» выступает правительство и его официальные институты, то в концепции Д. Истона макророль государства заменяется интегрирующими функциями политической системы. Политические системы разграничиваются Д. Истоном на два блока: внутренних, национальных систем и международной, наднациональной мегасистемы, в результате чего им выводятся особые международные факторы внутривнутриполитических процессов.

Чтобы избежать излишней абстрактности, которой страдала его концепция, Д. Истон обратил внимание на внутренние содержательные компоненты политического процесса, интерпретируя их как взаимодействие формальных и неформальных структур власти с так называемым «политическим сообществом» («political community») стратифицированных групп и индивидов. Однако, несмотря на эту попытку, практически за скобками концепции Д. Истона осталась проблема включения отдельных субъектов и субпроцессов в целостный макропроцесс.

Таким образом, если суммировать различные концептуальные подходы, то можно понимать политический процесс как, во-первых, динамическое, интегральное измерение макрополитической

Типы политических процессов жизни, заключающее в себе функциональное воспроизводство и изменение компонентов политической системы; во-вторых, как совокупную политическую активность социальных субъектов и, в-третьих, как борьбу за контроль над рычагами властвования и управления обществом, характеризующуюся определенной расстановкой и соотношением социально-политических сил.

Различные страны мира имеют совершенно разные характер и уровень динамичности, а также направленность политических процессов. Более того, возникают ситуации, когда в одном макрополитическом процессе действуют два и более разнонаправленных и неоднородных субпроцесса. Например, на территории одной из самых стабильных стран мира, Великобритании, долгие годы происходил бурный этноконфессиональный конфликт между англичанами и ирландцами, протестантами и католиками, отголоски которого время от времени отзывались взрывами в тихом Лондоне, организованными террористами Ирландской республиканской армии (ИРА). Тем не менее при помощи определенных критериев можно выделить основные разновидности политических процессов: локально-региональные и глобальные; стабильные и кризисные и, наконец, легальные и «теневые». Рассмотрим их более подробно.

Локально-региональные и глобальные процессы. Подразделение политических процессов по их масштабу во многом связано с уже разобранным вопросом о пространственно-временном континууме политики. Нередко результат того или иного локального или регионального процесса может воздействовать и на общий ход мировой политики. Например, этнополитический конфликт между боснийскими сербами, мусульманами и хорватами, который вначале был внутренним делом бывшей Югославии, перерос в политический процесс, масштабы которого влияют на дестабилизацию общеевропейской политики. В то же время типичным локальным процессом, затрагивающим интересы лишь местного сообщества, являются выборы в муниципальные органы власти и управления.

Стабильные и кризисные процессы. В политике нередко острые кризисные ситуации переходили в революционные взрывы, а серии реформ тех или иных правительств обеспечивали стабильную эволюцию, как это было, скажем, в эпоху «нового курса» Ф. Рузвельта в США в 30-е годы. Но тем не менее и реформа, и революция могут быть способами разрешения политического кризиса. Эта типологизация вытекает из глубинного механизма политического процесса, связанного с равновесием, балансом и консенсусом основных социальных сил, выступающих субъектами процесса, или же их отсутствием. Так было в Германии, когда после

кризиса Веймарской республики, господства фашистов и поражения во Второй мировой войне в стране в период правления К. Аденауэра была нащупана модель стабильного политического процесса в ФРГ.

Легальные и «теневые» процессы. Всякий политический процесс включает в состав своих основных компонентов ценности и нормы доминирующей политической культуры, а также отдельных субкультур. Эти ценности определяют правила политической игры, границы дозволенного и недозволенного, официального и неофициального, легального и нелегального. К примеру, восстание и переворот, террор и путч во всех странах выносятся за рамки дозволенных конституцией и другими законами форм политической жизни. Тем не менее, политический процесс в реальности оказывается шире рамок правового (хотя в идеальном пределе может с ним совпадать), а правила политической целесообразности порой выше, чем нормы конституционной законности. Это связано также и с дефицитом информации, законспирированностью некоторых фрагментов политического поля, любовью профессиональных политиков к закрытой для масс «подковерной» политике. Даже в таком относительно развитом правовом государстве, как США, время от времени выходят на поверхность незаконные «теневые» акции, как Уотергейтское дело, повлекшее за собой отставку Президента США Р. Никсона

§2. СТРУКТУРА И АКТОРЫ МАКРОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Политический процесс относится к числу сложных, синтетических феноменов, природа которых связана с функционированием динамичных систем, обладающих изоморфной и инвариантной структурой. Чаще всего политологи рассматривают структуру макрополитического процесса в трех аспектах. Во-первых, с точки зрения взаимодействия государства и гражданского общества, политической системы с ее социальной средой, государственного управления и политического участия. Во-вторых, с позиции более дробных компонентов, деятельности социальных субъектов и функционирования политических институтов, составляющих содержание целостного макропроцесса. И в-третьих, структура политического процесса может быть описана в аспекте основных временных фаз и состояний его протекания, обусловленных соответствующим балансом сил, установлением равновесия между ними или же его нарушением. Рассмотрим более детально все эти измерения.

Основные компоненты политического процесса. Гражданское давление и государственное управление

Мы выяснили, что процесс властвования состоит из взаимодействия государственного управления и гражданского давления, политического участия или, условно говоря, процессов, идущих «сверху» и «снизу». В политический процесс обязательно входит функционирование государственных институтов, таких как правительство и полиция, парламент и спецслужбы, деятельность партий и групп давления, индивидуальная активность граждан. В связи с этим политический процесс нередко трактуют как довольно сложную конфигурацию сознательной и стихийной деятельности, то есть регулируемых государством действий и спонтанных акций групп граждан и отдельных индивидов. При этом возможны два подхода к трактовке соотношения данных компонентов: «горизонтальный» и «вертикальный». В первом случае в политическом процессе государство и социальные группы выступают как бы на паритетных началах, как равноправные партнеры, сознательно стремящиеся к рациональному достижению согласованных общественных целей (например, в Швеции и Германии это неокорпоративистская модель «трипартизма», как равноправного диалога правительства с профсоюзными и предпринимательскими организациями).

При втором подходе политический процесс трактуется как некая стихия, которой противостоят органы государственной власти, играющие роль управленческой подсистемы этого процесса, формулирующие цели и принимающие решения по поводу приоритетных общественных проблем. Все это проявляется в авторитарных режимах в периоды кризисов особенно ярко.

В итоге можно заключить, что каждый из двух крупных блоков или взаимодействующих подсистем политического процесса имеет свою функциональную нагрузку: с одной стороны, государственное управление играет роль интегрирующей обществу силы, формулирующей коллективные цели и принимающей решения, а с другой — давление гражданского общества и политическое участие связано с функцией представительства интересов групп и индивидов.

Взаимодействия между правящей группой, осуществляющей функции управления, и другими группами гражданского общества, давящими на властвующую элиту и друг на друга, составляют общий контур содержания политического процесса, как перехода от одного состояния баланса сил к другому. Особую роль в этом процессе играет каждый из социально-политических институтов.

Подробную модель, описывающую функции институтов в политическом процессе, разработали Г. Алмонд и Г. Пауэлл⁵. Они выделяют пять основных функциональных фаз развертывания политической динамики и соответствующих им носителей в виде институтов, преимущественно связанных с осуществлением той или иной функции в политическом процессе.

На первой фазе *артикуляции индивидуальных и групповых интересов* носителем функции их выражения выступают групповые объединения («группы интересов»). Например, в отечественной политике таковыми могут выступать объединения бизнесменов и профсоюзы, выражающие нередко весьма отличные интересы предпринимателей и наемных работников по одним и тем же проблемам экономических реформ, например, приватизации или либерализации цен.

Следующая стадия и соответствующая ей функция *агрегирования интересов* связана уже в основном с деятельностью политических партий. Здесь происходит селекция и объединение в единой партийно-политической позиции довольно разнородных интересов различных индивидов и групп. Довольно ярко это проявляется, например, в деятельности социал-демократов, которые пытаются объединить интересы и требования городских рабочих и служащих, фермеров и предпринимателей в согласованной партийной платформе.

На этапе *выработки политического курса* интегрирующую роль играют представительные и законодательные институты, которые формируют коллективные решения. В том же британском парламенте выработка и принятие ключевых для всей нации решений осуществляются в известной степени институционально согласованно депутатами и правящей консервативной и оппозиционной лейбористской партиями.

Этап *реализации принятых решений* связан главным образом с функционированием институтов исполнительной власти, которые организуют для этого надлежащие мероприятия и изыскивают необходимые ресурсы. В практике государственной политики случается, что за непродуманные решения, принятые одними лицами, расплачиваются их исполнители, как это произошло, например, с печально известным решением о вводе советских войск в Афганистан.

Этап *контроля и арбитража* в рамках политического процесса относится к деятельности институтов судебного и конституционного надзора, выполняющих функции устранения расхождений между другими организациями и группами на базе признанных всеми норм. Концепция Алмонда и Пауэлла позволяет рассмотреть поли

тический процесс с высоты птичьего полета, когда всякий институт играет в целостно функционирующей системе свою особую роль.

Политический процесс предстает, так же как и смена состояний, характеризующихся различным соотношением сил, переходом от равновесия между ними к дисбалансу и становлению нового равновесия, от состояния устойчивости и неустойчивости и наоборот. Состояние равновесия сил, его устойчивость или неустойчивость, является существенным параметром развертывания политического процесса.

Таким образом, если интегрировать все основные характеристики, то в число основных компонентов, необходимых для моделирования и интерпретации политического процесса, входят следующие его параметры: факторы (или среда); акторы или участники; их действия и взаимодействия; нормы, регулирующие отношения; уровень равновесия и, наконец, континуум (пространство и время) зоны его протекания. Каждый из этих основных компонентов занимает существенное место в процессе моделирования любого политического процесса.

Взаимодействие акторов политического процесса

Главной составляющей, или субстратом всякого политического процесса, является, конечно же, сама активность людей, их политические действия, связанные с контролем или давлением на механизмы властвования. Из многочисленных акций и интеракций, различных политических акторов и складываются общий ход и интегральные результаты макропроцесса.

Как уже отмечалось, макрополитический процесс состоит из многих микропроцессов (или субпроцессов), связанных с деятельностью отдельных политических субъектов. Например, избирательный процесс включает в себя не только процедуры голосования и выбор рядовых избирателей, но и избирательные кампании отдельных партий, но и действия, обеспечивающие им равные условия на выборах общественно-политических или государственных органов, то есть избирательных комиссий или комитетов. Таким образом, в анализе политического процесса необходимо учитывать как интегральные макрорезультаты, так и формирующие их микропроцессы.

И в то же время в политике действие действию рознь, так же как сила и значение различных субъектов неоднородны: есть «тяжеловесы», но есть бойцы и «наилегчайшего веса». Несмотря на то, что каждый играет какую-нибудь роль в политическом процессе, большинство людей относительно пассивны. Только деятельное меньшинство, включающее элиты и лидеров, руководителей и вождей, обладает значительной силой и играет большую роль,

получая оттого больше всех наград и обвинений, а также предстая в общественном мнении в качестве героев или злодеев. Вместе с тем сводить роль деятельных политических субъектов только лишь к лидерам было бы неверно. «Рядом с «большим человеком» всегда есть анонимные помощники и соответствующая система взаимодействий между ними: рядом с партийным боссом — аппарат функционеров, возле государственного деятеля — его окружение и даже рядом с традиционным вождем клана — его родня, влиятельная жена и так далее»⁶.

Для того чтобы раскрыл, активность отдельных политических субъектов, формирующую целостный политический процесс, можно использовать такие характеристики, как (1) потенциал и статус акторов, (2) вид их действий и (3) способ взаимодействий между ними.

Вначале остановимся на характеристике самого потенциала политических субъектов. Во-первых, их можно разделить, условно говоря, на «простые» и «сложносочиненные», то есть индивидуальные и групповые. Это, например, независимые кандидаты и избирательные объединения, участвующие в выборах. Во-вторых, важна степень организованности, мобилизованности и сознательности группового субъекта. Скажем, некоторые небольшие, но хорошо иерархизированные и дисциплинированные партии иногда добиваются гораздо больших результатов, чем большие, но аморфные социальные движения. И в-третьих, эффективность деятельности субъекта зависит от уровня контроля и объема доступных ему ресурсов (материальных, информационных и прочих).

Второй параметр изучения активности политических субъектов связан с характеристикой используемых ими средств, форм и методов политической борьбы. Во-первых, ими могут быть легальные или нелегальные, официальные или неофициальные средства, то есть формы политической борьбы, осмысленные через призму действующего законодательства. Это, например, разрешенные митинги, демонстрации и пикетирование либо такие запрещенные методы политического воздействия, как террор, путч, вооруженное восстание и тому подобное. Таким образом, политический процесс имеет двухслойную структуру: первый слой представляет собой официальные акты и действия, нормативно определяющие и расстановку политических сил, и характер их деятельности, второй слой — это неофициальные взаимодействия политических субъектов по поводу доступа к ресурсам и рычагам власти.

Во-вторых, виды политической активности граждан и их групп могут подразделяться на насильственные и ненасильственные, то есть формы борьбы, связанные с открытым использованием силы (гражданская война, силовое подавление демонстрации или забастовки) или же средства, опирающиеся на убеждение и авторитет (манипулирование общественным мнением, бюрократические методы регулирования и так далее). В-третьих, парламентские формы активности, связанные с функционированием органов представительной власти, отличаются от таких способов прямого, внепарламентского действия, как уличная манифестация.

Наконец, третья характеристика политических субъектов связана со способами и типами взаимодействий между ними. Взаимонаправленные действия различных политических субъектов формируют более или менее устойчивые взаимодействия и отношения между ними. Существует множество оттенков политических взаимодействий, но самые крупные части этого спектра можно было бы свести к пяти основным: конфронтации; нейтралитету; компромиссу; союзу и консенсусу. В основе данного деления лежит принцип соотношения социальных интересов и политических позиций взаимодействующих субъектов.

В первом случае полная противоположность интересов и полярность позиций иногда приводит политиков к состоянию открытого противоборства, как это случилось в периоды революций, например, в форме вооруженного противостояния «красных» и «белых», коммунистов и монархистов в России в 1917—1918 годах. Нейтральное же отношение в политике на время как бы «выключает» субъекта из поля активных взаимодействий. Это достаточно неустойчивое состояние проявляется нередко в моменты голосований в парламенте по ключевым вопросам, когда одна из фракций воздерживается от решения, не поддерживая ни одну из сторон.

Что же касается компромиссов, то к этому типу взаимодействий относятся такие случаи, при которых на первый план выходит задача поддержания стабильного статуса-кво в отношениях между субъектами, при условии взаимных уступок и сохранения принципиальных расхождений. От компромиссов и соглашений отличаются союзы и блоки как значительно более тесные и дружественные формы политических взаимодействий, когда объективно существует некоторое пересечение интересов и общность позиций. И последним составляющим звеном общего спектра взаимодействий являются консенсусные отношения, когда достигается согласие по всем ключевым позициям и при этом наличествует практически

полное совпадение взглядов и общность интересов. Иногда это приводит даже к объединению двух партий в единую политическую организацию, как это случилось в некоторых странах с социал-демократами, социалистами и коммунистами.

В итоге все акции и интеракции, действия и взаимодействия складываются в единый поток политического процесса, каждое состояние которого характеризуется определенной расстановкой и соотношением социально-политических сил.

Расстановка и соотношение социальных сил на политической арене

После того как выявлены основные компоненты политического процесса, определены характеристики его субъектов, правомерен вопрос о внутреннем механизме политической динамики. Как происходит функционирование и изменение политического процесса при взгляде на него изнутри? Эту сторону политической жизни, ее наличное бытие, американские политологи обозначили понятием «политическая сцена» (political performance), связав ее со сложными процессами взаимодействия государственных и негосударственных институтов, групп и индивидов. На политической сцене, в той или иной ситуации проявляются субпроцессы политики: государственное управление и гражданское давление, политическое лидерство и партийное руководство (или партийная стратегия и тактика), индивидуальное и групповое политическое участие граждан.

Ключевой характеристикой политического процесса является переход от одной расстановки и соотношения сил на политической сцене к другой, от одного баланса и равновесия сил через его нарушение (дисбаланс) к новому равновесию. Определим основные понятия, описывающие политическую сцену. Во-первых, это касается понятия «расстановка сил» в политической ситуации. Эта категория связывает текущую политическую борьбу с фундаментальными пространственно-временными параметрами системы властвования в той или иной стране, позиционным положением различных субъектов по отношению к ней.

Традиционно в политологии используются «право-левые» шкалы, предоставляющие возможность охарактеризовать позиции политических субъектов с точки зрения поддержки или оппозиции правящей группы, контролирующей рычаги власти. Позиция субъекта в пространстве политической ситуации даст возможность оценить его положение по отношению к «властному центру или оси», тогда как его же диспозиция связана уже с местоположением

ем субъекта относительно позиций других социально-политических сил. Таким образом, «расстановка сил» на политической сцене включает в себя определенную конфигурацию позиций и диспозиций основных субъектов в тот или иной ситуации.

Что же касается второго аспекта оценки баланса и равновесия, то есть «характеристики» соотношения сил, то оно связано прежде всего с упоминавшимся выше потенциалом субъектов, контролируемые ресурсы и способностью их актуализировать и мобилизовать. Например, французский политолог П. Бурдые построил диаграмму соотношения основных политических сил в современной Франции, от «правых» — голлистов и либералов — до «левых» — коммунистов и социалистов, учитывая объемы контролируемых ими «капиталов» — экономических, культурных, электоральных ресурсов⁷. Конечно же, сам потенциальный контроль над тем или иным учреждением или ресурсом еще не обеспечивает полностью политический успех. Это связано также со способностью быстро и эффективно мобилизовать и реализовать этот «капитал». Условно говоря, если «расстановка сил» связана с качественной, позиционной стороной политической сцены, то «соотношение сил» характеризует ее как бы количественное измерение, связанное с объемами ресурсов, потенциалом политических акторов.

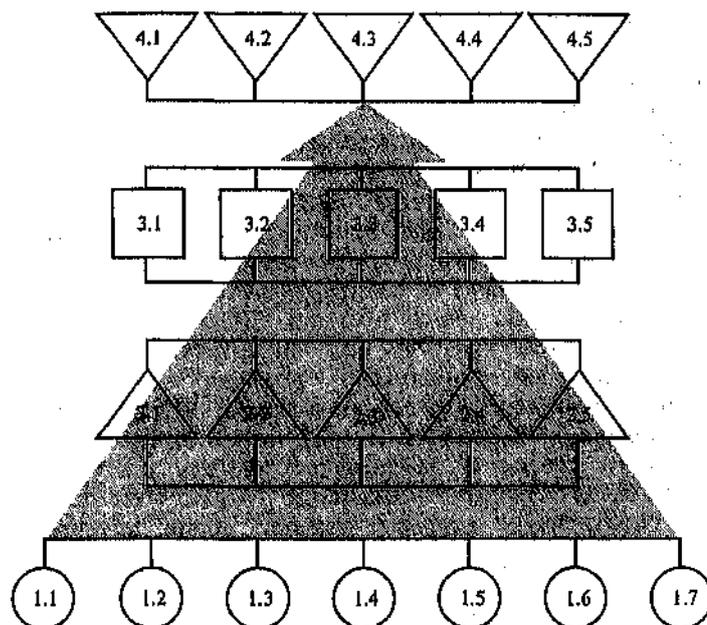
Политическая сцена, отражая сложность и многоуровневость политического процесса, имеет эшелонированную иерархию. Попробуем рассмотреть динамику баланса социально-политических сил на примере ставшей уже классической ситуации во Франции середины прошлого века, в период революции 1848—51 годов. Эта динамика была прекрасно раскрыта в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Попытаемся схематично изобразить картину политической сцены Франции этого времени.

К. Маркс пишет, что политический процесс с 1848 по 1851 год во Франции прошел три фазы, характеризующиеся определенной расстановкой и соотношением сил и состоянием политических институтов: период Временного правительства; период Учредительного собрания и период Законодательного собрания.

Маркс анализирует расстановку социально-политических сил в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» «слева—направо»: от рабочих до крупных землевладельцев, используя принцип классового подхода (схема 9).

Схема 9.

Расстановка и соотношение социально-политических сил по Франции в период революции 1848—1851 годов*

○

△

□

▽

— социальные группы (классы)

— политические партии и общественные объединения

— государственные институты

— политические лидеры и элитные группировки

1. 1.1—люмпен-пролетариат; 1.2 — рабочий класс; 1.3 — крестьянство 1.4 — мелкая буржуазия; 1.5— промышленная буржуазия; 1.6 — финансовая аристократия; 1.7— крупные землевладельцы.
2. 2.1—«Общество времен года»; 2.2 — «Реформа»; 2.3 — «Националь»; 2.4—орлеанисты; 2.5—легитимисты.
3. 3.1—законодательная власть; 3.2 — исполнительная власть; 3.3 — армия; 3.4 — полиция; 3.5 — национальная гвардия.
4. 4.1— Бланки, Распайль; 4,2 — Лодрю-Роллен, Луи Блан; 4.3 — Марраот, Ламартин; 4.4 — Луи-Филипп; 4.5 — Шамбор.

* Авторская реконструкция модели К. Маркса на основе работ «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

На первом этапе революции во Франции (февраль-май 1848 года) происходит, по его словам, «комедия всеобщего братания», когда почти все основные политические силы Франции объединяются в своего рода коалицию против «партии» финансовой аристократии, возглавляемой свергнутым королем Луи Филиппом Орлеанским. Затем на втором этапе (май 1848 года — май 1849 года) вначале партия пролетариата, а затем мелкой и промышленной буржуазии подвергаются атаке со стороны коалиции «партии порядка» (финансовой буржуазии и крупных землевладельцев) с президентом Луи Бонапартом.

И наконец, на третьем этапе (май 1849 года — декабрь 1851 года) разыгрывается финальная партия политической игры, когда происходит очередная перегруппировка сил. Прежде всего наносится удар по бывшей прежде в нейтралитете партии мелкой буржуазии. Начинается борьба между партией бонапартистов, устанавливающей шаг за шагом контроль над институтами исполнительной власти, и «партией порядка», которая в коалиции с промышленной буржуазией, в свою очередь, контролирует парламент. Луи Бонапарт побеждает в этой игре, Происходит роспуск Законодательного собрания, завершается процесс реставрацией империи. «Парламент умирает, — пишет К. Маркс, — он пал покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами».

Россия сегодня также переживает период интенсивной ломки прежних структур, сопровождающийся постоянной перегруппировкой политических сил. Есть уже немало попыток создания теоретических моделей для описания расстановки сил. Быстро меняющиеся в России политические ситуации обусловлены изменением баланса сил и расклада позиций основных политических субъектов. Некоторые из них просто сходят с арены, В конце 1992—начале 1993 года в России наиболее откристиализованными и влиятельными были три политических течения: 1) «Демократическая Россия» («справа»); 2) «Гражданский Союз» («центр») и 3) Фронт национального спасения («слева»), представляющий собой коалицию коммунистов и патриотов. Уже через год ситуация кардинально переменилась. И ФНС, и «Гражданский Союз» практически развалились, а «Демроссия» раскололась на несколько частей.

Можно было бы подвести некоторый итог. Понятия «расстановка» и «соотношение» сил дают возможность охарактеризовать позиционную и ресурсную стороны баланса субъекта в политической ситуации. «Перегруппировка» субъектов сводится к изменению в расстановке и соотношении политических сил при переходе к последующему состоянию политического процесса, сопряженному с новыми событиями, позициями и потенциалами политических

авторов. Важнейшим компонентом и условием достижения баланса и равновесия сил в политическом процессе выступает эффективное функционирование системы органов власти, то есть как собственно процесс принятия и реализации государственной администрацией политических решений, так и в целом весь институциональный, механизм государственного управления, параметры его политического режима.

§3. МЕХАНИЗМ ВЫРАБОТКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ. ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ

Государственное управление, связанное с разработкой государственной стратегии и проведением повседневной публичной политики, занимает ключевое место в структуре политического процесса. Уже отмечалось, что в государственном управлении, с одной стороны, по каналам принятия официальных решений аккумулируется и выражается «коллективная воля» социума, а с другой — через определенные институциональные механизмы и при помощи инструментальных средств она реализуется в публичной политике, связанной с управлением общественными делами. По своей структуре управление включает в себя два процесса: во-первых, регулирования коллективных ресурсов общества и, во-вторых, целенаправленного руководства людьми, поддержания определенного институционального порядка общения между ними.

Осуществление публичной политики, сопряженное с регулированием ресурсов общества, выступает своего рода продуктом того или иного цикла политического процесса, будучи его итоговой фазой, результирующей стадией.

Стратегия и иерархические уровни в механизме государственного управления

Со времени написания классических работ А. Бонтли «Процесс управления» (1908) и Д. Трумэна «Управленческий процесс» (1951) государственное управление и публичная политика ассоциируются в основном с сознательным регулированием общественных дел и коллективных ресурсов со стороны контролирующих основные рычаги власти «групп интересов» с помощью официальных государственных институтов. Политическое управление обществом, отмечал американский политолог Ч. Линдблом, может быть представлено как механизм с высшими бюрократами «наверху», простыми гражданами «внизу» и остальными его звеньями, субординированными сообразно их промежуточным рангам. Этот весьма объемный и сложный механизм представляет собой многоуровневую систему функциональных фаз и ранговых звеньев, находящихся в отношениях координации и субординации. Здесь каждый более высокий уровень и ранг, с од

ной стороны, более информирован, ресурсно и функционально обеспечен, чем нижестоящий, а с другой стороны — наделен и большой ответственностью за поддержание режима оптимального функционирования подчиненных ему иерархических уровней.

В широком смысле категория «управление» нередко определяется, как функция органических систем, различной природы и сложности, обеспечивающая сохранение их структуры, поддержание внутреннего режима функционирования и реализацию программы¹⁰. Социальное управление выделяется из других управляющихся систем тем, что в его рамках действуют не только стихийные механизмы, а сразу две взаимосвязанные детерминанты: и сознательный, и спонтанный способы регуляции. Чем же, в свою очередь, отличается государственное управление как тип социального управления, например, от других его разновидностей, как, скажем, управление транснациональной корпорацией или финансово-промышленной группой, иногда даже превышающих по общей численности своего персонала население некоторых небольших государств?

Отличие от руководства частной фирмой состоит прежде всего в универсальном характере государственного управления, обусловленном всеобъемлющим охватом властных полномочий и функций, потребностями в регулировании практически всех видов общественных ресурсов и сфер публичной жизни. «Корпорация должна найти тот род деятельности, для которого она более всего пригодна, и заняться им,— отмечают английские политологи А. Лоутон и Э. Роуз. — Что касается учреждений государственной сферы, то они выполняют все виды деятельности, которые предписаны им законодательством, распоряжениями и так далее»¹¹.

В анализе специфики государственного управления следует учитывать и всеобщую роль конституционного, государственного права как систем базовых норм, от имени народа регламентирующих (в большей или меньшей степени, в зависимости от вида политического режима) все главные сферы активности людей и определяющих фундаментальные принципы взаимоотношений между гражданами и общественными институтами. Кроме этого, все отдельные звенья и элементы механизма государственного управления обладают легитимными полномочиями и властными функциями; универсальной формой с весьма жесткими регламентами и санкциями; административными средствами и инструментами; и наконец, комплексом коллективных ресурсов, используемых от имени и в интересах всего народа. Итак, если сформулировать рабочую дефиницию категории государственного управления, то последняя представляет собой особый тип социального управления, при котором государственная организация, как иерархизированный

политический субъект, во-первых, обладает универсальным комплексом публично-властных полномочий; во-вторых, официально применяет административные методы руководства и принудительные санкции; в-третьих, использует легитимные формы социального общения и легальные способы взаимодействия с группами и индивидами и, наконец, в-четвертых, занимается целенаправленным регулированием коллективных ресурсов социума.

В рамках англо-американской традиции категория «государственное управление» (public management) является наиболее широкой по объему, включающей в себя как «государственную или публичную политику» (public policy), связанную с разработкой общественной стратегии и тактики, так и собственно «государственное администрирование» (public administration), направленное на эффективную организацию, оптимизацию функционирования звеньев государственного аппарата и технологию работы управленческого персонала.

Итак, государственная политика в этом смысле сопряжена с выработкой стратегического курса общества, основных направлений развития государства и способов осуществления его целей и задач. В структуре механизма современной государственной политики можно выделить следующие блоки: 1) формирование легитимного субъекта и институциональной иерархии государственной политики; 2) разработку стратегического курса и принятие государственных решений; 3) административные и прочие средства реализации управленческих решений и 4) блок государственного контроля и арбитража, обеспечения самокоррекции политического режима и «обратной связи» с объектами государственного руководства.

Начнем со способов представительства и моделей формирования самих субъектов государственной политики. Их можно свести к четырем основным типам: *элитистскому*, *карпоративистскому*, *плюралистическому* и *партиципаторному*, которые охватывают практически весь системообразующий спектр политического управления, начиная с гиперконцентрации государственной воли в руках одного или нескольких людей (восточные древние деспотии Египта фараонов или императорского Китая) и вплоть до плебисцитарных механизмов или партиципаторных способов формирования субъектов общественного волеизъявления.

Сторонники концепции элитизма считают, что государством управляют избранные или назначенные «немногие профессионалы», хорошо подготовленные, информированные и поэтому вполне компетентные, а чрезмерное расширение социального представительства и границ политического участия приводит к кризису и сниже

нию эффективности действия всей системы государственного управления. Субъектом государственной политики выступает элита, которой делегируются основные полномочия принятия стратегических для страны решений и которая аккумулирует коллективную волю нации. Корпоративисты исходят из иных предпосылок, а именно из модели согласования в рамках государственной политики разнородных групповых, корпоративных интересов, как через парламентские механизмы, так и посредством специальных функциональных структур типа «трехсторонних комиссий», включающих в себя работодателей и профсоюзы, и где правительственные органы выполняют роль арбитра. В рамках плюралистической модели органы, руководящие государством и вырабатывающие государственную стратегию, формируются на основе свободного, равного и пропорционального представительства.

Сторонники так называемой партисипаторной¹² системы управления ратуют за кардинальное расширение сферы влияния народных масс на процесс формирования государственной стратегии, а также выступают за существенную децентрализацию властных полномочий государственных субъектов, смещение центра тяжести в сторону регионального уровня принятия решений и порядка самоуправления локальных сообществ граждан.

Способ формирования носителей общественной воли, порядок представительства и участия масс в государственном управлении связывает последнее с макрополитическим процессом через составляющий его избирательный процесс. В случае выборов и смены высших должностных лиц или правящих партий может измениться либо возникнуть совершенно новая государственная стратегия (смена либералов или консерваторов социалистами). В демократических странах выборы высших должностных лиц и представительных органов власти (от президента и парламента до муниципалитетов) и являются по сути дела тем самым легитимным способом формирования интегральной воли, выражения общественных интересов. На референдумах и плебисцитах все избиратели на короткий момент непосредственно становятся в известном смысле «коллективным субъектом» государственной политики. Даже в ряде современных монархий стран «третьего мира» все чаще используется механизм выборов главы государства. В Малайзии и Объединенных Арабских Эмиратах монарх избирается из числа султанов или эмиров, являющихся наследными правителями структурных единиц этих федераций. Замещение трона в Саудовской Аравии также характеризуется элементами выборности монарха из среды «благородной» королевской семьи, причем этот пост часто

получают не сыновья, а братья короля. В Свазиленде племенной совет «Ликоко» избирает наследника престола из числа сыновей покойного короля.

Следующим, вторым по счету, звеном в механизме государственной политики выступает *разработка государственной стратегии и принятие государственных решений, связанные с законодательным процессом и оперативным управлением* со стороны органов исполнительной администрации. В этом блоке активное участие в выработке государственной политики принимают и законодательные (парламент), и исполнительные (правительство) институты. В зависимости от соотношений властных полномочий между ними выделяются две основные модели разработки государственной стратегии и принятия решений: «активная» и «представительская».

В первом случае законодательными институтами формулируются базовые принципы и конституционные нормы, вырабатывается стратегия общегосударственной политики, в то время как в ведение исполнительных органов закрепляется практическая реализация стратегических решений и сама технология оперативного управления. Согласно же второй, представительской, модели управления, существующей, к примеру, в ряде стран Европы, законодательные, парламентские органы ограничиваются лишь формулированием самых общих ориентиров и правил игры, а принятие многих важных оперативно-стратегических решений передается в структуры исполнительной власти.

Третий узел механизма осуществления государственной политики включает в себя *процесс применения технологических приемов и методов оперативного управления, обусловленных необходимостью реализации стратегических целей и решений и ориентированных в первую очередь на практическое управленческое воздействие*. Этот этап управленческого цикла самым непосредственным образом связан с политическими режимами, отражающими особенности институционального взаимодействия государственных органов с рядовыми гражданами, так же как и сами методы политико-правового управления с той или иной страной (соотношение принуждения и убеждения, насилия и закона и прочего).

И наконец, последний блок в механизме государственной политики отвечает за *обеспечение контроля управленческого процесса и самокоррекцию его режима*. Разрешение конфликтов, работа системы надзора и арбитража, обеспечивающей действие «обратной связи», связано прежде всего с судебно-конституционным процессом и функционированием контрольно-надзорных институтов (прокуратура, омбудсман).

В связи с анализом иерархии функциональных блоков формирования и осуществления государственной политики встает вопрос о субординации между самими носителями государственных полномочий, координации между субъектами и объектами государственного управления. Уже упоминалось, что государство представляет собой систему субинститутов, подразделяющихся по своим полномочиям и функциям на «горизонтальный» (отрасли власти) и «вертикальный» (уровни власти) ряды. В свое время А. Бентли отмечал, что процесс государственного управления делится на групповую активность людей, действующих в рамках трех ветвей власти, то есть, условно говоря, на три «горизонтальных» subprocessa: законодательный, административный и судебный процессы. Эта «горизонтальная» иерархия субъектов государственного управления, их функций и полномочий, значительно усложняется в федеративных странах, где существует три или даже более «вертикальных» уровней власти и соответствующих им носителей (см. табл. 2).

Таблица 2.

Субъектные уровни властных полномочий и руководящих функций в государственном управлении

Функциональная фаза	Выработка правил игры и целей, принятие стратегических решений (законодательная)	Принятие и осуществление оперативно-тактических решений (исполнительная)	Проведение судебного надзора, арбитража и контроля (судебно-контрольная)
Иерархический уровень			
Центральный	Парламент страны	Центральное правительство	Верховный, конституционный, арбитражный суды, генпрокуратура, омбудсман
Региональный	Провинциальные законодательные собрания	Региональное правительство	Суды и прокуратура провинций
Локальный	Муниципальные советы	Администрация муниципалитетов	Местные суды

Не менее иерархизированную структуру имеет сам объект государственной политики и управленческого воздействия, то есть общество. Структурирование гражданского общества как сферы государственного воздействия рассматривается в специальной литературе по разным основаниям. Во-первых, имеется подход, согласно которому в качестве объекта государственного регулирования выделяются сферы общественной жизни, отдельные виды, существующих в обществе, ресурсов и соответствующие им направления государственной

политики: экономическая, социальная, культурная, экологическая, образовательная, информационная и другие. Во-вторых, основанием для классификации объектов государственного управления может служить деление на различные социально-демографические, профессионально-квалификационные или этнические группы людей. На изменение социального положения этих групп направляется то или иное управленческое воздействие, в соответствии с которым осуществляется специфическая женская, молодежная или этнонациональная политика, или же, например, политика доходов и занятости в дифференцированном выражении по отдельным социально-профессиональным слоям населения. В качестве иллюстрации здесь можно привести проведение государством социальной политики в условиях, когда постиндустриальная перестройка экономики требует политики государственных субсидий для переквалификации и поддержания «на плаву» работников «старых», то есть выходящих из оборота специальностей и профессий.

Государственная политика, таким образом, представляет собой, во-первых, совокупность соподчиненных действий многих людей, во-вторых, взаимодействие управленческих звеньев и блоков институционального механизма, направленное на выработку и реализацию стратегических целей и решений и, в-третьих, определенный управленческий цикл, в котором отсутствует жесткая последовательность функциональных фаз, поскольку нередко они идут параллельно, и в этом круговороте нет четко выделяющегося начала и конца. «Всякая государственная политика выступает комплексным феноменом, состоящим из действий многих выборных, назначенных или нанятых чиновников,— отмечает в книге «Процесс разработки политики» Ч. Линдблом.— В то же время в публичную политику вовлечено и множество отдельных граждан с их поступками»¹³. Центральным звеном в общем механизме государственной политики является фаза принятия стратегических и оперативно-тактических решений.

Процесс принятия государственных решений: модели, способы и основные этапы
Значение процессов принятия государственных решений и для политической теории, и для практической политики настолько велико, что сама интерпретация политической власти и административного управления в западной политологии сводится к реальному контролю над принятием решений, тогда как лиц, принимающих решения (ЛПР), особенно решения стратегического характера, относят к властвующей элите (А. Хиггли). Одним из первых, кто включил эту проблематику в политологию, был Г. Саймон, работа которого «Административное

поведение: Исследование процесса принятия решений в административных органах» (1945) заложила основы специальной теории принятия государственных решений.

В социальной теории существует немало определений категорий политического и управленческого решений. Приведем лишь два варианта из числа наиболее распространенных и типичных определений этого научного понятия. Во-первых, в соответствии с постулатами теории «рационального выбора» (rational choice) государственное решение связано с выбором модели поведения из ряда альтернативных вариантов. Политическое решение — это выбор одного из минимум двух возможных политических действий. Во-вторых, в рамках деятельностного подхода» государственное решение определяется как идеальный результат деятельности и оптимальные средства ее достижения в работе органов публичной власти, цель, имеющая императивное значение в пределах своей компетенции.

Существуют две наиболее распространенные точки зрения, в рамках которых определяются границы процесса принятия политических решений: узкая и расширительная. Согласно первой версии процесс принятия решений ограничен лишь теоретико-аналитическими процедурами и мыслительными операциями, завершающимися выбором оптимальной модели решения и ее достаточно жесткой формализацией. Вторая же позиция раздвигает границы этого процесса, включая в него и практические, технологические мероприятия по реализации решений. По сути дела, последняя позиция отождествляет весь процесс политического управления и механизм государственной политики с осознанным принятием и осуществлением государственных решений. В известной степени это исключает из управленческого процесса спонтанные факторы и стихийные регуляторы политической жизни.

В современной политологии специальные концепции, в границах которых интерпретируется процесс принятия государственных решений, нередко подразделяются на два основных типа: 1) описательный (дескриптивный) и 2) нормативный (прескриптивный). В чем же состоит различие между этими подходами к анализу государственных решений? Описательное направление исходит прежде всего из принципа эмпирического исследования и дескриптивного анализа политического поведения лиц, принимающих решение (ЛПР), а также из взаимодействий политических субъектов в конкретной ситуации. В рамках дескриптивного подхода может быть описана и деятельность отдельного политического лидера, связанная с мотивами

и причинами принятия того или иного индивидуального решения. Например, анализ психологических факторов принятия решений Президентом США в условиях стрессовых ситуаций, типа Карибского кризиса, когда он берет на себя персональную инициативу и всю ответственность за последствия. Возможным вариантом служит также и изучение установок и мотивов группового поведения при принятии коллегиальных решений, когда, например, группа из 5—10 профессиональных политиков принимает государственное решение, касающееся судеб миллионов граждан, как это было в свое время с известными решениями о вводе советских войск в Афганистан или же российской армии в Чечню.

В отношении специфики нормативных теорий принятия решений можно отметить их концентрированное внимание к разработке оптимальных правил и процедур, алгоритмов и формализованных моделей, в соответствии с которыми должен строиться целостный процесс принятия государственных решений. Эта концепция ориентирована на рационализацию политических решений, поскольку разрабатываемые в ее границах стандартные алгоритмы призваны повысить эффективность выбора целей и средств их достижения, фокусируемых в нормативной формуле оптимального для заданной политической ситуации решения. В то же время слабость нормативного подхода состоит в известном преувеличении роли «идеальных типов», рациональных моделей решения, отвлекающихся от самих субъектов управления, их интересов, ценностей и установок лиц, принимающих решение (ЛПР), а также существующих иерархических отношений между ними.

Одним из первых исторических прецедентов возникновения иерархии субъектов государственного управления (ЛПР) является Древний Египет эпохи фараонов, а именно, сформировавшаяся уже в Древнем Царстве, «египетская пирамида» так называемых «послушных призыву». «Послушные призыву» — это те, кто должен был непосредственно выслушать и беспрекословно выполнить приказ вышестоящего начальника или своего господина. Одно и то же лицо (ЛПР) могло обладать двойным статусом: иметь своих «послушных призыву» и состоять одновременно в группе «послушных призыву» начальника уже более высокого ранга, образуя тем самым иерархию управленческих страт. В одну из этих групп могли входить лишь крупные сановники, придворные фараона, в другую, вместе со свободными — рабы, в третью — только рабы.

Выше можно было заметить, что существуют некие принципы взаимоотношений между субъектами и объектами государственного управления, а именно, соответствие субъекта объекту; обратная связь объекта с субъектом, и соотносительность и взаимообращаемость субъектов и объектов в процессе принятия политических решений. Первое правило связано с тем, что зона легитимных полномочий и властной компетенции, скажем, у парламентского комитета по социальной политике, должна покрывать область подготовки и проведения законопроектов по социальной сфере, не распространяясь специально на функциональное поле комитета по оборонной политике или непосредственно в область оперативного управления региональными биржами труда. Другими словами, объем властных полномочий и ответственности государственного субъекта, принимающего решения, в идеале должен соответствовать характеру интересов и приоритетов управляемого социального объекта. Принцип обратной связи и самокоррекции решений определяет порядок, при котором принимающие решения руководители или коллегиальные органы должны постоянно взаимодействовать со своим объектом управления (молодежь, безработные, представители малого бизнеса и так далее), периодически корректировать отдельные политические решения, а если возникнет необходимость, то и всю государственную стратегию, в зависимости от успеха или неудачи в осуществлении правительством социальной или экономической политики.

Что касается последнего принципа, то он напрямую связан с уже рассмотренной иерархией субъект-объектных уровней в государственной политике, а также с проблемой классификации политических решений, критерии которой обусловлены ролью субъекта принятия решения, так же как и объектом руководства, по поводу которого данное решение принимается, и наконец, самим характером их взаимодействия. Одна из интересных попыток типологизации политических решений была предпринята польским политологом Т. Клементевичем¹⁴. Он подразделяет политические решения по двум основаниям: кругу субъектов, участвующих в выборе политического действия, и уровню интеграции сферы социальных интересов объекта руководства или адресата решения (табл. 3). Добавим также, что политические решения могут быть коллегиальными и индивидуальными.

Таблица 3.

Типология политических решений*

Субъекты	Уровень интеграция интересов	
	Центральный	Локально-региональный
Граждане	Выборы в центральные органы Референдум и плебисцит	Выборы в местные органы Собрание и местный референдум жителей
Официальные представители граждан	Постановления, законы и решения парламента	Местные программы и планы социально-экономического развития
Представительская форма	Программы и планы социально-экономического развития	Решения о местном бюджете
Активисты гражданских групп (общественные делегаты)	Решения высших органов политических партий, общественных объединений	Проблемные решения местных органов политических партий, общественных объединений
Непредставительская форма	Политические соглашения	

Нельзя не заметить, что в механизме принятия политических решений выделяются формальные и неформальные звенья, официальные и неофициальные каналы его выработки и подготовки. В качестве иллюстрации можно привести схему принятия политических решений на общенациональном уровне в современной Японии, имеющую несколько официально-институциональных этажей и «теневых» (в этом смысле «внеинституциональных») звеньев. Для подготовки и принятия нужных законодательных актов в японском парламенте заинтересованной корпоративной организации необходимо пройти довольно длинный путь. Вначале предпринимательская структура, промышленное или банковское объединение выходят на административно-исполнительный аппарат, государственных бюрократов, проходя при этом уровни сектора, департамента и руководства соответствующего отраслевого министерства. Проект решения в период правления Либерально-демократической партии Японии согласовывался с партийными функционерами в специальных Советах по общим и политическим вопросам, Комитете парламентской политики и с высшим руководством ЛДП, ее парламентской фракцией и внутрипарламентскими кокусами (так называемыми кланами «дзоку»). И только лишь после этого законодательное решение выносится на дискуссию в парламент, попадая под критику

* См: *Клементевич Т.* Процесс принятия политических решений // Элементы теории политики / Под ред. В. П. Макаренко. Ростов-на-Дону, 1991.

и анализ оппозиционных политических партий и средств массовой информации, и после соблюдения определенной процедуры обсуждения и голосования принимается в качестве закона, нормативного акта.

Возможно, что в чем-то еще более сложен процесс принятия решений на высшем уровне в современной России. Правила игры и социальные факторы в процессе подписания президентских указов примерно уже определились: тут и лоббистское давление, и психологический настрой Президента, и процедура длительных согласований, которая может заморозить на полгода — год подписание документа, а то и просто, образно говоря, «спустить его с рельсов». Руководители администрации, премьер, его заместители, а также другие высшие государственные руководители, согласование с которыми считается необходимым для визирования проекта указа, получают решающую возможность затормозить, а то и вообще остановить процесс принятия решений по тому или иному важному вопросу. В некоторых случаях для виз требуется несколько страниц. Таким образом, даже на первый взгляд сугубо персональные решения государственных деятелей несут и коллективно-групповой отпечаток (например, интересов и ориентации президентского окружения) и предполагают порой не один уровень проработки и согласования.

Для принятия оптимального решения в государственной политике существует два основных способа выбора альтернативного варианта и определения согласованного решения: консенсус и голосование. Первый из них — способ консенсуса (от латинского «*consensus omnium*» — согласие всех) весьма эффективен в тех случаях, когда интересы участников принятия решения частично совпадают и лишь незначительно расходятся, поэтому решение принимается как компромисс между различными альтернативами, поддержанный всеми сторонами. Именно принцип «согласия всех» используется для принятия ключевых решений в Совете Безопасности ООН. Но в то же время еще более распространенной является практика применения в государственной политике способа голосования для принятия стратегических решений. Этот способ выбора решений не ограничивается лишь формальной процедурой и техникой голосования, но включает в себя выяснение сильных и слабых сторон разных вариантов решения, уточнение позиций ЛИР, а также определение удельного веса и пропорций между большинством, меньшинством и промежуточными силами, участвующими в процессе голосования.

Процесс принятия государственных решений распадается на от

дельные этапы и функциональные фазы. Существуют различные точки зрения на определение границ и числа основных этапов принятия управленческих решений. В обобщенном плане можно было бы выделить следующие основные этапы в целостном процессе принятия государственных решений:

1. *Определение приоритетных проблем и формирование политической «повестки дня».* На этом начальном этапе собирается, селектируется и анализируется предварительная информация, необходимая для принятия политического решения. Изучаются интересы, запросы и требования отдельных индивидов, социальных групп и общественных объединений, отбираются приоритетные проблемы, требующие своего решения и создается общественно-политическая «повестка дня» для ожидаемых от правительства или других государственных органов действий.

2. *Разработка и рассмотрение альтернативных вариантов политического решения общественных проблем.* Выработка инвариантов решения связана как с объективной потребностью в оптимизации выбора наилучшего решения из нескольких альтернатив, так и с субъективными устремлениями и давлением на процесс принятия решения различных социальных сил, часто конкурирующих между собой и пытающихся «продать» свой проект того или иного политического решения.

3. *Окончательный выбор, формулирование и легитимизация государственного решения.* Это, по сути дела, и есть основной этап в процессе принятия решения, технологически осуществляемый субъектами государственного управления в демократических странах при помощи выясненных выше способов голосования или получения консенсуса. Здесь решение приобретает общеобязательную форму для всех граждан, попадающих в сферу его компетенции.

4. *Реализация и проведение в политическую практику принятых государственных решений.* Управленческое решение практически внедряется и претворяется в жизнь на данном этапе. Государственная администрация в зависимости от политического режима данной страны использует комбинацию способов (принуждение и убеждение) и отдельных социотехнических средств (манипулирование, маневрирование и так далее) для осуществления принятых стратегических решений.

5. *Контроль за ходом осуществления решения и «обратная связь» с его результатами.* Это завершающий весь цикл принятия решения этап. Отсутствие контроля и «обратной связи» приводит к тому, что государственное решение либо искажается, либо просто перестает выполняться, либо даже приносит обратные исходному его замыслу результаты. Сам же смысл контроля за реализацией

тех или иных государственных решений заключается в постоянном сопоставлении практических мероприятий, технологических операций с исходной моделью политического решения, планами и программами. Контролю подлежит как выполнение законодательных решений, определяющих различные нормы и процедуры поддержания институционального порядка в обществе (борьба с коррупцией, другими формами преступности), так и решения органов исполнительной власти, занятых оперативным распределением финансовых и других материальных ресурсов согласно общим пропорциям, заложенным в государственном бюджете. На последних этапах происходит продвижение от выработки рефлексивной модели общеобязательного решения к его практическому внедрению.

Практика реализации государственных решений тесно связана с двумя, уже обозначенными аспектами публичной политики: регулированием общественных ресурсов и институциональными способами, инструментальными средствами руководства людьми, то есть с функционированием политического режима страны.

§4. СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ И ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ. МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В предыдущем параграфе отмечалось, что в современной политической науке для описания и объяснения социальной направленности и порядка взаимодействия государственных органов с гражданами, а также самих методов государственного управления обществом используется понятие «политический режим». Категория политического режима, таким образом, в широком смысле этого слова дает возможность анализа социального характера и эффективности государственного воздействия на общество, выяснения порядка взаимоотношений между органами государства и рядовыми гражданами. Прежде всего необходимо поэтому остановиться на развернутом определении самого понятия «политический режим».

Понятие и сущность политического режима

Понятие политического режима появилось в западной политической науке еще в XIX веке, а в широкий научный оборот оно вошло после Второй мировой войны. Этимологически термин «режим» происходит от латинского «regimen» (порядок управления), производными от которого являются французское и английское слово «regime», обозначающее приблизительно то же самое. На сегодняшний день в политологии существует немало трактовок и определений этого научного понятия. Остановимся лишь на наиболее распространенных из них.

Два основных направления в политической науке аккумулируют в себе большинство концептуальных интерпретаций и дефини

ций понятия политического режима: правовое и социологическое. В первом случае политический режим редуцируется лишь к официальным формам и легальным методам управления, которые опираются на формально-юридические критерии функционирования государства, связанные с декларируемыми нормами конституционного права. Таким образом, понятие «политический режим» становится довольно близким по смыслу к «форме правления» государства, его конституционно-правовому режиму. На базе формально-правовых критериев выделяются режимы демократические, где право ограничивает действие правительства, и автократические, где существует произвол правителей, не соблюдающих законов. В рамках приведенного подхода весьма существенным является отношение государственных органов к провозглашенным конституционно-правовым нормам (в том числе и к основным правам и свободам граждан), а также внутренний механизм институционального взаимодействия органов государственной власти.

Другое, более современное, социологическое направление в интерпретации политических режимов исходит из иных критериев в его определении. М. Дюверже считает, что политический режим это скорее особый социальный механизм, способ управления обществом, соединяющий, с одной стороны, базовые модели выборов, голосования и принятия решений, а с другой,— способы политического участия партий и групп давления. Р. Макридис исходит из функциональной концепции политической системы, в соответствии с которой «политический режим» определяет специфические пути и способы, при помощи которых идеально заданные функции системы реализуются в процессе практического функционирования государственных институтов. При этом весьма существенным является тот момент, что одна и та же политическая система может в зависимости от исторических обстоятельств функционировать в различных режимах. Советская политическая система, например, в разные периоды работала в различных режимах: от сталинского террора 30 — начала 50-х годов до либерализации в период перестройки в середине-конце 80-х годов.

В главе, посвященной структуре власти, было выделено институциональное измерение, связанное с инструментальными средствами и способами взаимодействия государственных органов и социальных групп. Именно в этой аналитической плоскости и находится понятие политического режима. Оно в то же время уже по объему категории «политический процесс», включающей в свой анализ спонтанные, неинституционализованные компоненты социально-политической динамики, как и категории «государственное управление», описывающей регулирование коллективных ресурсов, выработку моделей публичной стратегии и тактики, и, наконец,

вопросы чисто организационного менеджмента. Анализ функционирования политических режимов сопряжен прежде всего с методами руководства людьми и способами поддержания легитимного порядка, а не с текущей организацией аппаратной работы и оперативным распределением ресурсов, являющимися «смежными» измерениями государственной политики, которые связаны с уже собственно административно-организационной деятельностью.

Институциональные способы государственного руководства, выступающие средствами достижения общих целей политики государства, составляют основное содержание понятия политического режима. Именно в таком духе дает определение демократическому типу режимов Й. Шумпетер: «Демократия — это *всего лишь метод* (курсив мой.— А. Д.), так сказать, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений»¹⁵. Ряд авторов идут еще дальше, подразумевая под политическим режимом общий характер взаимодействия государственных органов и социальных групп, который включает в себя не только государственное воздействие «сверху», но и «обратные связи», то есть функционирование механизмов гражданского представительства и давления, участия и выборов. «Под политическим режимом следует понимать *способ политического существования* (курсив мой.— А. Д.) любого общественного коллектива, племени, нации или государства»¹⁶, — дает подобную предельно широкую формулировку французский политолог Ж. -М. Денкэн.

Итак, если попытаться обобщить сказанное выше, то можно дать следующее определение политического режима. Под политическим режимом понимается институциональный способ взаимодействия государства и общества, правительства и граждан, включающий в себя следующие параметры: характер функционального отношения властного порядка к фундаментальным правам и свободам граждан; соответствие мероприятий административных органов государственно-правовым основам, проявляющееся в соблюдении конституционных норм и других законов страны, и в удельном весе официально-легальной сферы в общем объеме действий правительства; степень политического участия народа и его включенности в процесс принятия государственных решений, отражающих меру социального представительства, общественного контроля и гражданского волеизъявления; уровень возможности свободного и конкурентного соперничества правящей и оппозиционной группировок в процессе формирования органов государственной власти; роль открытого насилия и силового принуждения в совокупности методов государственного управления. Другими словами, между рядовыми гражданами и правительственной администрацией происходит как бы заключение «общественного договора» о правилах

игры, а динамика осуществления государственного управления регулярно отражает действительное состояние дел при поддержании властного порядка, да и сам характер регулирования взаимодействия между человеком и государством.

Методы государственного управления в структуре политического режима

Вопрос о методах государственного управления, как средствах достижения правителями своих политических целей, всегда интересовал ученых философов и социальных мыслителей. Телеологические максимы типа «цель оправдывает средства» обосновывались и «отцом инквизиции» И. Лойолой, и флорентийским госсекретарем Н. Макиавелли. В истории политики для того, чтобы обеспечить процесс властвования над народом и управления государством, в ход нередко пускались самые разные инструменты: от религиозных проповедей до массового геноцида. Если попытаться кратко определить понятие методов государственного управления, то они представляют собой, во-первых, средства осуществления государственных целей и управленческих решений, во-вторых, способы поддержания стабильности политической системы и воспроизводства институционального порядка в обществе и, в-третьих, инструменты мобилизации ресурсов и руководства людьми.

Исторический опыт политического развития подводит к выводу о том, что существует два базовых типа методов государственного управления: убеждение, опирающееся в основном на манипулирование механизмами сознания и установками поведения граждан, и принуждение, в целом основывающееся на использовании силы, а то и крайних форм насилия. Эти два «идеальных типа» образуют двухполюсную шкалу «принуждение — убеждение», на которой располагаются все промежуточные оттенки применения инструментов руководства людьми со стороны государственной администрации. Кроме того, на базе этих двух архетипов возможна масса комбинаций различных приемов и методов в государственном управлении в зависимости от политического режима той или иной страны.

Рассмотрим последовательно и в соответствии с этой «шкалой» основные методы государственного управления. Во-первых, пожалуй, наиболее радикальным приемом управления является открытое насилие и применение карательно-силовых средств. Когда-то на начальных этапах политической истории человечества этот метод «воздействия на тело» (по выражению М. Фуко) был одним из доминирующих. Например, этот метод активно использовался в восточных деспотиях, захватывавших новые территории и вплоть до полного уничтожения притеснявших при помощи грубой силы

их население (монголо-татарская империя Чингизидов и другие). На современном же этапе инструменты насилия преобладали в основном в тоталитарных государствах, как, к примеру, в фашистской Германии и СССР в 30-е годы или в Кампучии в 70-е годы нынешнего века. Во-вторых, возможно такое применение принудительной мобилизации и административной регламентации населения, когда органы государства обходятся и без регулярного насилия и открытого террора. При этом в качестве опоры используется вполне реальная угроза использования административных санкций со стороны государства (например, в ряде арабских и африканских авторитарных режимов, а при определенных кризисных ситуациях и в условиях переходных обществ становящейся демократии).

В-третьих, одним из главных методов современного государственного управления выступает правовое регулирование на базе законодательных норм и судебно-арбитражной системы. Конечно же, данные методы используются прежде всего в правовых государствах, где норма закона становится основным регулятором жизни граждан. В-четвертых, эффективным методом управления в условиях стабильного общества является систематическое социально-политическое маневрирование, включающее в себя инструменты компромиссов между правящей и оппозиционными группировками, уступки и повороты в социальной и экономической политике, связанные с перегруппировкой сил и перераспределением ресурсов. Например, в случае, если консервативная модель политики правительства не дает ожидаемых результатов, то последнее может усилить социальные программы и перебросить на их осуществление определенные ресурсы.

И наконец, пятым основным средством управления можно назвать идейно-политическое манипулирование, действующее в «мягких» формах на механизмы сознания и установки поведения граждан, то есть прежде всего на «голову» людей, в отличие от грубой силы, действующей на их «тело». На ранних этапах государственного развития подобную роль инструмента идейно-политического и морального воздействия на массы выполняла религиозная проповедь. Сегодня же на первый план выдвигаются средства идейно-политического и социально-психологического манипулирования со стороны «масс-медиа». Средства телекоммуникаций и массовой информации (СМИ) в конце XX века стали приоритетным и эффективным инструментом манипулирования народными массами, играя в особенности заметную роль в структуре демократических режимов Запада.

Типология политических режимов

Конечно, не следует забывать о том, что в структуре средств и методов практически каждого государства имеется весь арсенал упомянутых выше инструментов в той или иной пропорции и комбинации, которые используются в зависимости от конкретной ситуации (кризис, война и так далее), типа режима и фазы его становления, воспроизводства или трансформации.

Критерии, которые были сформулированы при определении категории политического режима, могут быть использованы и как основание при их классификации или типологизации. Существует множество подходов к выделению типов политических режимов¹⁷. Например, Р. Даль в работах «Полиархия» и «Режимы и оппозиция. Введение» на основе двух критериев, конкурентности в борьбе за власть и степени вовлеченности граждан в управление, выделяет два основных полюса или архетипа политических режимов: гегемонию (или автократию) и полиархию, между которыми и располагаются все переходные формы¹⁸.

Наиболее распространенной в современной политологии является типология политических режимов по шкале «демократия — автократия», на основе которой выделяются их три основных типа: *демократический*, *авторитарный* и *тоталитарный*.

Рассмотрим вначале демократический политический режим. Его признаками являются верховенство представительных органов власти, широкое распространение институтов самоуправления, провозглашение и защита прав и свобод личности, правовой характер государства. Вместе с тем можно выделить две разновидности такого режима: демократический политический режим в развитой форме и ограниченно демократический режим.

В настоящее время с демократическим политическим режимом в наиболее развитой форме мы встречаемся в таких странах, как Великобритания, Швеция, Италия, Португалия, Швейцария и другие¹⁹. Ограниченно демократический политический режим сохраняет основные черты, присущие демократии, однако не всегда в полной мере. Несмотря на то что в США действует зрелый демократический режим, до настоящего времени в 10 штатах сохраняется запрет на регистрацию коммунистической партии в качестве легальной политической партии, сохраняются некоторые элементы расовой дискриминации (хотя определенные силы борются с расовой дискриминацией более ста лет и добились по сравнению с ситуацией середины XIX века значительных успехов). Не получила достаточной поддержки и не вступила пока в силу поправка к Конституции, закрепляющая равноправие женщин и тому подобное. В недалеком прошлом в США также наблюдались определенные ограничения демократии, например, так называемый «обезьяний процесс» в 20-е годы — судебное осуждение сторонни

ков дарвинизма, «охота за ведьмами», шпиономания и гонения за различные демократические и миротворческие организации в период «маккартизма» в 50-е годы и тому подобное.

В ФРГ также случались отдельные ограничения демократии, в частности, в практике «запретов на профессии». С 1956 по 1968 год в этой стране под запретом находилась компартия, запрет на которую был наложен Федеральным конституционным судом. В его решении осуждалась вообще всякая коммунистическая деятельность как антиконституционная. Затем органы власти не стали расширительно толковать это решение, формально относя его лишь к той компартии КПП, которая действовала до 1956 года, в результате чего была создана уже новая коммунистическая партия (ГКП).

В то же время в условиях демократического политического режима в любом случае самым главным является активное и достаточно эффективное, во многом все определяющее воздействие гражданского общества на деятельность государства, на весь его механизм управления.

Для авторитарного политического режима характерна большая самостоятельность государства по отношению к гражданскому обществу. Гражданское общество сохраняется и стремится влиять на действия государства, но такое влияние ограничено, поскольку государство в условиях такого режима ищет опору не в гражданском обществе, а в самом себе. Признаками авторитарного политического режима являются существенное ограничение полномочий или полное отсутствие представительных органов власти, преобладание по своей значимости в механизме реализации власти государственных органов, сформированных на основе назначения, по наследственному принципу, в результате выдвижения узкой олигархической группой, большее или меньшее ограничение прав и свобод граждан. Крупный специалист по авторитарным режимам «третьего мира» Ф. Риггс отмечает, что подобные режимы в Европе и Северной Америке постепенно эволюционировали к демократии, достигая способности контролировать свою бюрократию одновременно или даже до того, как появятся мощные бюрократические структуры в этих странах. По большей части они оказались в состоянии сохранить контроль над государственными бюрократическими структурами, необходимыми для осуществления возросшего управления, проведения в жизнь социальных мер и обеспечения страны. В отличие от этого государства «третьего мира» не имели необходимого времени и возможности подготовиться к решению новых задач и институционального опыта, а их лидеры вынуждены были прибегать к авторитарным способам управления для достижения национальных целей²⁰.

Авторитарный политический режим можно подразделить на две разновидности: авторитарно-либерализированный и радикально-авторитарный политические режимы. Авторитарно-либеральный политический режим характеризуется стремлением к преобладанию ненасильственных методов управления (хотя это не значит, что от насилия совершенно отказываются, в случае угрозы правящей группировке насилие применяется самым решительным образом), к учету мнения различных слоев гражданского общества, предоставлением гражданам определенных прав и свобод. Но авторитаризм тем и отличается от демократии, что сроки представления и дозировку прав и свобод, степень их гарантированности определяет само государство, а не общество, причем государство считает себя вправе ликвидировать предоставленные права и свободы в том случае, когда это покажется ему необходимым. Авторитарно-либерализированный политический режим существовал, например, в России в период реформ 60—70-х годов XIX века.

Радикально-авторитарный режим стремится опираться, прежде всего, на силу. И если авторитарно-либерализированный режим в какой-то мере стимулирует развитие гражданского общества, хотя государство стремится делать это дозированно и под своим неусыпным контролем, то радикально-авторитарный режим терпит гражданское общество как необходимость, с которой государство справиться не может, хотя и старается поставить его под свой жесткий контроль. Примерами радикально-авторитарного политического режима служат военные режимы, существовавшие в Бразилии с 1964 по 1979 год, в Испании в период диктатуры Франко и другие.

При реакционно-авторитарном или военно-диктаторском режимах гражданское общество сохраняет свою самостоятельность и даже активность, правящая группировка оказывает на него серьезное воздействие, налагает определенные ограничения, но полностью под свой контроль авторитарными методами поставить не может.

Только в условиях тоталитарного режима государству удается подчинить себе общество, уничтожить его гражданский характер. Государство подминает под себя общество, пронизывает все его поры, подвергает огосударствлению все стороны его жизнедеятельности. При тоталитарном режиме создается политическая система особого рода, которая замыкается на личности вождя, поддерживаемого и выдвигаемого некоей олигархической группировкой. Для обеспечения господства государства, возглавляемого вождем, над обществом используется целый комплекс мер и средств. Насилие же здесь является самым главным инструментом. Активно применяются методы политического, экономического, идеологического, пропагандистского воздействия. Но репрессии являются естествен

ным следствием концентрации власти в руках одного человека, выражающего интересы достаточно узкой олигархической группировки и подчиняющего при помощи государственного и партийного аппарата все общество. Репрессиям подвергаются прежде всего те, кого не удалось подчинить другими методами. При этом различными как ненасильственными, так и насильственными методами на определенном этапе тоталитарному режиму удастся создать достаточно массовую социальную опору. Поэтому в условиях этого режима иногда проводят плебисциты и референдумы как доказательство наличия такой массовой опоры.

Основные черты тоталитаризма были выделены западными политологами в работах Х. Арндта «Истоки тоталитаризма» (1951), Д. Арона «Демократия и тоталитаризм» (1956) и К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956)²¹. Характерными чертами тоталитарного политического режима являются сосредоточение власти в руках одного человека, пришедшего к власти недемократическим путем и сохраняющего свою власть в течение длительного времени, хотя возможны и перевороты внутри олигархии, установление принудительной, как правило, однопартийной системы, сращивание государственного аппарата и аппарата правящей партии, превращение представительных органов и институтов непосредственной демократии в фикцию, огосударствление общественных организаций и всех без исключения средств массовой информации, дифференциация статуса (то есть наличие разного объема прав и обязанностей) у разных иерархически расположенных групп населения в зависимости от того, какое место в системе властвования занимает данная группа, рассмотрение прав и свобод личности как некое благодеяние со стороны государства, отсутствие гарантий этих прав и свобод, за исключением соизволения самого государства.

В этих условиях все люди превращаются в винтики огромного всеобъемлющего государственного механизма. Тоталитарное государство без колебаний расправляется с теми людьми, которые, по его мнению, не выполняют или плохо выполняют функции винтика или сделали уже все, на что были способны. При этом могут пострадать и отдельные представители господствующей группировки во имя сохранения и упрочения власти группировки в целом. Возможность подчинения государством общества заключается в относительной самостоятельности первого, хоть это и вызвано объективными процессами, протекающими в обществе. Эволюция общества ведет к подрыву всемогущества государства и в конце концов к краху тоталитарного режима, хотя он не падает сам собой, поскольку для его уничтожения требуются активные действия его противников.

Тоталитарные режимы существуют в течение более коротких исторических периодов по сравнению со временем существования других политических режимов, поскольку для общества такое состояние противоестественно и устанавливается в результате неординарных обстоятельств.

Х. Арндт отмечает, что «тоталитаризм существенно отличается от всех иных форм политического подавления, известных нам как деспотизм, тирания или диктатура. Где бы тоталитаризм ни приходил к власти, везде он приносил с собой совершенно новые политические институты и разрушал все социальные, правовые и политические традиции данной страны. Независимо от того, каковы конкретные национальные традиции или духовные источники идеологии тоталитарного правления, оно всегда превращало классы в массы, вытесняло партийную систему не диктатурой одной партии, а массовым движением, переносило центральную опору власти с армии на полицию и проводило внешнюю политику, открыто ориентированную на мировое господство»²². Тоталитарные режимы ведут к деградации общества, а внутренние процессы, протекающие в нем, требуют развития и, следовательно, ликвидации самого тоталитарного режима. При этом на первых порах после установления тоталитарного режима могут наблюдаться определенные успехи в экономических и других областях, однако затем с неизбежностью следуют застой и упадок, что в принципе заложено уже с самого начала функционирования этого режима, в самой его сущности. Примерами тоталитарных режимов являются фашистские режимы (Германия времен Гитлера, Италия времен Муссолини) и коммунистические страны (СССР периода Сталина и другие). Трансформация и преобразование политических режимов связаны с процессами политического развития и институциональных изменений:

Глава X. Политические изменения и социальное развитие

Что изменяется в политике?

Ранее в главах, посвященных общей характеристике политической сферы и специфике политического процесса, уже намечались некоторые вопросы анализа социальной динамики, связанные с формами политических изменений, тенденциями политического развития. Очень часто, говоря о политической динамике, имеют в виду в основном развивающиеся и модернизирующиеся страны, переживающие переходные социально-экономические состояния и стадии радикальной трансформации политических структур.

При этом нередко упускается из виду что и развитые государства Запада проходили в свое время периоды модернизации, включавшие в себя эволюционные и революционные преобразования. Да и сейчас, несмотря на наличие относительно стабильной политической системы, им время от времени приходится переживать социально-экономические и политико-институциональные перемены, порой даже кризисного характера. Американские политологи Б. Браун и Р. Макридис замечают по этому поводу, что «политическое изменение не ограничивается развивающимися странами. Все политические системы претерпевают достаточно быструю эволюцию, включая и те, которые принято называть развитыми индустриальными странами, поскольку любой политический процесс тесно связан с переменами. Сегодня мы можем отметить, что во многих политических системах имеются институты, при помощи которых потребности и требования преобразуются в решения. Но имеющиеся условия обязательно меняются. Новые группировки захватывают властные и командные позиции, в то время как их предшественники утрачивают властные полномочия. В итоге провозглашаются новые права и создаются обеспечивающие их новые учреждения»¹.

Действительно, трудно было бы найти страну, даже самую стабильную, в которой не происходило бы никаких институциональных изменений. Это могут быть перемены, связанные как с плавной эволюцией и реформой, так и с радикальной социальной

Понятие политического изменения ломкой в ходе революции. Кроме того, политические изменения в основном носят так называемый «нелинейный» характер и далеко не всегда сопряжены с социальным прогрессом и поступательным движением общества вперед. Возможны и серьезные политические отступления: крушение демократических режимов, к примеру, произошло в Германии и Италии, где в 1920—30-е гг. к власти пришли фашисты. А чаще всего в политической жизни возникают своеобразные комбинации «регрессивных» и «прогрессивных» изменений. Таким образом, можно предположить, что категория «политическое изменение» в широком смысле охватывает практически все известные человеческой истории перемены в политических структурах и государственных институтах.

Возникает вместе с тем ряд теоретических и методологических вопросов. Во-первых, каково соотношение понятий «изменение» и «развитие», «переход» и «трансформация» в политике? Во-вторых, в чем состоит социальная природа и институциональный характер политических изменений? И в-третьих, каковы особенности политических изменений в развитых и стабильных странах, с одной стороны, и специфика политических трансформаций в развивающихся и модернизирующихся государствах, с другой.

§ 1. СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ

В современной политологии проблематика политических изменений особенно активно стала разрабатываться с 50—60-х гг. XX века под влиянием процессов деколонизации и образования независимых государств «третьего мира». Но истоки размышлений о переходных процессах и изменениях в политической жизни уходят корнями в глубину веков. Например, еще в XIX веке А. де Токвиль в своих работах «О демократии в Америки» и «Старый порядок и революция» обосновывает идею воспроизводства некоторых авторитарных механизмов управления при преобразовании отживших структур «ancien régime» в демократические институты².

Возникает закономерный вопрос о том, как же определить само родовое понятие «политическое изменение». Во-первых, политическое изменение представляет собой специфический тип социальных изменений, связанный прежде всего с переменами в механизме властной регуляции общества. Политическое изменение несет на себе самые общие социологические характеристики любого социального изменения, но ими, конечно же, не ограничивается.

Во-вторых, политические изменения связаны с трансформацией внутри институциональных структур или же с их качественной заменой, обусловленной преобразованиями социальной среды (эконо

мическими и духовно-культурными переменами, сдвигами и балансе социальных сил и т.д.)³. В итоге можно сформулировать следующее рабочее определение анализируемого понятия: политическое изменение это трансформация политических институтов, связанная со сдвигами в балансе социальных акторов, с изменением их потенциалов и позиционной расстановки политических сил, которые обусловлены экономическими, духовными, культурными, международными и внесоциальными факторами.

Выше нами уже рассматривалась общая структура жизнедеятельности политических институтов, которая включает в себя три основных компонента: идеальную модель (институциональный дизайн, включающий нормы и ценности); процесс общения (многосторонние взаимодействия); и организованную, структурно иерархизированную общность людей. П. Штомпка, в свою очередь, считает, что социальные изменения происходят на следующих элементарных уровнях «социокультурного поля»: 1) идей (идеологий, теорий и т. д.); 2) норм и ценностей; 3) взаимодействий и организационных связей и, наконец, 4) интересов и статусов⁴.

Если же попробовать синтезировать существующие подходы к разработке общей модели социально-политических изменений, то можно выделить следующие элементы их структуры и внешней среды, соотносимые с элементами структуры публичной власти (см. ранее) и служащие критериями для сопоставления разных переменных величины в каждом отдельном случае. Во-первых, это идеальные схемы и духовные образы политики (идеи, стереотипы, установки и т. д.); во-вторых, социокультурные символы, ценности и нормы, определяющие правила политического общения; в-третьих, иерархия социальных акторов по статусам, рангам и интересам; в-четвертых, материальные и другие коллективные ресурсы, по поводу которых происходит политическое общение; в-пятых, устойчивые взаимодействия, организационные связи и институциональные формы общения между людьми и, в-шестых, факторы международной и внесоциальной среды. Эта обобщающая структурная модель даст возможность интерпретировать различные изменения в современной политической жизни, ее институциональной организации и социальной среде.

Посредством предложенной теоретической модели можно описывать самые разные политические изменения. Например, для понимания природы политико-институциональных изменений в России в период с конца 1980-х по начало 1990-х годов можно привлечь анализ факторов, связанных с кризисом советской идеологии (идеалов и моделей); кризисом легитимной поддержки режима и коммунистических символов (ценностей и норм); кризисом социальной

Контекстуалистский подход к мобильности (статусов и интересов); кризисом в освоении ресурсов и распределении необходимых благ и товаров (ресурсный дефицит); кризисом, связанным с неэффективностью и ненадежностью организационно-управленческих отношений (организационных связей и взаимодействий), и наконец, с давлением внешней среды, обусловленным гонкой вооружений и международной конкуренцией с ведущими странами Запада.

В вопросе о значении институциональной структуры и ее внешней среды для политических изменений сложилось два основных подхода, «контекстуалистский» и «институционалистский», различающихся в выделении «ведущей» и «ведомой» ролей для указанных детерминант и им соответствующих механизмов детерминации происходящих перемен.

Первый подход связан с идеей «первичной» роли «социального контекста», «внешней среды», то есть социально-экономической, социокультурной и прочей обусловленности всех разворачивающихся политико-институциональных изменений. В силу этого положения не может быть никаких серьезных политических перемен, например, без определенного изменения в уровне и темпах экономического развития. Любопытно, что в широких рамках данного подхода переплетаются позиции марксистских (западный марксизм) и немарксистских авторов (Р. Арон, Р. Даль, Б. Рассет, С. Липсет и др.). Марксистская парадигма политических изменений исходит из идеи их детерминации экономическим базисом общества (прежде всего, производственными отношениями) при относительной самостоятельности и активной роли политической надстройки (государства и т. д.). Согласно марксистской логике способ производства и формы собственности определяют в конечном счете классовую структуру и расстановку социальных сил, которые в соответствии со своими материально-экономическими интересами, в свою очередь, задают направление изменений политических организаций (государства, партий и пр.). Внеэкономические, духовные и культурные факторы в силу этого играют «вторичную», подчиненную роль.

На несколько иных позициях стоят западные либеральные политологи, которые также принимают во внимание динамику и уровни социально-экономического развития при выяснении причин и природы политических изменений в развитых или развивающихся странах. Например, С. Липсет еще в конце 50-х годов поставил вопрос о зависимости становления демократических институтов от уровня экономического развития и темпов индустриального роста, отмечая при этом, что «чем больше нация преуспевает экономически, тем больше у нее шансов для того, чтобы она стала нацией»

демократической». Для обоснования этого тезиса С. Липсет привлекает такие социально-экономические показатели, как уровень валового национального продукта на душу населения, качество образования, степень урбанизации, индустриализации и т. д. Сопоставляя уже в начале 90-х гг. динамику демократизации политических институтов в 113 странах мира, он вместе с двумя соавторами делает вывод о том, что «экономическое развитие страны, высокий уровень совокупного общественного продукта (GNP) на душу населения неразрывно связаны с политической демократизацией страны»⁵ (табл. 4).

Таблица 4.

Характер динамики политических структур в зависимости от уровня экономического развития страны (валового национального продукта — ВВП)*

Типы политического режима	Авторитарные режимы (V.)	Полудемократические режимы (%)	Демократические режимы (%)	Средний показатель ВВП на душу населения (долл. США)
Уровень экономического развития				
Низкий уровень (34 страны)	74	24	3	260
Уровень «ниже среднего» (27 стран)	37	51	11	580
Уровень «выше среднего» (33 страны)	12	48	39	1910
Уровень развитой и индустриально-рыночной экономики (19 стран)	0	0	100	10930

Анализируя приведенную выше таблицу, вслед за С. Липсетом и его коллегами можно обратить внимание на то, что удельные показатели авторитарных режимов понижаются в пропорциональной зависимости от повышения душевого ВВП. Если же сравнить экономические показатели стран уровня «ниже» и «выше среднего», то нетрудно заметить, что количество стран с «несвободным» (авторитарным) режимом пропорционально уменьшается, а число стран со «свободным» (демократическим) режимом, наоборот, увеличивается. В то же время идея экономической обусловленности политических изменений нередко подвергается сомнению. «Изменения социального и экономического порядка, даже такие, которые мы воспринимаем как качественные, сами по себе не ведут непременно к качественным же изменениям государственного строя

* См: Липсет С.М., Кен-Рюн С., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. №3.

Институционалистский подход и политической культуры. Государство не всякий раз в ответ на них, оно эволюционирует, растет, деградирует, иногда — то и другое вместе»⁶, — отмечает российский политолог А.М. Сашин.

Существенным фактором, обуславливающим политические изменения, является также и социокультурная динамика в различных странах. На изменения в политических отношениях и государственных институтах влияют религиозные, моральные, идеологические и этнопсихологические ценности и традиции. Французский политолог Ж. Блондель по этому поводу отмечает, что после II мировой войны, колониальные страны, пережившие британское культурное влияние, быстрее адаптировались к демократическим институтам, чем государства, которые были колониями Франции, Португалии, Нидерландов или Бельгии. Для политических изменений страны большую роль играет степень ее «культурной секуляризации» (Г. Алмонд, Д. Пауэлл), связанной с пропорцией между верованиями и установлениями, рационально-аналитическими и иррационально-аффективными компонентами оценки населением страны тех или иных политических реформ, государственных мероприятий и т. д.

Второй, институционалистский, подход к анализу природы и механизма детерминации политических изменений переводит акценты с их «внешней среды» на «внутреннюю» структуру политической жизни и государственных институтов (С. Хантингтон, Т. Скокпол, Д. Марч и др.). Одна из наиболее серьезных попыток объяснения природы политических изменений при помощи анализа их институциональных механизмов была предпринята в известном исследовании С. Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968). Политические институты здесь представляют собой форму морального консенсуса, организованного согласования интересов и соединения на этой базе линий поведения различных социальных акторов, соотношение сил между которыми постоянно меняется. Возможны самые разные колебания внешней, социальной среды, экономические кризисы и общественные волнения, но все зависит от эффективности и адаптивной реакции институциональных механизмов, их силы и способности управлять страной, поддерживать в ней стабильность. Характер и успех социальных изменений прежде всего зависят, таким образом, от уровня политической институционализации страны.

С. Хантингтон выдвигает довольно оригинальную концепцию, согласно которой политическая стабильность (или нестабильность) определяется в каждой стране соотношением темпов социальной

мобилизации, степени гражданского участия — с одной стороны, с темпами институционализации и оптимизацией уровня организации — с другой. В развивающихся странах постоянно происходит отставание институциональных перемен от экономических изменений (индустриализации, урбанизации и пр.) и, соответственно, от темпов роста социальной мобилизации и политического участия населения. «Политическая стабильность, как нами было доказано,— отмечает С. Хантингтон,— зависит от отношения институционализации к участию. Если политическое участие возрастает, то для поддержания политической стабильности необходимо усиление комплексности, автономности, адаптивности и интегративности политических институтов общества»⁷. При этом С. Хантингтоном здесь вводятся в оборот критерии институционализированности политики, определяющие уровень развития и степень эффективности тех или иных институтов, которые он располагает по четырем дихотомическим оппозициям: «адаптивность — ригидность»; «сложность (комплексность) — простота»; «автономность — субординированность» и «интегративность — разъединенность». Далее это и позволяет ему оценивать характер и вектор политических изменений в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Изменения в государственных институтах могут осуществляться достаточно автономно от их социальных и экономических условий, несмотря на существенную роль последних. Профессор Гарвардского университета Т. Скокпол обосновывает это базовое положение в монографической работе «Государства и социальные революции: Сравнительный анализ Франции, России и Китая» (1979), доказывая на материале трех великих революций (французской 1789 г., российской 1917 г. и китайской 1949 г.), что в эпоху острых политических кризисов именно новые государственные органы, автономные в основном от классового контроля «снизу», осуществляют роль субъектов основных социально-политических изменений. Во всех трех революциях политические лидеры заранее предполагали, а затем пытались осуществить революционные изменения прежде всего с помощью захвата и использования государственных органов, после чего следовала общая консолидация административно-бюрократического режима⁸. Таким образом, ведущую роль субъекта подобных политических изменений играла элита и бюрократия, опиравшиеся на контроль основных институтов государственной власти.

Вместе с тем история государственных институтов заставляет все же задуматься над вопросом об ограниченных возможностях сознательного и целенаправленного осуществления отдельными субъектами радикальных политических преобразований по заранее

Типы политических изменений ^{на}назначенному плану. Ведь далеко не всегда (если вообще в полной мере это случается) задуманные революционные программы и планы реформ, намеренные действия по их выполнению, приводят политиков к ожидаемым институциональным результатам в широком объеме и предполагаемом виде. Нередко бывает вообще все наоборот. Вместо социалистического и народного государства рабочих и крестьян, задуманного большевиками во главе с В. И. Лениным, россияне получили тоталитарную и бюрократическую диктатуру, а вместо «гуманного социализма» М. С. Горбачева получился «номенклатурный капитализм». «Трудности в любых изменениях политических институтов общеизвестны. Например, в большинстве западных демократий практически очень редки или вообще неизвестны заблаговременно спланированные попытки проведения масштабных структурных реформ законодательных органов»⁹, — отмечают сходный же момент сторонники концепции «нового институционализма» Д. Марч и Д. Олсен в работе «Вновь открывая институты» (1989). Чаще всего политические изменения выступают интегральным продуктом взаимодействия социальных сил и политических институтов, спонтанных и сознательных действий, объективных и субъективных факторов, макроструктурных перемен и совокупности микроакций, а также активности внутригосударственных и международных структур.

Весьма существенную роль в генезисе внутривнутриполитических изменений играют международные отношения и структуры. На возникновение революционного кризиса 1917 года в России повлияли неудачи в I мировой войне, а на падение военной диктатуры в Аргентине — ее поражение в вооруженном конфликте с Великобританией за Фолклендские острова. Т. Скокпол выдвигает даже гипотезу о том, что современные социальные революции вообще происходят в странах, занимающих в системе международных отношений невыгодную геополитическую и военную позицию. Важное значение в инициировании и исходе многих внутривнутриполитических изменений в отдельных государствах играет официальная и «теневая» деятельность транснациональных компаний и международных банков¹⁰. Например, одну из ключевых ролей в свержении в 1973 году левого правительства и Президента С. Альенде в Чили сыграла ТНК «Интернэшнл Телефон энд Телеграф» (ИТТ), осуществлявшая большие инвестиции в чилийскую экономику.

Политические изменения классифицируются по различным основаниям, из которых можно выбрать четыре наиболее распространенных варианта: во-первых, деление изменений в политической динамике на намеренные и спонтанные, эволюционные и катастрофные, революционные и

реформационные; во-вторых, выделение устойчивых и неустойчивых, например, внутрисистемных, репродуктивных и транзитных, переходных изменений и, в-третьих, изменения делятся на «прогрессивные» и «регрессивные», ведущие, в конечном счете, к социальной деградации или экономической стагнации и, наконец, в-четвертых, на институциональные и событийные. Остановимся на краткой характеристике каждой из этих оппозиций, выражающих те или иные существенные черты и тенденции политических изменений.

Первым по счету идет фундаментальное деление намеренных и спонтанных политических изменений, ярким примером чего служит ось «революция — реформа». Революции отличаются от реформ целым рядом особенностей. Во-первых, они затрагивают все стороны жизни общества: от экономики и социальной сферы до культуры, идеологии и психологии. Это происходит потому, что революции связаны с крайними формами социальной активности народных масс, стихийного развертывания системного кризиса общества. Отдельные реформы в политике не носят столь глубокого и всеобъемлющего характера, касаясь лишь тех или иных сторон политической жизни, как, к примеру, спланированная «сверху» царским правительством земская реформа 1864 года в России. Во-вторых, революции зачастую связаны с применением методов радикального принуждения и открытого насилия, тогда как реформы намеренно и сознательно осуществляются в большинстве случаев легальными и мирными средствами. В-третьих, революции по природе протекания носят быстрый, скачкообразный и взрывной характер, в то время как реформы чаще всего бывают постепенными, а их проведение в жизнь порой растягивается на долгие годы. И наконец, в-четвертых, революции обязательно связаны с изменениями самих основ системы политической власти, ну а реформы далеко не всегда их даже затрагивают. В то же время грани между реформами и революциями иногда весьма подвижны. Например, политические изменения в странах Восточной Европы в конце 80 — начале 90-х гг. после падения коммунистических режимов включают в себя как революционные преобразования, так и серию структурных реформ государственного управления и местного самоуправления.

Другой рубеж в типологизации политических изменений пролегает по линии «внутрисистемных» или «транзитных» преобразований. Данный подход раскрывает иную сторону политических перемен, а именно, отношение к системе институтов и базовых норм, образующей своего рода «каркас» любого государства. Первый тип процессов происходит на таком политическом поле, где,

образно говоря, как в шахматах или футболе, достаточно жестко очерчено число троков и судей (институты), оговорено время, процедуры и правила игры (политические и правовые нормы). Это относится к странам, в которых откристаллизовалась устойчивая политическая система, демократическая или тоталитарная, в «прокрустово ложе» которой и разворачивается любое политическое изменение, воспроизводящее при этом прежние роли акторов и функции институтов (например, семидесятилетний период во Франции III Республики).

Ко второму же типу (о нем ниже будет сказано подробнее) относятся политические перемены в тех странах, которые переживают период тотального изменения всей системы власти и ее институтов, как это было в свое время в России после февраля 1917 года. Саму же область теории политических изменений, связанную с изучением переходных или транзитных процессов (в основном переходов от автократических режимов к демократическим), радикальной трансформацией политических институтов, обозначают в современной политической науке термином «транзитология».

Третье же крупное деление видов перемен в политике связано во многом с ценностными ориентациями и аксиологическими критериями, при помощи которых и оценивается социальный «вектор» политических изменений, их «прогрессивный» или «регрессивный» характер. Многое в использовании такого рода типологизации зависит от табора самих точек отсчета, как правило, разделяемых большинством политологов, то есть аксиологических критериев позитивных, прогрессивных или негативно-регрессивных изменений в политической жизни. Еще недавно в отечественной обществоведческой литературе все политические преобразования в нашей стране и за рубежом оценивались лишь с точки зрения их соответствия «интересам рабочего класса» и «задачам строительства коммунистического общества». Сегодня же мы можем встретить в политических оценках почти такой же одноплановый критерий, но с диаметрально противоположным вектором соответствия теперь любых ориентиров социальных изменений ценностям и схемам либеральной, в основном американской, демократии. В своей знаменитой статье «Конец истории?» Ф. Фукуяма прямо указывает на этот способ оценки позитивности или прогрессивности природы любых политических изменений в любой момент, в любой точке земного шара, но лишь в контексте «триумфа Запада», поскольку уже произошел «конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»¹¹. Нельзя не усомниться в категоричном характере подобного суждения, несмотря на всю ценность либеральной демократической традиции Запада, когда

способ оценки многообразных политических изменений в десятках стран, сильно отличающихся по социокультурным и этническим условиям, сводится лишь к этому гомогенному критерию.

И наконец, последний четвертый критерий дает возможность отделить «количественные» накопления, событийные изменения, конфликтные ситуации между политическими акторами, не ведущие к институциональным переменам, от «качественных» сдвигов в институциональной структуре, обусловленных коренным изменением общего расклада социальных сил. Политологам поиск подобных критериев необходим для оценки политических преобразований в различных государствах. Ведь, как уже говорилось, далеко не каждое политическое изменение носит однозначно позитивно-прогрессивный характер (фашизм, тоталитарный коммунизм и т. д.).

Для выработки оценочного критерия можно, например, использовать так называемый «морфогенетический подход», согласно которому всякое изменение рассматривается как потенциальная «возможность, а не как конечное достижение; как динамическое, изменяющееся в ходе эволюции, относительное качество конкретного процесса, а не как абсолютный, универсальный, внешний стандарт; как историческая возможность, открытый выбор, а не как неизбежная неуклонная тенденция и, наконец, как продукт (часто непреднамеренный и даже неосознанный) человеческих — индивидуально разнонаправленных и коллективных — действий, а не как результат божественной воли, благих намерений великих людей или автоматического действия социальных механизмов»¹². Опираясь на подобный подход, можно попытаться оценить далеко не однозначные процессы и постепенные изменения, происходящие в политически стабильных и экономически развитых странах Запада, так же как и весьма противоречивые тенденции политического развития, пути модернизации развивающихся стран.

§ 2. СТАБИЛЬНОСТЬ И КРИЗИСНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Стабильность в политическом развитии

Трудно было бы себе представить политическую жизнь вообще без каких-либо изменений, базисных и событийных, качественных сдвигов или количественных накоплений. При этом подавляющее большинство политических лидеров, как и рядовых граждан, в стратегическом плане заинтересованы в установлении некоего устойчивого и стабильного порядка, регулирующего ход политической динамики. В то же время, как это ни парадоксально на первый взгляд, нестабильность нередко служит стимулом поиска общественного согласия и фактором обеспечения эффективных перемен, выступая своего рода прививкой от болезней политической стагнации,

«Политическая нестабильность в специальном смысле производит дух творчества и инновации»¹³, — отмечает этот парадокс американский политолог Д. Аптер в своей книге «Политическое изменение». В чем же состоит внутренний механизм поддержания стабильного порядка и его изменения, а в пределе и разрушения? Каковы основные элементы и параметры воспроизводства устойчивой и неустойчивой динамики политической жизни? Почему конфликтные и кризисные ситуации сменяются периодами стабилизации в политическом развитии одних и тех же стран?

В различных странах на разных этапах их развития встречаются самые разнообразные типы и темпы политических изменений и их комбинации, отражающие сочетания «новых» и «старых» институциональных компонентов. Иногда субъективно даже кажется, что в ином государстве нет вообще никаких перемен, как, например, в Парагвае в период диктатуры А. Стресснера в течение почти сорока лет в 1950—80-е гг. «Трансформация социального порядка — процесс непрерывный, но сам по себе очень медленный, — отмечает по этому поводу И. Шумпетер. — Для наблюдателя, который изучает небольшой отрезок «спокойного» времени, может даже показаться, что социальная система вовсе не меняется, Больше того, процесс часто испытывает откаты, которые, рассматриваемые изолированно, могут даже предстать перед ним как наличие противоположных тенденций»¹⁴. В других случаях перемены и реформы мелькают, как в калейдоскопе, и особенно часто это происходит в революционные эпохи. Все эти формы политических изменений политологами описываются в рамках различных теорий: «транзитологии» и «модернизации», «социологии революции» и «устойчивого развития», «зависимости» и «субразвития» и т. д. (Далее специально рассматриваются некоторые наиболее распространенные концепции, описывающие и объясняющие конкретные виды изменений тех или иных политических структур и институтов.)

Прежде всего надо попытаться очертить контуры категориального ряда, описывающего предельно общий механизм макроизменений в политике. Здесь целесообразно вернуться к уже упомянутым выше, *двум основным методологическим подходам: контекстуалистскому и институционалистскому*. В первом случае в центр анализа механизма перемен попадает проблема достижения или нарушения равновесия (или «эквистриума») между политической системой и составляющей ее «внешний контекст» социальной средой, к примеру, между правительством и влиятельными социальными группами (Д. Аптер, Х. Линц, А. Галкин и др.). Второй же подход, к числу сторонников которого можно отнести представителей «нового» институционализма (Д. Марч,

Д. Олсен, Д. Норт, Р. Патнэм и др.), связывает изучение причин дестабилизации и других политических сдвигов со сменой характера институционального общения людей, в свою очередь, обусловленного обновлением как формальных норм и процедур, так и неформальных регламентов и правил игры. Данные подходы вовсе не разделены «китайской стеной», поскольку многие составляющие их конструкты и понятия попросту переплетаются между собой.

Дихотомия «устойчивости-неустойчивости» в политической жизни

Эти два базовых подхода дают возможность сформулировать исходные теоретические модели и опеределить основные категории, с помощью которых можно построить обобщающую рабочую модель политических изменений: «устойчивость» и «равновесие», «стабильность» и «кризис», «консолидация» и «адаптация» и др. Прежде всего необходимо остановиться на родовых понятиях политической «устойчивости» и «стабильности», оппозицией к которым соответственно выступают категории «неустойчивости» и «нестабильности». Эти понятия проникли в самые разные концепции политической динамики, но наиболее подробно они разработаны в рамках структурно-функционального подхода, идей синергетики и теории катастроф. Исходным пунктом для анализа политической динамики выступает категория «устойчивости» политического процесса, которая обозначает, во-первых, его определенный период, имеющий соответствующие временные рамки и темпоральные характеристики, и во-вторых, уровень поддержания целостности и системной организованности определенного политического порядка.

В соответствии с теорией катастроф (Дж. Касти и др.) устойчивость динамической системы обусловлена действием двух полярных тенденций, одна из которых связана с воспроизводством и сохранением «старых» системных качеств (системообразующих, или так называемых «отрицательных»), тогда как вторая — наоборот обеспечивает «положительную» возможность адаптации политических структур к «новым» условиям, изменениям внешней среды¹⁵. При этом динамическая устойчивость политического порядка на той или иной фазе политического процесса носит относительный характер по отношению к непрерывной изменчивости социальной среды, текучести социального поля. «Динамическая устойчивость» политического процесса служит для различных государств неким идеальным типом или эталонной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать социальные проблемы. В связи с этим большую популярность среди теорий социально-политических изменений получила сегодня концепция так называемого «устойчивого развития» (Sustainable development), ближе всех к реализации

которой продвинулись развитые страны Европы, Северной Америки, Япония, Австралия и т. д.

Более узким понятием является категория «политической стабильности». Многие зарубежные и отечественные политологи (А. М. Салмин, Н. Н. Косолапов и др.) различают «устойчивость» и «стабильность» в политике. Стабильность соотносят с ситуативными и оперативными параметрами политической динамики, а устойчивость — со стратегическим, историческим ее измерениями. Стабильность в стране может быть достигнута путем тактического и временного соглашения между основными политическими силами, но до стратегической устойчивости политической жизни может быть еще очень далеко, как это было во Франции в феврале 1848 года, тогда рабочие и буржуа, первоначально составившие Временное правительство, уже в июне этого же года столкнулись на улицах Парижа в баррикадных боях. «Органическая устойчивость, инерционность в отличие от просто стабильности связаны не просто с легко нарушаемым равновесием двух или нескольких общественных сил, их более или менее неустойчивым перемирием, а с действием определенной интегрирующей «формулы», в которую сравнительно надолго отливается политическая культура всего общества»¹⁶. Итак, политическая стабильность выражает такое состояние политической динамики, при котором достигнуто временное равновесие (или баланс) сил основных политических акторов, после которого возможна и последующая дестабилизация, нарушение данного баланса. Процессы установления временной стабильности при отсутствии стратегической устойчивости весьма характерны для многих политических режимов стран Азии и Африки,

Состояниями, противоположными устойчивости и стабильности, являются неустойчивость и нестабильность. Крайней формой неустойчивости политической динамики выступает системный кризис всех сфер общественной жизни, длительный и нарастающий характер которого ведет иногда к революциям и распаду старой политической системы. Классическими примерами подобных политических катаклизмов являются революция 1789 года во Франции, события 1917 года в России или деградация, anomia, а затем и распад государственности в Сомали, разорванной в ходе гражданской войны на части враждующими кланами. А. де Токвиль отмечает две существенные причины, породившие неустойчивость политической динамики Франции, приведшую страну в 1789 году к Великой революции: во-первых, радикальное изменение соотношения сил между двумя ведущими классами, дворянством и буржуазии, когда последняя еще до революции перехватывает бюрократический контроль над управлением французским обществом, и

Кризис в политическом развитии во-вторых, упадок старых политических институтов, поддерживавших прежнее равновесие социальных сил. Он добавляет к этому, что административные реформы 1787 года (провинциальные собрания и т. д.), резко изменившие институциональную структуру Франции, усилили ее политическую неустойчивость, и «таким образом реформы приблизили революцию»¹⁷.

В отличие от состояния неустойчивости политической системы категория «политической нестабильности» выражает кризисные ситуации иного порядка, не обязательно сопровождающиеся ломкой или преобразованием политической системы, а связанные скорее с серьезной перегруппировкой сил. Например, в терминах политической нестабильности можно охарактеризовать текущую ситуацию в Израиле, обусловленную эскалацией актов террора и проблемами Палестинской автономии. В некоторых случаях ситуацию может дестабилизировать острый правительственный кризис, вызванный внезапной сменой кабинета министров.

Таким образом, как «неустойчивость», так и «нестабильность» политической жизни проявляется в форме кризисных явлений различной степени остроты. Так что же такое политический кризис как фактор социальных изменений? Этимологически термин «кризис» пришел из древнегреческого языка, первоначально означая поворотный, переломный пункт, ключевое решение или резкий исход событий. В.И. Ленин разработал специальное учение о «общенациональном кризисе». Центральным положением учения было утверждение о том, что при кризисе «верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» полны желанием изменить порядок государственного управления. Известный французский политолог М. Доган отмечает, что кризисы присутствуют в коллективной памяти любой нации, поскольку новые политические институты и режимы в основном возникают именно в кризисные периоды. «Нет ни одной нации, которая бы не знала коротких или относительно длительных кризисов: военных поражений и переворотов, революционных преобразований, заговоров, переворотов, террора, экономических депрессий, голода, гражданских войн и т. п.»¹⁸.

Политический кризис можно в первом приближении определить как ослабление или потерю равновесия между социальными акторами, сопровождающуюся снижением уровня или даже утратой управляемости страной со стороны государственных институтов. В специальной политологической литературе выделяют самые разные типы политических кризисов, например, кризисы (1) идентичности, (2) легитимности, (3) проникновения, (4) распределения и (5)

участия¹⁹. Если использовать описанную в главе III модель публичной власти для интерпретации этих типов кризисов, то все перечисленные кризисные формы связаны с теми или иными асимметричными изменениями внутри порядка властного общения. Это обусловлено прежде всего сдвигами в социальных позициях и потенциалах основных агентов властных отношений — управляющих и управляемых. Во-первых, это кризис и пересмотр базовых ценностей, смена национальных приоритетов и ориентации в государственной политике (например, переход от коммунистических приоритетов к рыночно-капиталистическим). Во-вторых, это кризис легитимности, который связан с утратой доверия и поддержки органов государственного управления со стороны народа. В-третьих, это кризис проникновения, обусловленный неэффективностью политических институтов в осуществлении своих функций на определенном социальном пространстве. В-четвертых, это кризис в распределении коллективных ресурсов, связанный с их дефицитом и несправедливым разделом в обществе. И наконец, это кризис участия, возникающий, по выражению С. Хантингтона, от несоответствия «сильного» общества и «слабых» институтов, не способных адаптировать повышенную активность людей, регулировать растущий уровень их мобилизации.

Итак, равновесие и устойчивость, с одной стороны, и кризисная утрата равновесия сил между основными акторами, ведущая к неустойчивости институтов, с другой, образуют два потенциальных «полюса», которые и образуют «энергетику» политического процесса, векторы его изменений. На этот процесс оказывает сильное влияние тип страны и ее институциональная организация.

§ 3. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СТАБИЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Соотношение устойчивости и изменчивости в развитых странах

Чем же отличаются государства, способные сохранять стабильность и преодолевать кризисные тенденции посредством инноваций и реформ, от стран, переживающих перманентные и системные кризисы, приводящие к путчам и переворотам, восстаниям и гражданским войнам? Существует целый ряд политических, социально-экономических и социокультурных факторов, обуславливающих эти различия. К примеру, к ним относится роль традиций и обычаев поиска консенсуса и нахождения компромиссов, или же применения силы при возникновении разногласий между конкурирующими акторами.

В то же время в современной политологической литературе значительное место в объяснении успехов западных демократий

занимают именно институциональные механизмы поддержания устойчивости и стабильности. При этом надо иметь в виду, что политическая стабильность может быть воспроизведена не только в демократических, но порой и в тоталитарных странах. За более чем семь десятилетий существования СССР политический режим периодически эволюционировал в направлении некоторой либерализации (от Сталина к Хрущеву, от Брежнева к Горбачеву), обеспечивая в известные моменты достаточно высокий уровень институциональной стабильности (воспроизводства институтами государства, КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС известного набора социальных функций).

На это обратил внимание американский политолог С. Хантингтон, который еще в конце 60-х гг. различал политические системы не по традиционным видам политических режимов, а по уровню стабильности, организационной «силе», степени устойчивости институтов, регулирующих политическую динамику. Анализируя именно условия эффективного поддержания политического порядка при осуществлении быстрых социальных изменений, он замечает следующее: «Различия между демократией и диктатурой меньше, чем различия между теми странами, в которых существует консенсус, единство, законность, организация, эффективность, стабильность, и теми странами, в политике которых отсутствуют эти черты. И коммунистические тоталитарные государства, и западные либеральные государства относятся скорее к категории сильных, чем слабых политических систем. Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз имеют различные формы управления, но во всех трех системах правительство действительно управляет. Эти правительства пользуются лояльностью своих граждан и поэтому распоряжаются налоговыми средствами, могут использовать людские ресурсы, вводить новшества и осуществлять политику»²⁰. Именно в этом стабильная политическая динамика в «первом» и «втором» мирах (на конец 60-х гг.) отличалась, по мнению С. Хантингтона, от неустойчивого и рваного ритма политических изменений в большинстве развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Конечно, распад СССР и трансформация бывших коммунистических стран заметно скорректировали выводы об уровне их стабильности, но, пожалуй, для конкретного периода послевоенного политического развития они имели известные основания. В то же время, как отмечает Х. Арндт, временная стабилизация в тоталитарных режимах достигается путем идейного принуждения и политического насилия, а в целом стабильность тоталитарного правления противоречит его социальной природе²¹. Внешняя стабильность и «единство партии и народа» в период «великого

террора» в СССР в конце 30-х гг., например, покоились на постоянной борьбе с «объективными классовыми врагами» внутри и вне страны. Позднее на рубеже 1970 — 80-х гг. в нашей стране развилась иная форма «стабильности» — так называемый политический и экономический «застой», подготовивший катастрофический распад СССР в начале 1990-х гг.

«Новый институционализм» о механизме политических преобразований

Устойчивый экономический рост и относительную результативность ряда политических преобразований в развитых и демократических странах Запада политологи объясняют с различными причинами в зависимости от позиций исследователя. Представители довольно влиятельного в современной социальной науке «нового» институционализма объясняют успехи западных демократических государств прежде всего наличием эффективных политических институтов, адекватно воспроизводящих свои базовые функции и гибко адаптирующихся к меняющимся социальным обстоятельствам.

Американский ученый Д. Норт, определяя институты как систему формальных правил, неформальных норм и их реализующих механизмов общения людей, ставит вопрос о причинах выбора различных направлений институциональных изменений, начиная с XVI века, со стороны двух ведущих для того времени держав — Испании и Англии. Вначале наблюдается сходство социальных проблем и политических структур в этих странах: королевская власть и бюрократия, а рядом с ней возникают законодательно-представительные органы: парламент и кортесы, у которых при этом формируются различные «правила игры». В Великобритании XVII века, при Тюдорах, между короной, парламентом и купцами была достигнута трехсторонняя договоренность, по которой парламент расширял свои права в обмен на введение новых налогов.

В Испании в это же время политические изменения проходят иным путем: закрываются каналы выражения интересов и выдвижения проблем, ограничиваются средства представительства различных групп населения и тем самым нейтрализуются механизмы саморегуляции социального общения. «На языке нашей модели институционального развития, — делает вывод Д. Норт, — это означает, что в противостоянии между короной и кортесами верх брала корона, что соответственно означало постепенный упадок кортесов. Управленческая структура превратилась в громоздкий и сложный бюрократический аппарат, и короне приходилось предпринимать бесконечные попытки сохранить контроль над своими, разбросанными по всему миру агентами»²².

Концепция «устойчивого развития» Нечто подобное в становлении механизмов поддержания стабильности и институциональных изменений происходило и в других странах Европы, причем эти противоположности и различия встречались даже на территории одной страны. Достаточно фундаментальный сравнительный анализ трансформации политических институтов Севера и Юга Италии был проведен Р. Патнэмом на базе эмпирического исследования двадцатилетней деятельности региональных правительств, с момента их создания в 1970 году и по конец 80-х гг. Р. Патнэм приходит к выводу о существовании двух основных типов коллективной деятельности и институционального общения, которые вели к тому, что стартовавшие в 1970 году одновременно во всех областях Италии реформы региональных правительств дали совершенно различные результаты; от экономического роста и эффективного механизма управления в Ломбардии, Венето и Эмилии-Романье до стагнации в экономике и крайней коррупции в политической жизни в Калабрии, Пуглии и на Сицилии.

В основе этого различия лежат две системы правил политического общения, складывавшиеся десятилетиями и даже столетиями: на Севере — «горизонтальная» гражданская солидарность и взаимное доверие, а на Юге Италии — «вертикальный» негражданский клиентелизм и взаимная изоляция. Это и позволило Северу Италии гораздо более эффективно проводить институциональные преобразования и экономические реформы, чем остальным регионам Юга. «По меньшей мере десять столетий Север и Юг Италии использовали различные подходы к дилеммам коллективного действия,— пишет Р. Патнэм.— На Севере нормы взаимности и структуры гражданской вовлеченности воплотились в «общества башни», гильдии, общества взаимопомощи, кооперативы, профсоюзы, спортивные клубы и даже библиотечные кружки. Эти горизонтальные гражданские узы позволили достичь более высоких в сравнении с Югом показателей экономической и институциональной деятельности»²³. В этом и заложено основание для обеспечения стабильного институционального и устойчивого экономического развития. Остановимся подробнее на анализе самого понятия «устойчивое развитие» (Sustainable development).

В самом общем смысле слова «развитие» означает вид изменений объектов, имеющий определенное направление, необратимый и закономерный характер²⁴. В последние годы в политологии и социологии значительное распространение приобрела концепция устойчивого развития. Какой же смысл вкладывается в понятие «устойчивое развитие» демократического государства? К странам устойчивого политического развития, как отмечено выше, относят прежде всего западные демократии Европы, Северной Америки, Австралии и т. д.

«Демократия является устойчивой,— подчеркивает профессор Нью-Йоркского университета А. Пржеворски, — когда институциональная структура способствует достижению таких нормативно должных и политически ожидаемых результатов, к примеру, как предотвращение самочинного насилия, обеспечение физической безопасности, равенства или справедливости, и при этом политические институты, в свою очередь, адекватно преодолевали кризисы в тех случаях, когда подобные цели не были еще полностью реализованы»²⁵. Демократические изменения нельзя считать лишь прямым продуктом воздействия социально-экономических и социокультурных факторов, поскольку многое зависит именно от политико-институциональных структур, норм и процедур, дающих возможность разрешать конфликты и преодолевать кризисы даже в неблагоприятных для развития демократии условиях (депрессия, война, сепаратистские и этнические волнения и т. д.).

Демократическое развитие становится устойчивым только тогда, когда складывается институциональная структура, с одной стороны, достаточно гибкая и адаптивная для разрешения социальных конфликтов, но в то же время достаточно сильная и ригидная для того, чтобы противостоять их эскалации. При этом, добавляет Адам Пржеворски, для поддержания устойчивого развития необходимо, чтобы все основные политические силы предпочитали плюралистическую институциональную систему для выражения своих интересов и ценностных ориентации, что даст возможность достигать относительного согласия, необходимого для разработки и осуществления правительством стратегии реформ, таким образом, в процессе политических преобразований в развитых капиталистических странах существенную роль играет выработка адекватной государственной стратегии, снижающей порог стихийности и неопределенности социальных изменений.

В качестве примеров можно привести социально-экономические изменения, политические инновации и реформы, проводившиеся в двух англосаксонских государствах Старого (Великобритания) и Нового (США) Света. В первом из них в 80-е гг. консервативное правительство М. Тэтчер столкнулось с кризисной ситуацией, вызванной технологической перестройкой производства, повлекшей за собой в середине десятилетия массовую безработицу в 3,2 млн. чел. (более 12 % рабочей силы страны). Радикально перестроив систему социального обеспечения, правительство тори к началу 90-х постепенно добивается перелома в структурных реформах, сохраняет целый ряд социальных стабилизаторов и затрачивает на это немалые ресурсы. Расходы на общественные нужды при правлении кабинета М. Тэтчер в иные годы превышали 50% ВИН страны, в то время как их максимум при лейбористах составлял

только 46%²⁶. Несмотря на дестабилизирующие факторы, сопутствовавшие жесткой экономической стратегии тори, политическая система Великобритании (маятник двухпартийной системы и т. д.) к началу 90-х годов выдержала социальные преобразования и структурную перестройку хозяйства страны. В то же время политическая трансформация в «самой стабильной стране» несомненно активно разворачивается, свидетельством чему является создание автономных парламентов в Шотландии и Уэльсе в конце 1990-х гг. после прихода к власти лейбористского правительства Т. Блэра, предложившего курс на определенную децентрализацию ряда институтов власти.

Рассмотрим теперь другой «эталонный» вариант обеспечения политической устойчивости — более чем двухсотлетний опыт одновременного поддержания стабильности и проведения институциональных реформ в США. В этой стране инициатива проведения тех или иных политико-административных изменений попеременно исходила в основном либо от Конгресса, либо от Президента. Характерно, что в Соединенных Штатах существовала давняя традиция введения «сверху» институционализированным путем тех или иных политических изменений посредством административно-правовых реформ, принятия в законодательном порядке актов, устанавливающих новые «правила игры», причем, эта традиция действовала даже в периоды кризисов, войн или депрессий. Важными стабилизационными механизмами в американской политической динамике выступают, во-первых, системы разделения властей, «сдержек и противовесов» по «горизонтали» (между Президентом, Конгрессом и Верховным Судом США), во-вторых, относительная децентрализация и четкое разграничение властных полномочий по «вертикали» (между федеральными органами, штатов — региональными и местными структурами), в-третьих, «маятниковая», биполярная система перегруппировки двух основных политических партий (демократов и республиканцев) и, в четвертых, определенный гражданский контроль и давление «снизу» посредством использования выборов, самоуправления, СМИ, общественных организаций и движений и т. д.

«Отцы-основатели» США (А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и др.) еще в конце XVIII века пытались разработать своего рода «золотое сечение», или формулу, содержащую оптимальную пропорцию между устойчивостью и изменчивостью в государственной политике. В известном смысле им удалось сформулировать общие принципы подобного «оптимума», позволившие Соединенным Штатам долгие десятилетия поддерживать устойчивый характер политического развития. Дж. Мэдисон подчеркивает в «Федералисте», что государственная власть, с одной стороны, должна постоянно реагировать и адаптироваться к меняющимся требованиям народа, и

получая у него полномочия, и находясь от него в зависимости. Но с другой стороны, продолжает «отец-основатель», «устойчивость в управлении нуждается в том, чтобы кормило подолгу держали одни и те же руки. Частые выборы приведут к частой смене выбираемых, а частая смена выбираемых — к частой перемене мер, меж тем, чтобы правительство обрело силу, оно должно пользоваться властью и, более того, осуществлять ее посредством одной пары рук»²⁷. Члены Сената, избираемые на 6 лет, также были призваны нейтрализовать те или иные слишком быстрые действия и радикальные инновации исполнительной власти, осуществляемые под прямым давлением народа.

Двухсотлетняя традиция политического развития США характеризуется в основном устойчивостью и стабильностью. Несомненно, нельзя забывать что американская социально-политическая динамика знакома и с затяжными кризисами (депрессия конца 1920 — начала 1930-х гг., приведшая к «новому курсу» Ф. Рузвельта), и с острыми конфликтами (гражданский протест молодежи в 1960-е гг., связанный с войной во Вьетнаме), и с институциональными баталиями («Уотергейтское дело», закончившееся отставкой Президента Р. Никсона в начале 1970-х гг.). И в то же время за всю историю Соединенных Штатов лишь один раз, в период Гражданской войны, была поставлена под серьезное сомнение устойчивость институциональной системы и политического режима. Итак, к числу условий, объясняющих устойчивость политического развития своей страны, американские политологи чаще всего относят следующие: экономическое благополучие и обилие материальных ресурсов; устойчивое социальное положение многочисленного «среднего класса»; невысокий уровень политического участия и относительная умеренность социальных требований населения; децентрализация системы государственных и общественных институтов; открытость каналов гражданского давления и протеста для артикуляции индивидуальных и социальных интересов; особенность ценностей и традиций американской политической культуры и ее адаптивных механизмов, связанных с нормами права и морали; «маятниковая» двухпартийная система, профсоюзы и другие объединения, способствующие выражению групповых требований; символическое и реальное реагирование конгрессменов на требования избирателей; эффективный аппарат госуправления и т.д.²⁸.

Разрушение демократических режимов

Опыт устойчивого политического развития североамериканской модели демократии во многом оказался уникальным. Многие современные политологи (А. Валенсуэла, Ф. Риггс, Х. Линц и др.) считают, что страны Латинской Америки, скопировавшие американскую модель, так и не добились устойчивого развития, и более

того, она их привела к политической нестабильности, нутом и переворотам²⁹. Это порождает, в частности, проблему эскалации регрессивных и дестабилизирующих политических изменений, кризиса демократических режимов, их распада и даже трансформации в авторитарные формы: от умеренноавторитарных до радикально тоталитарных. Эффективное функционирование и стабильное развитие демократических структур во многом зависит здесь от соотношения и равновесия сил между правящими и оппозиционными группами и их организациями, что обуславливается в свою очередь их ресурсами и уровнем поддержки населением «снизу». Как же происходят в таких случаях нарушение этого равновесия социальных сил и утрата относительно стабильного характера политического развития?

Для ответа на этот вопрос в политологии были разработаны концепции, объясняющие и описывающие политические изменения, связанные с разрушением демократических режимов. Одна из наиболее серьезных попыток создания теоретической модели распада демократических режимов была предпринята профессором Йольского университета Х. Линцем, который обосновывает тезис о существовании неких последовательных повторяющихся фаз при крушении демократических структур в самых различных странах. Схематично его логику в интерпретации подобных институциональных изменений можно воспроизвести следующим образом. Во-первых, демократическое правительство, получившее власть в результате свободных выборов, утрачивает в какой-то момент способность поддерживать равновесие с оппозиционными группировками. При этом ослабевает легитимная поддержка «снизу», а также эффективность и дееспособность управления «сверху». Происходит постепенное ослабление и утрата контроля над отдельными сферами управления. Снижение роли парламентских форм в Веймарской республике в Германии к началу 1930-х гг. подготовило предпосылки для заполнения образовавшегося вакуума власти иными авторитарными институтами.

Во-вторых, затем наступает фаза кризиса демократического режима, который возникает как результат неспособности решать основные проблемы страны и возрастания роли насильственных мер (чрезвычайное положение, ограничение гражданских свобод и т. д.). Эта фаза завершается утратой монопольного контроля демократического правительства над государственными органами, армией и полицией. Кроме того, например, антидемократическая оппозиция в период между двумя мировыми войнами в Германии, Италии, Австрии, Испании сумела сформировать военизированные организации. Образуется вакуум власти, который ведет или к вооруженной конфронтации, или к мирной передаче власти. Это может быть

Специфика переходной динамики захват власти в легальной форме, в свое время осуществленный Муссолини и Гитлером, или форма гражданской войны, как это произошло в Австрии в 1930-е гг.

И в-третьих, старое равновесие сил окончательно разрушается. Демократические силы теряют власть. Наступают институциональные изменения, связанные с роспуском парламента (например, в Германии после прихода к власти Гитлера) и отменой старой конституции. В то же время, отмечает Х. Линц, это не единственная альтернатива. Возможен и другой путь выхода из кризиса — восстановление демократической легитимности, консолидация режима и обретение нового равновесия социальных сил. Нечто подобное произошло после острейшего кризиса конца 1950-х гг. во Франции, стоявшей перед угрозой военного путча. Это обеспечило переход страны к новой институциональной системе Пятой республики. Такой переход сопровождался перетряской взаимоотношений между исполнительной и Законодательной властью и принятием новой Конституции 1958 года, закрепившей новые правила политической игры.

В итоге можно выделить три основных пути осуществления политических изменений в странах с относительно устойчивой политической структурой: 1) стимулирование «маятниковых» и «рутинных» институциональных механизмов постепенной адаптации к меняющейся социальной обстановке (США); 2) реформирование институциональных структур, стабильных правил и процедур, и тем самым преодоление противоречий, конфликтов и кризисов (переход Франции к V республике) и, наконец, 3) так называемый «радикальный шок», граничащий с революционным кризисом, предполагающий быстрые перемены, но при этом весьма слабо контролируемые в институциональном отношении³⁰.

§ 4. МАКРОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОЙ ДИНАМИКИ. КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ТРАНЗИТОЛОГИИ

Проблемы переходов от одних качественных состояний социальной динамики и институциональной системы к другим создали в политологии целый блок методологических подходов и теоретических концептов, который постепенно складывается в особую субдисциплину, называемую «политической транзитологией» (от английского слова — «transition» — переход). В число исследуемых транзитологией объектов попадают страны, имеющие различные уровни социально-экономического и политического развития: от индустриально развитых до самых отсталых. Различия между государствами, проходящими тот или иной переходный период в своем политическом развитии, и

странами, развивающимися в рамках так называемой «устойчивой» модели, носит прежде всего аналитический и темпоральный характер, поскольку, как уже замечено выше, практически все, от Сомали до Швейцарии, государства переживали в своей истории те или иные фазы устойчивых и переходных состояний, но с той лишь разницей, что направленность, временной интервал, качественный характер и результат переходных изменений у них существенно различаются.

В послевоенный период, начиная с 1950 — 60-х гг., в рамках политической науки проблематика политического развития и изменений, переходов и трансформаций начинает разрабатываться особенно интенсивно. Конечно же, в первую очередь это было связано с самой интенсивностью политической динамики во многих развивающихся странах, вызванной процессами деколонизации, и вследствие того, проблемами выбора пути социально-экономического и политического развития в условиях противоборства двух общественных систем: капиталистической и коммунистической. Какую институциональную и социальную модель выбрать на перспективу: парламентскую или президентскую, унитарную или федеративную, авторитарную или демократическую, буржуазную или же марксистско-ленинскую, социалистическую,— весь этот комплекс вопросов встал перед политическими лидерами и элитами стран III мира. Процессы адаптации социально-политических моделей в практике трансформирующихся государств, пробы и ошибки, продвижение вперед и откаты назад стали объектом двух крупнейших направлений политологических исследований: во-первых, теории «развития» и, во-вторых, теории «переходов» или, соответственно, «политологии развития» и «политической транзитологии».

Исторически раньше всех других подходов в 1950-е гг. появляются концепции политического развития и модернизации. Авторы этих концепций исходят из разработанного еще М. Вебером, Ф. Теннисом и Т. Парсонсом методологического принципа дихотомического разделения существующих стран на «традиционные», сохранившие персонализированные отношения зависимости и барьеры социальной мобильности, и на «современные», основанные на рациональной организации и функциональной дифференциации институтов, преодолевающей отношения личной зависимости и разрушающей барьеры на пути групповой мобильности. Таким образом, категория «политическое развитие» определялась в весьма узком смысле, поскольку под развитием подразумевался лишь модернизационный переход от традиционных структур к современной политической системе. Все развитые страны в свое время прошли через известный период модернизации примерно с конца XVII в. до начала XX в. Крупный специалист по теории политического развития

С. Айзенштадт характеризует модернизацию как «процесс изменений относительно тех типов социальных, экономических и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а с девятнадцатого до двадцатого столетия — и на Южноамериканский, Азиатский и Африканский континенты»³¹. Другими словами, авторы данной концепции выстраивали схему линейной эволюции, согласно которой все государства проходят примерно одни и те же стадии развития.

Любопытно, что в этот же период (1950 — 60-х гг.) в СССР и других странах коммунистического блока создаются концепции «некапиталистического пути развития» и «социалистической ориентации» стран третьего мира, в построении которых немало общего с западными доктринами «политического развития» и «модернизации». Разработчики этих конструкций также исходили из некоей «идеальной модели» последовательного и линейно-поступательного продвижения к обществу «современному и прогрессивному», социализму советского типа, но при этом иначе решая задачи технологической, индустриальной перестройки, экономической модернизации, проведения институциональной реформы, включающей построение «авангардной партии» и «государства социалистической ориентации», и наконец, внедрение марксистско-ленинской идеологии. «Содержание некапиталистического пути развития,— по мнению автора одного из наиболее концептуально проработанных подходов данного рода И.Л. Андреева,— составляет переход в основном от докапиталистических отношений к переходным политическим и хозяйственным формам некапиталистического характера, которые в принципе могут послужить основой развития в направлении социалистического общества»³². В качестве примеров «некапиталистического развития» приводился довоенный опыт Монголии, Бухары, Хорезма, Тувы, так же как и послевоенный — деколонизации и выбора пути развития ряда стран Тропической Африки (Танзании, Конго и др.), Азии (Бирма) и т. д.

Преодоление многоукладности экономики, ее аграрного и традиционного характера, становление промышленности, формирование национального рабочего класса и его авангарда, революционно-демократической партии должны были в соответствии с этой логикой привести к построению государства социалистического типа, преобразованию общинных структур в социалистические при политической поддержке и экономической помощи мирового социализма. Каковы же результаты осуществления этой стратегии развития? Во-первых, это огромные внешние задолженности ряда государств бывшему СССР, исчисляемые десятками миллиардов

Концепция политической модернизации долларов, которые Россия как правопреемник Советского Союза пытается в настоящий период взыскать через Лондонский клуб и другие каналы. Во-вторых, результатом стали утрата влияния большинством «авангардных партий» и неудачи в экономических и политических преобразованиях традиционного общества.

Что же касается политологических концепций перехода к «современному обществу», разрабатывавшихся на Западе, то они разделились на ряд таких основных направлений, как теории 1) «модернизации»; 2) «развития»; 3) «отсталости» (или «субразвития») и 4) «зависимости». Попробуем последовательно дать краткую характеристику каждой из этих концепций. Как уже отмечалось, одной из первых попыток построения теоретических конструкций, описывающих процессы политических изменений в третьем мире, стала разработка концепции политической модернизации. Понятие «модернизация» используется обычно и трех основных значениях: во-первых, в самом общем смысле, как направление прогрессивных изменений; во-вторых, как модель социальных трансформаций, происходивших на Западе с XVII по XIX век (С. Айзенштадт) и, в-третьих, в узком смысле, как способ эволюции отсталых стран, переходящих от «периферийного» к «магистральному» типу общества.

В 1960 году в работе «Стадии экономического роста: Некоммунистический Манифест» У. Ростоу выделяет пять основных стадий развития: 1) традиционное общество с примитивной технологией, преобладанием земледелия и семейно-клановых связей; 2) переходное общество, появляющееся как реакция отсталой Периферии на развитие передовых стран Центра; 3) взлет, связанный с индустриализацией, урбанизацией и накоплением; 4) движение к зрелости, многоотраслевой и технологичной структуре экономики и 5) общество массового потребления, где экономическая структура смещается в направлении сферы услуг и производства потребительских товаров длительного пользования. Позднее им была выделена и шестая стадия «поиска качества» социальной жизни. Высшие фазы, по мнению У. Ростоу, достигнуты Северной Америкой, страны же Западной Европы находятся в движении к пятой стадии, что для всех остальных стран является — близкой или далекой — перспективой³³. Таким образом, модернизация в рамках подобного взгляда представляется «вестернизацией».

Политическая модернизация, по У. Ростоу, осуществляется прогрессивной элитой, которая при поддержке «снизу» и «извне» ликвидирует старые, традиционные институты власти, создавая при этом их более современную замену.

Для объяснения этого процесса один из «отцов» доктрины политической модернизации Д. Аптер использует следующую схему. Существуют два основных типа политических систем: «сакрально-коллективистская» (или мобилизационная) и «секулярно-либертарианская» (или плюралистическая) модели. Первая модель, связанная с персонифицированным лидерством, иногда даже религиозной верой в харизматического лидера и гегемонией массовой партии (Китай при Мао Цзе-дуне, Гана при Нквеме Нкруму, Египет при Насере), противопоставляется второй идеальной модели политического плюрализма, при которой происходит диверсификация власти и лидерства, заключаются многочисленные сделки и компромиссы (США). Таким образом, по Аптеру, модернизация есть частный случай политического развития, связанный с периодом преобразования традиционной, мобилизационно-автократической системы в демократическую, «согласовательную» (reconciliation) модель современного типа, где начинают работать структурно иные, более дифференцированные институты и механизмы их функционирования (плюралистическая партийная и законодательная системы), которые в старой системе просто отсутствуют³⁴.

Ортодоксальные положения теории политической модернизации были подвергнута критике, а затем и переосмыслению в 1970—80-е гг. Во-первых, было подвергнуто сомнению положение о строгой последовательности фаз линейной эволюции (например, это продемонстрировал опыт развития ряда «азиатских драконов»). Во-вторых, критика обрушилась и на модели этноцентристской, «вестернизаторской» модернизации, поскольку многие страны успешно сочетают традиционные и современные институциональные компоненты (Япония). Критической оценке подверглась претензия модернизационной доктрины на универсализм, в соответствии с которым все государства двигаются в направлении перехода от гетерогенных к гомогенным, одинаковым институтам власти. В-третьих, далеко не все и не всегда в механизме осуществления стратегии модернизации носит демократический в политике и прогрессивный в экономике характер. Например, сталинская индустриализация и коллективизация в СССР имели огромное количество социальных издержек. Опыт семи декад XX века подтверждает, — отмечает Б. Мур, — недемократические, а нередко антидемократические способы модернизации вполне успешно навязываются для решения государственных задач в ряде стран".

К основным характеристикам политической модернизации относили следующие параметры: во-первых, растущее усиление и централизацию государственной власти на национальном уровне вместе с ослаблением традиционных ее источников родо-племенного типа; во-вторых, дифференциацию и специализацию политических

Концепция «отсталости» институтов и, в-третьих, растущий уровень участия народных масс в политике³⁶».

Некоторые из приведенных выше характеристик роднят теорию модернизации с концепцией политического развития, которая понимается в узком смысле слова, как одно из направлений общей теории (или подхода) развития (developmental approach), связанное прежде всего с институциональными переменами. Что же собой представляют эти институциональные изменения, не являющиеся при этом простым следствием «экономического развития»? Концепция политического развития концентрирует свое внимание на институтах политической системы и их трансформации. Вот какие признаки политического развития даст бывший президент Американской ассоциации политической науки Л. Пай. Он определяет политическое развитие как процесс перемен, характеризующийся, во-первых, усилением дифференциации политических структур, во-вторых, возрастанием способностей системы решать социальные проблемы и управлять общественными делами и, в-третьих, развитием участия и равноправия граждан при включении в политику".

Современные политические системы характеризуются высокой степенью *структурной дифференциации*, при которой каждый отдельный институт выполняет свою специфическую функцию. В этом смысле под «развитостью» в структурно-функциональном отношении понимается наличие дробных институциональных механизмов: разделение функций между законодательными, исполнительными и судебными органами, система партий и общественных объединений, артикулирующих и агрегирующих групповые и индивидуальные интересы. В примитивных же системах управленческие функции могут быть сконцентрированы в руках традиционного вождя и его окружения³⁸. Р. Даль связывает это качество развивающейся политической системы с существованием внутри нее «автономных подсистем», например, суда и парламента, в определенной степени независимых от исполнительной администрации.

Возрастание способностей политической системы к управлению общественными делами состоит, по мнению Л. Пая и С. Верба, в возможности ее адаптации к изменяющейся социальной среде и проведению соответствующих институциональных инноваций, проявлении способностей к мобилизации материальных и человеческих ресурсов, а также к выживанию системы и воспроизводству институционального общения людей путем их социализации.

В целом же разработка концепции политического развития породила и альтернативные подходы, в частности, теории «зависимости» и «отсталости», или «субразвития». Последние

во многом явились критической реакцией на этноцентризм западных идей «развития» и «модернизации».

По сути дела, теория «отсталости» (или «субразвития», «недоразвития» — от англ. «underdevelopment») исходит уже не из истории развитых демократических стран, также переживавших когда-то модернизацию, а прежде всего из собственного опыта развивающихся государств, их отношений как Периферии капитализма к его Центру на Западе. Сторонники теории отсталости (С. Фуртадо, А. Франк, С. Амин и др.) нередко используют элементы марксистской аргументации, утверждая, что неразвитость экономики стран третьего мира сложилась под влиянием глобальных факторов, в частности, торговой экспансии развитых стран, импортировавших промышленные товары и экспортировавших сырье, что привело к «гибридной», «дуалистической» структуре развивающихся стран, сочетающих внедрения современного капиталистического уклада с одновременной консервацией архаичных, традиционных форм. Например, А. Франк делает для Латинской Америки вывод, что «отсталость является компонентом процесса исторического развития, когда неразвитость и развитость представляют собой два аспекта одного всеобщего процесса, поскольку оба эти явления существуют одновременно, связаны функциональным способом, между собой взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга»³⁹. Таким образом, ускоренное развитие продвинутых государств осуществляется и за счет отсталости и недоразвития стран третьего мира.

В рамках концепции «отсталости» обычно выделяются три тенденции субразвития: во-первых, зависимость между характером развития «метрополии» в центре и «сателитов» на периферии; во-вторых, неравные условия развития «богатых» и «бедных» государств и, наконец, в-третьих, неравномерные темпы экономического роста и институциональных перемен в различных странах. А. Франк отмечает, что проблему отсталости можно интерпретировать только в рамках современной системы международных экономических и политических отношений, мирового капиталистического развития, разделения труда и экспортно-импортных связей. Например, в ряде случаев аграрный сектор производил продукцию на экспорт лишь для того, чтобы импортировать предметы потребления для богатых, а вовсе не внедрять современные технологии, что сохраняло доиндустриальные отношения и экономике и консервировало отсталость в организации политических институтов (авторитарные и олигархические режимы в Парагвае, Никарагуа и т. д.). Тем не менее, некоторые теоретики «субразвития» (С. Амин) считали, что в мировом контексте переход от капитализма к социализму

Концепция «зависимости» как новому международному порядку начнется скорее на «отсталой Периферии», чем в «развитом Центре»⁴⁰.

Тесно связана с подходом «субразвития» И теория «зависимости» (или «депендизма», зависимого развития от испан. «dependiente» — зависимость). Возникла эта концептуальная модель в 1960-е гг. для анализа стратегии социально-экономического и политического развития стран Латинской Америки, позднее найдя сферы приложения и в отношении Азии и Африки. Что же представляет собой «зависимость» Я «зависимое развитие»? «Под зависимостью,— пишет бразильский ученый Т. Дос Сантос,— мы подразумеваем ситуацию, при которой экономика определенных стран обуславливается развитием и экспансией иной экономики, в отношении которой первая носит подчиненный характер»⁴¹. В рамках теории зависимости встречаются различные, марксистские и немарксистские, подходы и версии: структурализм и национализм, «субимпериализм» и «развитие отсталости» и т. д.

Одна из версий, в рамках которой интерпретируются проблемы зависимости, изложена в трудах известного бразильского социолога и политика Фернандо Кардозо, автора концепции «зависимого капиталистического развития», нынешнего президента Бразилии. Ф. Кардозо считает, что в латиноамериканских странах сложилась ситуация «структурного дуализма», когда развитие современного капиталистического сектора и деятельность транснациональных корпораций раскалывают общество на различные группы интересов. С одной стороны, национальная буржуазия и рабочий класс, сотрудничающие или вовлеченные в деятельность ТНК, заинтересованы в укреплении этого сектора национальной экономики, тем более что в последнее время зарубежные инвестиции стали смещаться из аграрно-сырьевых отраслей в развитие промышленности. Но с другой стороны, деятельность ТНК нередко разоряет и маргинализирует часть местной буржуазии и рабочего класса, не связанных с международными корпорациями, что порождает внутренние противоречия и политическую нестабильность, порой даже приводящие к военным переворотам⁴². Кроме того, в этих противоречивых процессах заметную роль нередко играют такие международные организации, как Организация американских государств, Мировой Банк, Международный валютный фонд, требующие от правительств проведения довольно жесткой социально-экономической политики и, в частности, сокращения расходов на социальные нужды, а также оказания поддержки лишь предприятиям с современными технологиями. В целом же концепции «отсталости» и «зависимости» обращают много внимания на такие условия социального развития

стран третьего мира, как эксплуатация и бедность, неравенство в накоплении, торговле и обмене, нередко упуская при этом первичные факторы, анализ глубинной структуры производства и специфики производственных отношений, роли государства и основных классовых сил в регулировании рыночной экономики.

Следующим крупным направлением теории политических изменений выступает разработка (иногда параллельно с концепциями «политического развития») *политической транзитологии*, которая разворачивается в западной политологии с начала 1970-х годов. Под центральным понятием «политический переход» в рамках этой теории обычно понимаются социальные и институциональные преобразования, связанные с продвижением от автократических, тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим способам управления. Как уже выше было замечено, подобное видение, конечно же, сужает понятие «перехода», поскольку в широком смысле последнее может в себя включать все исторические формы переходных процессов: от революционных до эволюционных, от современных до традиционных и т. д.

Политическая транзитология имеет определенную предысторию. Идеи политических переходов можно обнаружить еще в трудах Аристотеля и Полибия, Макиавелли и Мора, но предтечами современных транзитологических концепций следует считать К. Маркса и А. де Токвиля, давших классический анализ переходных процессов прежде всего на основе изучения революционных изменений и политических трансформаций во Франции с конца XVIII по конец XIX века. Маркс выделяет в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» (1852) социально-экономические детерминанты политических трансформаций, тогда как Токвиль в «Старом порядке и революции» (1856) на первый план выносит институциональные характеристики переходов. По мнению А. де Токвиля, при переходе от «ancien regime» к демократической республике, во-первых, вначале происходит ослабление старых институтов, которые теряют эффективность и поддержку; во-вторых, наступает революционный взрыв, который окончательно разрушает старые формы, и в-третьих, в постреволюционный период многие обычаи и правила, компоненты институтов вновь воспроизводятся. Впоследствии это подготовило почву для реставрации монархии Бурбонов или восстановления Наполеоном III империи.

В контексте политических переходов Токвиль выделяет консервативную роль бюрократии, ухитрявшуюся сохранять в новых институциональных формах множество старых правил игры. Парадоксальным ему представлялось и то, что при всех изменениях во Франции центральных органов власти, когда «верхушка администрации

менялась при каждом перевороте, самый организм ее оставался незатронутым и жизнеспособным, прежние функции исполнялись прежними чиновниками, которым удавалось пронести через многообразие законов свой дух и образ действия. Они судили и управляли именем короля, затем именем республики, наконец — именем императора. Затем колесо судьбы завершало очередной поворот, и они вновь управляли и судили во имя короля, во имя республики, во имя императора, оставаясь теми же и свершая те же действия. Какое им было дело до имени господина?»⁴³ Эта идея Токвиля о воспроизводстве старых правил игры в новых политических формах выглядит как нельзя более актуальной для России, где в ряде случаев произошла «чудесная метаморфоза» при превращении коммунистической номенклатуры в демократических управленцев.

Но все же специально теорию транзитологии западные политологи начали активно разрабатывать только в 1970-е годы⁴⁴. Появление этой методологической конструкции во многом было связано с критическим анализом и попытками преодоления недостатков теории политической модернизации. Одним из первых политологов, предпринявших попытку разработки модели демократического перехода, Д. Растоу начинает с того, что разграничивает свой «генетический подход» с «подходом функциональным», на который опирается большинство авторов концепций модернизации. В статье, написанной в 1970 г., им формулируется исходное положение для построения динамической модели политической трансформации: «Факторы, обеспечивающие устойчивость демократии, не обязательно равнозначны тем, которые породили данную форму устройства политической системы: при объяснении демократии необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом»⁴⁶. Новизна этого подхода состояла в переносе акцентов с постоянных факторов, обеспечивающих функционирование режима, на все время изменяющийся контекст политической динамики, его генетические предпосылки и переменные величины, определяющие характер, направление и темпы движения.

В то же время Д. Растоу ограничивает свою модель «генезиса демократии» странами, в которых основные причины политического перехода находятся «внутри», а не зависят прежде всего от «толчка извне», как это произошло в Германии и Японии после их поражения во II мировой войне, а также с государствами, в которые демократические институты были импортированы иммигрантами (Австралия, Новая Зеландия, Канада и т. д.).

В целом переход к демократии осуществляется при наличии двух взаимосвязанных предпосылок: наличии определенного уровня национального единства при одновременном существовании поли

тического противоборства основных социальных сил. На материале сравнительного анализа опыта перехода к демократии двух стран (Швеции с 1890 по 1920 г. и Турции с 1940 по 1960 г.) Растоу выделяет три основные фазы переходной динамики. Во-первых, подготовительная (preparatory) фаза, характеризующаяся развёртывающимся конфликтом, борьбой основных социальных сил и их коалиций (в Швеции фермеры, рабочий класс и городские средние слои борются на рубеже XIX — XX вв. с консервативным альянсом бюрократии, крупных землевладельцев и промышленников). Во-вторых, фаза принятия решений (decision phase), на которой вырабатывается формула «великого компромисса между основными акторами», исторического соглашения, определяющего основные правила демократической игры. И в-третьих, фаза закрепления (habituation), когда происходит утверждение новых форм общения людей и становление демократических институтов. Итак, логика перехода от автократии к демократии выстраивается Д. Растоу следующим образом: от достижения национального единства через социальное противоборство и исторические компромиссы к закреплению новых правил игры и становлению институтов демократического государства.

В 1980 — 90-е годы разрабатывается целый блок моделей демократического перехода, связанных с именами А. Пржеворского, Ф. Шмиттера, Г. О'Доннела, Х. Линца, С. Хантингтона и др. Например, стоящий на позициях «аналитического марксизма» А. Пржеворский в центр своей концепции перехода к рынку и демократии ставит динамику соотношения социальных сил, выделяя на основе этого критерия две основные фазы: «либерализацию» и «демократизацию». На первой фазе изменение соотношения сил между правящей и оппозиционной группировкой, связанное с усилением давления «снизу» и расколом «сверху», либо может привести к конфронтации, которая вызовет репрессии и усиление авторитаризма, либо, наоборот, ослабит его «старые» политические институты. Вторая фаза непосредственной демократизации связана уже с неким продвижением реформаторов вперед и достижением компромисса с умеренными силами правящей элиты по поводу конституирования основных демократических институтов, возможность которого открывается при перевесе сил оппозиции и поддержке их действий «снизу»⁴⁶.

Таким образом, скорость прохождения фаз и выбор альтернативных путей перехода к демократии во многом обусловлены расстановкой и соотношением сил основных политических акторов. На близкой позиции стоят известные транзитологи Ф. Шмиттер и Г. О'Доннел, которые больше внимания уделяют

аспектам институционализации политических изменений, а также добавляют еще одну, третью их фазу — ресоциализацию, на которой происходит освоение гражданами демократических ценностей и правил игры, включение их в новую политическую систему. Ключевым моментом перехода к демократической системе, по их мнению, является принятие всеми политическими силами новых институциональных механизмов, в соответствии с которыми власть отдельных лидеров и определенных элитных групп заменяется надперсональным и неопределенным господством официальных процедур и конституционных норм⁴⁷.

В рамках транзитологических подходов выделяются концепции, уделяющие основное внимание исследованию экзогенных (С. Хантингтон) и эндогенных (Х. Линц) аспектов перехода от авторитаризма к демократии. В своей работе «Третья волна» (1991) директор Института стратегических исследований Гарвардского университета С. Хантингтон утверждает, что переходные процессы внутри отдельных стран можно объяснить лишь в контексте глобальных политических изменений, мировых «волн демократизации». Таких волн в нынешнем столетии было всего три: пик первой волны пришелся на завершение первой мировой войны, когда рухнули многие авторитарные режимы, развалились Австро-Венгерская, Германская, Османская и Российские империи. Затем последовал мощный откат назад и установление авторитарных и фашистских режимов (Германия, Италия и др.). В 1922 году в мире насчитывалось 32 демократические страны, а спустя двадцать лет их осталось только 12. Пик второй волны попал на 1950-е годы, но к началу 1970-х их число снова уменьшается. Начиная с 1974 года в границах третьей волны около 40 государств постепенно переходят от авторитарного к демократическому правлению. Постепенная внутренняя демократизация осуществляется под влиянием экзогенных факторов мирового процесса. Но при этом возможны три разных пути демократизации, зависящие уже от эндогенных факторов: 1) *трансформация* (transformation), при которой сильная правительственная группировка диктует оппозиции условия пакта о демократизации страны; 2) *перегруппировка* (transplacement), когда существует баланс сил между правительством и оппозицией, в результате которого замена руководителей происходит путем переговоров и 3) *замена* (replacement), в ходе которой под давлением масс «снизу» оппозиция сменяет правительство⁴⁸.

Идея консолидации демократииЦелый цикл своих работ посвятил профессор Йельского университета Х. Линц анализу прежде всего эндогенных факторов перехода от авторитаризма к демократии. Одним из результатов его исследований стала разработка взаимосвязанных концепций «консолидации демократии» и «завершенного демократического перехода». С точки зрения Х. Линца и А. Степана, степень продвижения и характер изменений в стране, переходящей к демократии, может быть оценена при помощи следующих характеристик: «Демократический переход завершился в том случае: когда достигнуто определенное согласие по поводу политических процедур смены правительства; когда его приход к власти является результатом свободного голосования народа; когда de facto правительство получает рычаги власти для разработки новой стратегии, и когда de jure созданные новой демократией исполнительная, законодательная и судебные власти не должны передавать другим органам свои функции»⁴⁹. Что же касается ключевой категории «консолидации демократии», которое означает итоговое состояние изменяющегося политического режима, то Линц и Степан выделяют три аналитических измерения, которые дают возможность дать его всестороннюю характеристику. Во-первых, в «*измерении поведения*» (behaviorally) состояние «консолидации» означает, что ни один влиятельный политический актор не пробует достигать своих целей антидемократическим путем. Во-вторых, в «*измерении ориентации*» (attitudinally) общество демократически консолидировано, если большинство населения ориентировано на решение социальных проблем в рамках демократических процедур и институтов. И в-третьих, в разрезе «*конституционного измерения*» (constitutionally) правительственные и оппозиционные силы преодолевают конфликты между собой лишь на основе установленных правовых норм и законов. Таковы параметры завершенности переходного процесса, консолидации демократического режима как итога совокупности политических изменений.

В то же время в «третьем мире» процесс консолидации часто бывает прерван и не завершен до конца, создавая симбиотические образования, называемые иногда «демократический авторитаризм» или «авторитарная демократия». Во многом это связано с социокультурной средой, в рамках которой осуществляется политический переход, с «реакцией отторжения» демократических ценностей и норм доминирующей политической культуры.

Заключение.

ПОЛИТИКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Политическая культура и «снятие» политического опыта

Изучение политики как сферы общественной жизни, как удалось убедиться, имеет множество познавательных аспектов и реальных измерений. Правомерно возникает вопрос, а возможно ли какое-либо интегральное видение политики как некоего синтеза многих социальных и аналитических измерений политики? Ряд политологов считает, что роль подобного «синтеза» выполняет концепция политической культуры, как бы «снимающая» в интегративном виде весь опыт существования, функционирования и развития политической сферы человеческого общества.

Политическая культура в виде своего рода «матрицы» практического опыта результирует все три основные ипостаси (или формы) освоения и продуцирования политической практики, а именно, во-первых, духовную практику политической жизни, опыт существования различных инвариантов политического сознания, типов политических теорий и доктрин, психологических установок и ориентации, во-вторых, опыт предметно-преобразовательной деятельности, тех или иных форм и методов политической активности людей и, в-третьих, объединяющий воедино духовный и материальный способы освоения политической жизни, опыт институциональный, связанный с тысячелетней практикой становления и развития самых разных политических институтов¹. **Итак, политическая культура как бы подытоживает весь общечеловеческий опыт жизни в политическом измерении, то есть опыт существования политики как особой сферы жизнедеятельности общества и человека.** «Политическая культура охватывает все сферы политической жизни и включает в себя культуру политического сознания (сводимую иногда к «культуре мышления»); культуру политического поведения индивидов, групп и наций; культуру функционирования существующих в рамках Данной системы политических институтов и организаций»².

Социокультурное измерение пронизывает всю политическую жизнь, представляя собой некую «осевую (или «стержневую») вертикаль», пересекающую насквозь всю систему «горизонталей» отношений многомерного реального и аналитического пространства политической жизни, и выполняя в нем по аналогии с кибернетикой и биологией функцию некоего «информационного кода» или «матрицы генотипа» в рамках того или иного этноса. Если попробовать взять на себя смелость выделить в лаконичной формуле рабочей дефиниции *основные признаки политической культуры*, то последняя представляет собой систему политических ценностей и норм, идей и представлений, стереотипов политической деятельности и поведения, а также институциональных моделей, соединяющих идеальные нормы и правила политических отношений с реальными структурами и формами политической организации и взаимодействия людей, которые, в свою очередь, аккумулируются в политических традициях и опыте.

Культура как условие и среда политической жизнедеятельности

Во всех политических отношениях, действиях и взаимодействиях культура выступает, с одной стороны, как *условие или среда* той или иной формы политической активности, когда, к примеру, компартии в несоциалистических странах должны считаться с господствующими нормами и ценностями консервативной или религиозной идеологии. С другой стороны, обеспечивая цикл воспроизводства политической жизни, культура определенным образом подытоживает *результаты опыта* политической деятельности, продуктом чего является развитие старых или становление новых политических традиций. «Политическая культура, вообще говоря, есть система отношений и одновременно процесс производства составляющих ее элементов, в черед сменяющих друг друга поколений»³.

Совокупность разобранных выше аспектов и измерений анализа политической жизни дает нам возможность изучать политику в самых различных ипостасях и проекциях, а кроме того, позволяет выстроить определенную логику познания предметного поля политики и упорядочить, систематизировать политологические категории. Исходным политическим отношением в этом плане выступает взаимоотношение *власти и влияния*, предпосылкой которого являются ценности господствующей культуры и которое отражает «первичную клеточку» анализа политического механизма интеграции, поддержания целостности и регулирования социальными общностями, опирающегося на некий консенсус или согласие («общественный договор») людей на основе пересечения их социальных интересов. Отношения власти и влияния, господства и подчинения между

управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными связаны всегда с контролем и распределением определенных ресурсов (например, собственности), основывающимся на доминирующей в данной культуре системе норм и ценностей. Следующее за оппозицией «ценности» и «власть-влияние» пространственно-временное измерение политики ограничивает диапазон распространения данного исторически-конкретного вида власти в масштабах страны и периода*, в то время как категории «порядок» и «изменение» характеризуют устойчивость и изменчивость, стабильность или нестабильность той или иной конфигурации властных отношений и расстановки сил. Эти три измерения позволяют сосредоточить внимание на *объективированном, или репродуктивном, видении политики*, где на первый план выходят некие равнодействующие «параллелограммы» сил, отражающие в снятом виде суммарное воздействие и объективных, и субъективных факторов функционирования властных механизмов, составляя в итоге субстанциональное содержание политической сферы жизнедеятельности.

Три других измерения политического мира, которым соответствуют три дуальные категориальные оппозиции, вводят в оборот анализа «раздвоение» политики на «субъект-объектные взаимодействия», перенося тем самым центр тяжести на Субъективацию политической жизни и демонстрируя активную роль познающего и преобразующего политического агента, то есть *субъективированное, или активистское, видение* политики. Прежде всего это относится к познанию политической действительности через призму категориального ряда «субъективная рефлексия — объективная реальность», когда индивиды и группы, партийные и государственные институты вынуждены первым делом обратиться к рефлексивным формам ориентации и освоения мира политики, продуцируя его модели и образцы в виде теоретических концепций, идеологических доктрин, психологических установок и ориентации и т. д. Обладая рефлексивной моделью и определенной ориентацией в политическом поле, агент политики из субъекта познания может трансформироваться в субъект практическо-преобразовательной деятельности, опредмечивающейся в политических взаимодействиях, более или менее устойчивых связях и реальных отношениях. Этот фрагмент политического поля и познавательный блок отражаются категориями «преобразовательная активность — политические отношения».

* Взаимосвязь и взаимообусловленность пространственного и временного континуумов власти и влияния дают возможность построить объемную модель «политического хронотопа», а также придать изучению политики «темпоральный характер», адекватный живой динамике самого объекта.

Институциональные традиции как социокультурный продукт политической жизни

Наконец, «соединение» идеальных и инвариантных моделей политических структур со стабильными и устойчивыми системами практики политических отношений приводит нас к формированию и развитию политических институтов, как бы оформляющих властные отношения, сложившуюся асимметрию и реальные соотношения сил между взаимодействующими агентами политики. Категория «политического института», с точки зрения восхождения от исходных абстракций «власть-влияние» к более конкретным определениям, является наиболее богатым и содержательным понятием, вмещающим в себя как бы все предшествующие логико-познавательные фазы: властные полномочия и силу влияния, диапазон распространения и степень устойчивости и стабильности, идеальную институциональную модель и реальную практическую деятельность по ее воспроизводству или изменению.

Опыт функционирования политических институтов (как субстратной формы и организационной структуры общения по поводу власти и влияния) аккумулируется в политических традициях и стереотипах, которые и составляют его диалектическое «снятие» и основу политической культуры⁴. Институциональные традиции, в свою очередь, на всяком новом познавательно-преобразовательном витке развития политической жизни выступают как некие его предпосылки и условия, как своего рода социокультурная среда, задающая приоритетные ценности, в свою очередь определяющие государственные нормы и установления, принципы властной организации и порядка общения и правила политических отношений. **Итак, познавательный цикл в описании и интерпретации политики как бы замыкается в нашем анализе: исходная абстракция «власть» смыкается с завершающей, наиболее конкретной категорией «культура»,** связывая тем самым в единую цепь опосредований все измерения политики как целостного, реального предмета и многомерного аналитического пространства, постоянно вовлекающего в свою орбиту непрерывно усложняющиеся старые и возникающие новые политические феномены.

Литература

ВВЕДЕНИЕ

¹ См. об этом подробнее: *Амелин В.Н., Дегтярев А.А.* Социология политики в России: становление и современное состояние // Мир России: Социология. Этнология. Культурология. 1997. № 1.

² См.: *Скиба В.И.* К вопросу о социалистической политологии // Социально-политические науки. 1991. № 3; *Быстрицкий Е.* Почему национализм не может быть наукой // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 3.

³ См., например: *Штомпка П.* Много социологии для одного мира («Большая теория» и теоретический плюрализм) // Социологические исследования. 1991. № 2; *Поздняков Э.А.* Философия политики. Т.1. М., 1994. С. 56-70; *Sartort G.* The Theory of Democracy Revisited. Part 1. The Contemporary Debate. Chatham, 1987. *Pateman C.* A New Democratic Theory? Political Science: The Public and The Private / Paper Presented at The Plenary Session of XVth IPSA World Congress. Buenos-Airos, 1991.

ГЛАВА I ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

¹ См.: *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 55.

² См., например: Политическая социология, политология, социология международных отношений («круглый стол») // Социально-политические науки. 1991. № 7.

³ См.: *Грацианский П.С.* Политическая наука во Франции: Критические очерки. М., 1975. С. 12,

⁴ См.: *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972. С. 185.

⁵ См. более подробно о дискуссии: Основы политологии. / Под редакцией Пугачева В.П. М., 1992; *Дегтярев А.А.* Политологический учебник: Первые российские опыты сегодня и завтра, без опыта вчера // Кентавр. 1993. № 1.

⁶ См.: *Пэнто Р., Гравитц М.* Цит, соч. С. 186-187.

⁷ См.: *Дегтярев А.А.* К анализу взаимосвязи законов общественного развития и принципов деятельности компартий // Политические аспекты взаимосвязи глобальных проблем современности / Отв. ред. Чиркин В.Е. М., 1985.

⁸ *Поппер К.* Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 83.

⁹ См.: *Липсет С.* Политическая социология // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. / Ред. Смелзер Н. М., 1972. С. 203-219.

¹⁰ См.: *Амелин В.Н.* Социология политики. М., 1992. С. 14-15.

¹¹ *Ганнел Д.* Политическая теория: эволюция отрасли // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 66.

¹² См. об этом подробнее: *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

¹³ Эта путаница приводит к тому, что задачу прикладной политологии сводят иногда к «доведению» выводов общей теории политики до эмпирического уровня (См., например: *Шутов А.Ю.* Прикладная политология: попытка систематизации //

Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 76-77).

¹⁴ *Pal L.* Public Policy Analysis: An Introduction. Scarborough, 1992. P. 22.

¹⁵ Фундаментальные и прикладные социальные исследования: Методологические вопросы взаимодействия / Под ред. Ельмеева В.Я., Овсянникова В.Г. Л., 1988. С. И.

¹⁶ См. подробнее о взаимосвязи политологии с политической практикой: *Тихомиров В.Б.* Профессионализм политолога: анализ, принятие решений, управление событиями // Социально-политический журнал. 1993. № 3.

¹⁷ *Вазюлин В.А.* Становление метода научного исследования К. Маркса. М., 1975. С. 26.

¹⁸ См.: *Дегтярев А.А.* О логике исследования в политической науке // Политология и современный политический процесс. М., 1990.

¹⁹ The Study of the Discipline of Political Science: A Newsletter. Brockport, 1995. № 7, January. P. 7-9.

²⁰ См. об этом подробнее два специальных сборника статей западных политологов, отражающих соответственно европейскую («Новые достижения в политической науке», 1990 г.) и американскую («Политическая наука: взгляд в будущее», 1991 г.) точки зрения на будущее развитие проблематики и предмета политической науки. Now Developments in , Political Science: An International Review of Achievements and Prospects / Ed. by Leftwich A. Aldershot, 1990; Political Science: Looking to the Future. Vol. 1. / Ed. by Crotty W. Evanston, 1991.

ГЛАВА II МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

¹ См.: *Собянин А., Юрьев Д.* Политическая температура России // Аргументы и факты. 1990. № 36. 15-21 сентября.

² См. подробнее об этом: *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. М., 1974; *Быков В.В.* Методы науки. М., 1974 и др.

³ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 29.

⁴ См.: *Smith B., Johnson K., Paulsen D., Shocket F.* Political Research Methods: Foundations and Techniques. Atlanta, 1976. P. 3

⁵ Одним из немногих исключений на этом этапе, связанным с постановкой вопроса о роли «числовых» (говоря современным языком, количественных) методов, была работа английского ученого В. Петти «Политическая арифметика» (1676 г.), где он считал статистику способом познания социально-политических явлений.

⁶ См.: *Доватур А.И.* «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 44.

⁷ *Mill J.S.* How We Compare // Comparative -Politics: Notes and Readings/ Ed. by Macridis R., Brown V. Chicago, 1986. P. 23-28. Современные возможности компаративного исследования отражены в классической работе А.Пржеворски, Х.Тьюни «Логике сравнительного социального исследования», (*Przeworski A., Teune H.* The Logic of Comparative Social Inquiry. New York, 1969).

⁸ См., например; *Горн В.* Спасители России: Этюд политической статистики // Современный мир. 1908. № 1.

⁹ *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М, 1972. С. 190.

¹⁰ Наиболее обстоятельный обзор современного состояния сравнительных исследований в политологии и социологии содержится в спецобзоре Международной социологической ассоциации «Сравнительная методология» (1990). См.: Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research / Ed. by Oyey E. London, 1990,

¹¹ К политическим партиям относятся «организации, которые проводят линию на открытое завоевание их представителями государственных позиций». (*Janda K. Political Parties: Cross-national Survey. Now York, 1980. P. 5*). Под демократическим

государством подразумевается «политическое устройство, в котором идеологически и социально различающимся группам открывается легальная возможность для соревнования за контроль над властью, и где агенты, контролирующие властные институты, избираются и ответственны перед народом». (*Vanhanen T. Process of Democratization: A Comparative Study of 147 States (1980-88). New York, 1990. P. 11).*

¹² См. об этом: Методы сбора информации в социологических исследованиях / Отв.ред. Андреев В.Г., Маслова О.М. Кн. 1. М., 1990; *Manheim J., Rich R., Empirical Political Analysis: Research Methods in Political Science. New York, 1991.*

¹³ См.: Социологическое исследование: Методы, методика, математика и статистика: Словарь-справочник. Т. 4 / Отв. ред. Осипов Г.В. М., 1991. С. 163-164.

¹⁴ См.: *Мелихов С. В.* Количественные методы в американской политологии. М., 1979. Гл. I; *Кулик А.Н.* Посттоталитарное развитие, политология и информатика: Проблемы взаимосвязи. М., 1990 и др.

¹⁵ См.: *Плотинский Ю.М.* Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992. С. 39-40.

¹⁶ См.: Известия. 1995. 5 апреля.

ГЛАВА III ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

¹ *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 455. ² *Гоббс Т.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1991. С. 132.

³ См. об этом подробнее: *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989.

⁴ *Weber M., Wirtschaft und Oesellschaft // Orundriss der Sozialukomik. III. Abt. Tubingen, 1922. S.28.*

⁵ *Иванов Д.* Властта: Философско-социологический анализ. София, 1985. С. 150.

⁶ *Lasswell H., Kaplan A.* Power and Society: A Framework for Political Inquiry. New Haven, 1950. P. 75.

⁷ См. об этом: История Европы. Т. I. / Отв. ред. Голубцова Е.С. М., 1988. Гл. 1-2; *Васильев Л.С.* История Востока. Т. I. М., 1993. Гл. 2-4.

⁸ См.: *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. Гл. 4; История первобытного общества: Эпоха классовообразования / Отв. ред. Бромлей Ю.В. М., 1988. Гл. 2.

⁹ *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 382.

¹⁰ См.: *Lasswell H.* Power and Personality. Now York, 1948. P. 228-231.

¹¹ *Амелин В.Н.* Социология политики. М., 1992. С. 13. О понятии «влияние» подробнее см.: *Дегтярев А.А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Политические исследования. 1996. № 3. •

¹² См.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 646-647.

¹³ *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147.

¹⁴ Этапы современной дискуссии на Западе о структуре власти см.: *Mills R.* Power Elite. New York, 1956; *Dahl R.* Who Governs? New York, 1961; *Bachrach P., Barats M.* The Two Faces of Power. // American Political Science Review. 1962. № 56; *Lukes S.* Power: A Radical View. London, 1974; *Isaak I.* Power and Marxist Theory: A Realist View. Ithaca, 1987, etc.

¹⁵ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 4.

ГЛАВА IV ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ)

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 644.

² См. об этом подробнее: Ильин М.В. Слова и смыслы: Политика, Республика. Конституция. Отечество // Политические исследования. М., 1994. № 4. С. 49-56.

³ Еще Конфуций отмечает, что политические отношения между правителем и подданными в государстве сродни отношениям между старшими и младшими в семье и должны соответственно регулироваться нормами человеческой морали. С этого времени и вплоть до работ Макиавелли сфера морали и политическая сфера анализируются в политической мысли в нерасчлененном виде.

⁴ См. подробнее об этом: Кривушин Л.Т. Проблемы государства и общества в домарксистской мысли (Историко-социологические очерки). Л., 1978. ⁵ См.: Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 317-337.

⁶ См.; Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 36. ⁷ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-7.

⁸ См.: Философский энциклопедический словарь, М., 1983. С. 507. ⁹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т.1— Вып.1. С. 45-46,

¹⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения, М., 1990. С. 646.

¹¹ См.: Пирсоне Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2.

¹² Медушевский А.Н. Идея разделения властей: история и современность // Социологический журнал. 1994. № 1, С. 63.

¹³ См.: Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953; Easton D. The Analysis of Political Structure. New York, 1991.

¹⁴ См.: Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. № 1. Вып. 2. С. 123-126.

¹⁵ См.: Бауман З. На что указывает постсовременность // Социологический журнал, 1994. № 1. С. 189-190.

¹⁶ См. об этом: Ковалевский М. От прямого народоправства к представительному, и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 1. М., 1906.

¹⁷ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 185.

ГЛАВА V ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ОБЪЕКТИВИРОВАННОМ ИЗМЕРЕНИИ

¹ Гаджиев К.С. Средства массовой информации и политика // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 1. С. 57. ² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 252-253.

³ См.: Белов Г.А. Политические отношения социалистического типа. М., 1976. Гл. II.

⁴ См.: Боголюбова Е.В. Ценность и оценка // Исторический материализм как наука / Отв. ред. Панцхава И.Д. М., 1974. С. 134, 143; Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 3.

⁵ См.: *Плохов В.Д.* Социальные нормы: Философские основания общей теории. М., 1985. С. 15-17; *Ручка А.А.* Социальные ценности и нормы. Киев, 1976.

⁶ *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 637. См. также: *Демидов А.И.* Порядок как политическая ценность // Политические исследования. 1992. № 3. С. 145-148.

⁷ См. об этом: *Баталов О.С.* Легитимация как становление права на политическую власть. Екатеринбург, 1992; *Шпакова Р.П.* Легитимность и демократия (Уроки Вебера) // Политические исследования. 1994. № 2.

⁸ См. об этом; *Habermas J.* Kleine Politische Schriften. Frankfurt a. M., 1981. S.504.

⁹ См. об этом: *Щербинин А.И.* Политический мир во времени и пространстве // Политические исследования. 1994. № 6; *Драгунский Д.В.* Макрополитика (Заметки о детерминантах национального поведения) // Политические исследования. 1995. № 5.

¹⁰ См.: *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М., 1955. С. 266.

¹¹ См. об этом: *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи: (Империя как понятие социологии и политическая проблема). М., 1991. С. 15-22; *Давыдов А.А.* Геометрия социального пространства (постановка проблемы) // Социологические исследования. 1996. № 8.

¹² См.: *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 298.

¹³ *Бурдые П.* Социальное пространство и «генезис» классов // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. С. 17.

¹⁴ См.: *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 258; *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990. P. 6. См. об этом подробнее: Международные отношения как объект изучения. / Под ред. *П.А. Цыганкова* М., 1993. Гл. 2,6.

¹⁵ См.: *Pounds N.* Political Geography. New York, 1985. P. 1-20.

¹⁶ См. об этом: *Артемов В.А.* Социальное время: Проблемы изучения и использования. Новосибирск, 1987. С. 25-29; *Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии: Основания хронополитики. М., 1995; *Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. М., 1995.

¹⁷ См.: *Parsons T.* The Structure of Social Action. Vol. II. New York — London, 1968. P. 763.

¹⁸ См.: *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8. С. 201-202.

¹⁹ См.: *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 57-60; Американская концепция партийно-политической перегруппировки: Критический анализ. / Ред.кол. Валюженич А.В. и др. М., 1990. С. 46-49.

²⁰ См.: *Пономарев В.* Общественные волнения в СССР: от XX съезда до смерти Брежнева. М., 1990; *Григорьев О.* и др. Куда качнется маятник? Дискус, материал ЭИ РСПП. Вып. 13. М., 1994 и др.

²¹ См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1. М., 1993. С. 98. Подобные подходы можно встретить и в работах М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева и Н.А. Рожкова. См., например: *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). М, 1919. С. 9-14.

²² По социальной и политической динамике в США еще в начало XX века выходят работы А. Бентли «Процесс управления» (1908) и Ч. Кули «Социальный процесс» (1918 г.). Один из основателей системного подхода Т. Парсонс в связи с данными сюжетами в своей книге «Социальная система» (1951) неоднократно ссылается на П. Сорокина.

²³ См.: *Prelo M.* La Science Politico. Paris, 1961. P. 60.

²⁴ См. три работы Г. Алмонда, отражающие эти три этапа и подхода: «Сравнительные политические системы» (1956), «Функциональный подход к сравнительной политике» (1960), «Динамический подход к политическим системам»

(1965), а также их интегрирующую и в известном смысле подводящую итог его поискам работу «Сравнительная политика», перерабатывавшуюся в ряде изданий в 60-90-е гг.

²⁵ См.: *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 454-459.

²⁶ См.: *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven — London, 1968. P. 1-8.

²⁷ Подробнее см. об этом: *Ильин М.В.* Ритм и масштабы перемен (О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии) // Политические исследования. 1993. № 2; Буржуазное общество в поисках стабильности. / Отв. ред. Галкин А.А. М., 1991.

²¹ *Кочанов Ю.Л.* Опыты о поле политики. М., 1994. С. 33.

ГЛАВА VI СУБЪЕКТИВИРОВАННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

¹ См.: *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 4, М., 1984. С. 376-380.

² *Грин Д., Шапиро И.* Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: Почему так мало удалось узнать? // Политические исследования. 1994. № 4. С. 59.

³ *Каган М.С.* Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М., 1988.

⁴ *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 279. ⁵ Там же. С. 283-284.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 45.

⁷ См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Т. 1. М., 1894. Гл. 1; *Лазарев Г.М.* Развитие государственной власти в древнем мире. М., 1906. С. 9-10.

⁸ *Шестопал Е.Б.* Очерки политической психологии. М., 1990. С. 22.

⁹ См.: *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 52-54.

¹⁰ См. об этом подробнее: *Гаджиев К.С.* Политическое сознание или политическая культура? // Кентавр. 1991. № 4; *Матуц У.* Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. 1992. № № 1-2.

« *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 603.

¹² Из современных, наиболее значительных зарубежных работ см.: *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge— London, 1965; *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, 1979; *Habermas J.* Theorie des Kommunikativen Handelns. Bd. I-II. Frankfurt a. M., 1981; *Luhman N.* Soziale Systeme. Frankfurt a. M., 1984; *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge— London, 1990, etc.

¹³ См. отечественные работы: *Каган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974; *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981; *Момджян К.Х.* Категории исторического материализма: системность, развитие. М., 1986; *Демидов А.И.* Политическая деятельность: Философский анализ факторов детерминации. Саратов, 1987.

к *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск. 1981. С. 180.

¹⁵ *Monroe K.* The Theory of Rational Action: What is it? How Useful is it for Political Science? // Political Science: Looking to the Future. Vol. 1. The Theory and Practice of Political Science. / Ed. by Crotty V. Evanston, 1991. P. 78.

¹⁶ Критический анализ см.: *Грин Д., Шапиро И.* Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: Почему так мало удалось узнать?

¹⁷ См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 283-284.

¹⁸ См. об этом: Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии // Под общ. ред. Шахназарова Г.Х. М., 1982. Гл. 4. ¹⁹ *Duverger M. Sociologie Polittiquo. Paris, 1968. P. 103.*

²⁰ См. об этом: *Ильич М.В.* Слова и смыслы: Общение — общность // Политические исследования. 1994. № 6.

²¹ См. подробное: *Андреев С. С.* Политические структуры и политический строй общества // Социально-политические науки. 1991. № 10.

²² *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 25.

²³ См. об этом: Черный рынок как политическая система // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8-9. С. 175-192.

²⁴ *Топорнин Б.Н.* Европейские сообщества: право и институты (динамика развития). М., 1992. С. 96.

²⁵ *Фармер М.* Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. 1994. № 3, С. 54.

²⁶ *March J., Olsen J.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York—London, 1989. P. 1.

²⁷ Там же, С. 2-3.

²⁸ *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge — London, 1990. P. 375-376.

ГЛАВА VII АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

¹ См.: *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 376-380.

² *Грин Д., Шапиро И.* Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: Почему так мало удалось узнать? // Политические исследования. 1994. № 3. С. 59.

³ См.: *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 57-58.

⁴ *March J., Olsen J.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. Now York-London, 1989. P. 1-2; См. также: *The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by Powell W., Di Maggio P.* Chicago-London, 1991; *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / Ed. by Stoinmo S., Thelen K, Longstreth E.* Cambridge, 1992.

⁵ *Гоббс Г.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 174.

⁶ См.: *Энгельс Ф.* Позиция политических партий. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 504-506.

⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 24.

⁸ *Bentley A.* Process or Government: A Study of Social Pressures. New Brunswick—London, 1995. P. 465-468.

⁹ *Lasswell H.* Power and Personality. Now York, 1948. P. 17.

¹⁰ См.: *Comparative Politics Today: A World View / Ed. by Almond O., Powell O.* New York, 1996. P. 68-70.

¹¹ См.: *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princoton, 1990. Chapter 6.

¹² См., например: Основы теории политической системы / Отв. ред. Тихомиров Ю.А., Чиркин В.Е. М., 1985. С. 18, 39.

¹³ См.: *Карват М.* Политическая субъективность больших социальных групп, политических организаций и индивидов: Модель объяснения. // Элементы теории политики. / Под ред. Макаренко В.П. Ростов-на-Дону, 1991. С. 87-89.

**ГЛАВА VIII МАКРОПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**

¹ Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991.

² Там же.

³ См. об этом: *Wever K., Rockman B.* Do Institutions Matter? Government Capabilities in the United States and Abroad. Washington, 1993.

⁴ *Laponce J., Saint-Jacques B.* Institutions as Problem-solvers // *International Political Science Review*. 1997. № 3. P. 233.

⁵ См.: *Vincent A.* Conceptions of the State // *Encyclopedia of Government and Politics* Vol. 1 / Ed. by M. Hawkesworm, M. Kogan. London-New York. 1992: P. 44-45; *Idem.* Theories of the State. Oxford, 1987.

⁶ *Бакунин М.* Государственность и анархия. Пг.-М., 1922. С. 254.

⁷ См.: *Kelsen H.* The General Theory of Law and State. New York, 1945.

⁸ См.: *Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953. P. 130; *Idem.* A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs, 1960. P. 51; *Idem.* The Systems Analysis of Political Life. New York, 1965. P. 21.

⁹ *Almond G.* Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics // *Politics in Developing Areas* / Ed. by G. Almond, J. Coleman. Princeton, 1960. P. 7.

¹⁰ *Easton D.* The Analysis of Political Structure. New York — London, 1990. P. 3.

¹¹ См. работы Г. Алмонда за период с 1956 по 1996 г.: *Almond G.* Comparative Political Systems // *Journal of Politics*. 1956. № 18; *Almond G.* Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics // *The Politics of Developing Areas* / Ed. by G. Almond, J. Coleman. Princeton, 1960; *Almond G., Powell G.* Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, 1966; *Comparative Politics Today: A World View* / Ed. by G. Almond, G. Powell. New York, 1996, etc. В докладе, представленном на XVII Конгресс МАПН (Сеул, 1997), Г. Алмонд в своем анализе также опирается именно на эту функционалистскую модель политической системы.

¹² См., например: *Политические системы современности: Очерки* / Под ред. Ф.М. Бурлацкого. М., 1978; *Ильинский И.П., Мишин А.А., Энтин Л.М.* Политическая система современного капитализма. М., 1983; *Основы теории политической системы* / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Е. Чиркин М., 1985 и др.

¹³ См.: *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. New York, 1953; *Idem.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York, 1963; *Idem.* Politics and Government: How People Decide Their Fate. Atlanta, 1974, etc.

¹⁴ Эта версия типологизации политических систем разрабатывалась и эволюционировала на протяжении 40 лет, начиная с ранней статьи Г. Алмонда «Сравнительные политические системы» (1956) и заканчивая шестым изданием фундаментального труда «Сравнительная политика сегодня» (1996). См. об этом сноску 11.

¹⁵ См.: *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984; *Idem.* A Contemporary Critique of Historical Materialism: Power, Property and the State. London, 1981; *Idem.* The Nation-State and Violence. Cambridge, 1985, etc.

¹⁶ См.: *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993. С. 58, 82. См. также: *Бурдые П.* Начала. М., 1984; *Качанов Ю.Л.* Политическая топология: Структурирование политической действительности. М., 1996.

¹⁷ *Thelen K., Steinmo S.* Historical Institutionalism in Comparative Politics // *Structuring Politics* / Ed. by S. Steinmo, K. Telen, F. Longstreth. Cambridge, 1992. P. 2. См. также: *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / Ed. by W. Powell, P. Di Maggio. Cambridge, 1991. P. 5-7.

¹⁸ Эти вопросы начали разрабатываться и в отечественной политологии в духе, очень близком «новому институционализму». См., напр.: *Дилигенский Г.* Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 7-8.

¹⁹ См.: *Основы теории политической системы*. С. 35; *Марченко М.Н.* Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. М., 1985. С. 33.

²⁰ См. об этом: *Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев АЛ.* Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.

²¹ *Graber D.* Political Communication: Scope, Progress, Promise // *Political Science: The State of the Discipline. Vol. II / Ed. by A. Finifter.* Washington, 1993. см.

также: *Me Quail D.* Political Communication // Encyclopedia of Government and Politics. Vol. I / Ed. by M.Hawkesworm, M.Kogan. London-New York, 1992; *Гаджиев К.С.* Средства массовой информации и политика // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 1 и др.

²² См.: *Чешков М.Л.* Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1; *Пастухов В.Б.* От государственности к государству // Политические исследования. 1994. Кs 2,5; *Мамут Л.С.* Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 5 и др.

²³ См.: *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? // Литературная газета, 1990, 18 сентября; *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995.

¹⁴ См.: *Vincent A.* Conceptions of the State // Encyclopedia of Government and Politics. Vol. I, P. 46-50.

²⁵ См.: *Chilcote R.* Theories of Comparative Politics: The Search for a Paradigm Reconsidered. Boulder, 1994. P. 150-163.

²⁶ *Skocpol T.* Bringing the State Back In // Comparative Politics: Notes and Readings / Ed. by V.Brown, R.Macridis. Belmont, 1996. P. 63.

²⁷ См. об этом: *Rlgs G.* Presidentialism versus Parliamentarism: Implications for Representativeness and Legitimacy // International Political Science Review. 1997. № 3, P. 253-278.

²⁸ См.: *Салмин А.М.* О некоторых проблемах самоопределения и взаимодействия исполнительной и законодательной властей в Российской Федерации // Политические исследования. 1996. № 1. С. 7-14.

²⁹ См.: *Elazar D.* Contrasting Unitary and Federal Systems // International Political Science Review. 1997. № 3. P. 237-251.

³⁰ *Гоббс Т.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 174.

³¹ Там же.

³² *Bentley A.* The Process of Government: A Study of Social Pressures. New Brunswick — London, 1995. P. 211.

³³ См.: *Key V.* Politics, Parties and Pressure Groups. New York, 1964. P. 9-11.

³⁴ *Джордан Г.* Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях? // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 1. С. 83.

³⁵ *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. Т. 2. М., 1930. С. 250.

³⁴ *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis, Vol. 1. New York, 1976. P. 64.

³⁷ *Janda K.* Political Parties: A Cross-national Survey. New York, 1980. P. 5.

³⁸ *Lapalambara J., Anderson J.* Political Parties // Encyclopedia of Government and Politics. Vol. 1, P. 394.

³⁹ См.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 672-675.

⁴⁰ См.: *Duverger M.* Le Partis Politique. Paris, 1951. P. 84-90.

⁴¹ См.: *Duverger M.* L'influence dos systemes electoraux sur la vie politique. Paris, 1950. P. 12-13.

⁴² *Ziegler H.* Interest Groups // Encyclopedia of Government and Politics. P. 377-392.

ГЛАВА IX ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

¹ См.: Основы теории политической системы / Отв. ред. Тихомиров Ю.А., Чиркин В.Е. М., 1985. С. 153.

² *Gross B. Political Process // International Encyclopedia of Social Sciences. New York-London. 1972. Vol.12. P. 265.*

³ *Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 27.*

- ⁴ См.: *Sorotin P. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1. New York, 1937. P. 153*
- ⁵ See: *Comparative Politics Today: A World View / Ed. by Almond G., Powell G. New York, 1996. P. 9-10.*
- ⁶ *Ibidem. P. 53.*
- ⁷ *Ibidem. P. 53.*
- ⁸ См.: *Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 140-141.*
- ⁹ *Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Соч. Т. 8. С. 202.*
- ¹⁰ См.: *Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 704.*
- ¹¹ *Лоутон А., Роуз Э. Организация и управление в государственных учреждениях. М., 1993. С. 12.*
- ¹² Под «партисипаторной» моделью (от английского олова participation — участие) понимается порядок формирования субъектов государственного управления "снизу вверх", в который максимально включены рядовые граждане.
- ¹³ *Lindblom Ch. The Policy Making Process. Englewood cliffs, 1968. P. 118.*
- ¹⁴ См.: *Клементевич Т. Процесс принятия политических решений // Элементы теории политики / Под ред. Макаренко В.П. Ростов-на-Дону. 1991. С. 388-389.*
- ¹⁵ *Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 321.*
- ¹⁶ *Денкэн Ж.-М. Политическая наука. М., 1993. С. 25.*
- ¹⁷ См. более подробно: *Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. Гл. 3.*
- ¹⁸ См.: *Dahl J Introduction // Regimes and Oppositions. New Haven, 1993. P. 3.*
- ¹⁹ См. об этом: *Сартори Д. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 1; Лейнхарт А. Сообщественная демократия // Политические исследования. 1992. № 3; О'Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 1.*
- ²⁰ См.; *Риггс Ф. Непрочность режимов «третьего мира» // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 64; Авторитаризм и демократия в Третьем мире / Ред. кол. Хорос В.Г., Мешков М.А. и другие. М., 1996, и др.*
- ²¹ См.: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия (реферат) // Тоталитаризм: что это такое (Исследования зарубежных политологов. Ч. 2 / Отв. ред. Верченев Л.Н., Игрицкий Ю.И. М., 1993.*
- ²² *Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 597.*

ГЛАВА X ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- ¹ *Comparative Politics: Notes and Readings / Ed. by V. Brown, R. Macridis, Belmont, 1996, P. 353-354.*
- ² *A. de Токвиль. Старый порядок и Революция, М., 1997, С. 165.*
- ³ См.: 26 основных понятия политического анализа // *Политические исследования. 1993. № 1. С. 89.*
- ⁴ *Штомпка П, Социология социальных изменений, М., 1996. С. 29.*
- ⁵ *Липсет С. М., Кен-Рюн С., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 5; См. там же. С. 9: Таблица 5.*
- ⁶ *Салмин АМ Генезис и дисфункции «государства-провидения»: к изучению инерционных состояний политической системы (опыт Франции) // Буржуазное общество в поисках стабильности / Отв. ред. А.А. Галкин. М., 1991. С. 47.*
- ⁷ *Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven-London, 1968. P. 79.*
- ⁸ См.: *Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979. P. 168.*
- « *March J., Olsen J. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York-London, 1989. P. 56-57.*

¹⁰ См.: *Andrian F., Apter D.* Political Protest and Social Change: Analysing Politics. New York, 1995. P. 197.

¹¹ *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990, № 4. С. 134-135.

¹² *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 62.

¹³ *Apter D.* Political Change. Englewood Cliffs, 1973. P. 106.

¹⁴ *Шумпетер И.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 530.

¹⁵ См.: *Касты Дж.* Большие системы: связность, сложность, катастрофы. М., 1987. С. 42.

¹⁶ *Салмин А.М.* Генезис и дисфункции «государства-провидения»; к изучению инерционных состояний политической системы (опыт Франции). С. 48.

¹⁷ *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М., 1997. С. 149.

¹⁸ *Dogan M.* Foreword: Political Crises // International Political Science Review. 1984. № 3, P. 231.

¹⁹ *Binder L. Pye L. et al.* Crises and Sequences in Political Development. Princeton, 1971.

²⁰ *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven-London, 1968. P. 1.

²¹ См.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. С. 52.

²² *Норт Д.* Институты и экономический рост: Историческое введение // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 86.

²³ *Патузизм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 225.

²⁴ См.: *Философско-энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 561.

²⁵ *Przeworski A. et al.* Sustainable Democracy. Cambridge, 1995. P. 107.

²⁶ См.: *Михайлов С. В.* Английское общество на исходе XX столетия: факторы и перспективы социальной устойчивости в условиях распада традиционных структур // Буржуазное общество в поисках стабильности, Гл. 3.

²⁷ *Мэдисон Док,* Федералист № 37 // Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джоя. М., 1993. С. 239-240.

²⁸ См.: Разделенная демократия: Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом / Под общ. ред. Дж.Тарбера. М., 1991. С. 20-54.

²⁹ Например, А.Валенсуэла заключает по этому поводу так: «Президентская форма правления оказалась успешной только в Соединенных Штатах» (*Валенсуэла А.* Латинская Америка: Кризис президенсткой власти // Пределы власти. 1994. № 1. С. 73.).

³⁰ См.: *March J., Olsen J.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. P. 58.

³¹ *Eisenstadt S.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966. P. 1.

³² *Андреев И.Л.* Некапиталистический путь развития (Опыт философско-социологического анализа). М., 1974. С. 71.

³³ *Rostow W.* Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto, Cambridge, 1960; Idem.: Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.

³⁴ См.: *Apter D.* Politics of Modernization. Chicago, 1965. P. 67.

³⁵ См.: *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1993, P. 159.

³⁶ См.: Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change / Ed. C. Welch. Belmont, 1967. P. 7.

³⁷ *Pye L.* The Concept of Political Development // Annals of the American Academy of Political Sciences. 1965. Vol. 358. P. 1-13.

³⁸ См.: *Chilcote R.* Theories of Comparative Politics: The Search for a Paradigm Reconsidered. Boulder, 1994. P. 215.

³⁹ *Frank A.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil. New-York-London, 1967. P. 9.

⁴⁰ См., например: *Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Transformations of Peripheral Capitalism*. New-York, 1976.

⁴¹ *Dos Santos T.* The Structure of Dependency // *American Economic Review*. 1970. № 60. P. 231.

⁴² См. об этом: *Cardoso P., Enzo F.* Dependency and Development. Berkeley, 1979; *Cardoso F.* Associated-Dependent Development and Democratic Theory // *Democratizing Transition and Consolidation* / Ed. A. Stepan, Now-York-Oxford, 1989.

⁴³ *Токвиль де А.* Старый порядок и революция. М., 1997. С. 160.

⁴⁴ Строго говоря, достаточно развернутая концепция переходного периода была разработана еще в рамках советского марксизма, и она довольно стройно описывала процессы перехода «от капитализма к социализму» в странах коммунистического блока, и в том числе «государство переходного периода».

⁴⁵ *Растой Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Политические исследования*. 1996. № 5. С. 5.

⁴⁶ См.: *Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991. Ch. 2.

⁴⁷ См.: *O'Donnel G., Schmitter Ph.* Tentative Conclusions about Uncertain Democracies // *Transitions from Authoritarian Rule*. Vol. 4. Prospects for Democracy / Ed. by G. O'Donnel, F. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore-London, 1986.

⁴⁸ См.: *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman-London, 1991, P. 124-163.

⁴⁹ *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore-London, 1996. P. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОЛИТИКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

¹ См.: *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической теории капитализма. М., 1985. С. 197-198.

² *Баталов Э.Я.* Политическая культура как социальный феномен // *Вестник Московского университета*. Сер. 12 Социально-политические исследования. 1991. № 5. С. 70.

³ *Гаджиев К.С.* Политическая культура: концептуальный аспект // *Политические исследования*. 1991. № 6. С. 71.

⁴ См.: *Соловьев А.И.* Культура власти. М., 1992. С. 18-20.